

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

научное издание

Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор Ашимбаев М.С.,
директор КИСИ при Президенте РК

Редакционный совет: Ашимбаев М.С.
Ертысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Лаумулин М.Т.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.
Шоманов А.Ж.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 480100, Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Досымов А.С.
Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Бакбергенов К.С..

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации Республики Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «ФинЭк».
г. Алматы, ул. Карасай батыра, 191а.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2002 Г.

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№3 (21), 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» (КИСИ – ОБСЕ – Европейская комиссия – Фонд им. Ф.Эберта) 24–25 ИЮНЯ 2002 ГОДА

<i>Шоманов А.Ж.</i> Приветственное слово участникам конференции	3
<i>Кадыржанов Р.К.</i> Исламская идеократия и национальная безопасность государств Центральной Азии	4
<i>Акимбеков С.М.</i> Ислам и проблемы безопасности Центральной Азии	8
<i>Шатц Э.</i> Политический ислам как социальное движение	10
<i>Хамисов В.М.</i> Проблемы самоопределения исламских организаций в Кыргызстане	12
<i>Бабаджанов Б.С.</i> Теологическое обоснование и этапы джихада в документах исламского движения Узбекистана	15
<i>Олимова С.</i> Религиозные корни терроризма	21
<i>Жихорь Ю.</i> «Религиозный экстремизм»: проблемы идентификации	29
<i>Тукумов Е.В.</i> Арабо-израильский конфликт и исламский экстремизм	33
<i>Курганская В.Д.</i> Мониторинг религиозной ситуации в Республике Казахстан	43
<i>Избаиров А.К.</i> Ислам в социально-политических процессах в Казахстане	48
<i>Нурмухамедов Б.Ж.</i> Этноконфессиональные аспекты экстремизма и терроризма в странах Центральной Азии	52

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Галямова В.Ф.</i> «Вопрос о земле» в Китае в контексте проблемы выбора модели развития	55
---	----

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Умбеталиева Т.Б.</i> Исторические и современные модели модернизации	63
--	----

ЭКОНОМИКА

<i>Искаков Н.А.</i> Мировой опыт преобразования социальной сферы в субъект рыночных отношений (окончание)	69
<i>Гусева Л.Ю., Смирнов С.Л.</i> Транзитный потенциал Республики Казахстан: состояние, возможности и механизмы реализации (окончание)	75

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

<i>Донаков Т.С.</i> Некоторые проблемы правовой природы и организации местной исполнительной власти Республики Казахстан	86
<i>Байдельдинов Л.А.</i> Формирование этнокультурной структуры личности как социальная проблема	93

РЕЦЕНЗИИ

<i>Пядышев Б.Д.</i> Арыстанбекова А.Х. Объединенные Нации и Казахстан	98
<i>Машан М.С.</i> Жотабаева Н.Р. О демократии и парламентаризме	99

SUMMARY	102
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	104
---------------------------	-----

KAZAKHSTAN-SPECTRUM

Issue #3 (2002)

CONTENT

MATERIALS OF THE CONFERENCE «ISLAM AND NATIONAL SECURITY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES»

(KazISS – OSCE – European Commission – Friedrich Ebert Stiftung)

JUNE 24–25, 2002

<i>Shomanov A.</i> Greetings to the participants of the conference	3
<i>Kadyrzhanov R.</i> Islamic ideocracy and national security of the Central Asian countries	4
<i>Akimbekov S.</i> Islam and the problems of the Central Asian security	8
<i>Schatz E.</i> Political islam like a social movement10	10
<i>Khamisov V.</i> The problems of the self-determination of islamic organisations in Kirgizstan	12
<i>Babadzhanov B.</i> Theological foundation and stages of jikhad in the documents of Islamic movement of Uzbekistan	15
<i>Olimova S.</i> Religious roots of terrorism	21
<i>Zhikhov Yu.</i> «Religious extremism»: problems of identification	29
<i>Tukumov E.</i> The Arab-Israeli conflict and islamic extremism	33
<i>Kurganskaya V.</i> Monitoring of the religious situation in the republic of Kazakhstan	43
<i>Izbaïrov A.</i> Islam in the social and political processes in Kazakhstan	48
<i>Nurmukhamedov B.</i> Ethnoconfessional aspects of extremism and terrorism in the countries of Central Asia	52

EXTERNAL POLICY

<i>Galyamova V.</i> «The question about the land» in China in the context of the problem of the choce of the model of development	55
---	----

INTERNAL POLITICS

<i>Umbetalieva T.</i> Historical and contemporary models of modernisation	63
---	----

ECONOMY

<i>Iskakov N.</i> World expertise of social sphere transformation in the subject of market relations	69
<i>Gusseva L., Smirnov S.</i> A transit potential of Republic of Kazakhstan: a state, possibilities and mechanics of realization	75

THEORETICAL PAPERS

<i>Donakov T.</i> Some problems of judicial nature and on the organisation of local executive authority of the Republic of Kazakhstan	86
<i>Baideldinov L.</i> The formation of the ethnicultural structure of an individual as a social problem	93

REVIEW

<i>Pyadishev B.</i> Aristanvbekova A. United Nations and Kazakhstan	98
<i>Mashan M.</i> Zhotabaev N. About democracy and parliamentarism	99

SUMMARY	102
---------------	-----

CONTRIBUTORS	104
--------------------	-----

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

(КИСИ – ОБСЕ – Европейская комиссия – Фонд им. Ф.Эберта)

24–25 июня 2002 года

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Шоманов А.Ж.

Уважаемые участники конференции!

Дамы и господа!

Настоящая конференция «Ислам и национальная безопасность стран Центральной Азии» посвящена одной из наиболее важных проблем, которые сегодня охватили наш регион. В этой связи мне хотелось бы, прежде всего, от имени Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан выразить благодарность за помощь, оказанную в организации конференции, Центру ОБСЕ, представительству Европейской Комиссии, Фонду им. Фридриха Эберта, а также Посольству Великобритании. Наряду с этим от имени всех организаторов конференции хотел бы выразить благодарность всем ее участникам, в особенности тем, кто прибыл из стран зарубежья.

В последние годы Центральная Азия постепенно превращается в один из самых сложных в политическом отношении регионов планеты. В немалой степени этому способствует то, что проблема распространения различных форм экстремизма и терроризма становится все более актуальной для безопасности практически всех центральноазиатских стран. При этом по воле истории экстремизм и терроризм получили религиозную окраску. Во многом это обусловлено нарастанием т.н. политизации религии.

Под влиянием этого процесса терроризм религиозного толка, претерпев значительные изменения, получает заметное развитие в

регионе Центральной Азии. По своим масштабам и организационной глубине он вполне может конкурировать с такими не менее мощными разновидностями терроризма, как идеологический, националистический, государственный и международный.

По всей видимости, это происходит благодаря тому, что терроризм религиозного толка, опираясь на религиозные лозунги и используя подходящие религиозные догматы, в конечном счете направлен на достижение вполне конкретных политических целей. И в данном случае угрозу для безопасности центральноазиатских стран представляет не само возрождение религии, а ее политизация и использование в политических целях, что приводит к возникновению и распространению различных форм экстремизма и терроризма.

Поэтому научно-практическое осмысление данной проблематики является сегодня как никогда актуальным. Без этого создание пояса стабильности в регионе Центральной Азии будет представлять собой весьма отдаленную перспективу. В этой связи хотелось бы надеяться, что работа настоящей конференции внесет определенный концептуальный вклад в формирование будущей модели безопасности в Центральноазиатском регионе.

Хотел бы пожелать всем участникам конференции успешной и эффективной работы, а также достижения значимых результатов.

Спасибо за внимание.

CONTENT

MATERIALS OF THE CONFERENCE «ISLAM AND NATIONAL SECURITY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES»

(KazISS – OSCE – European Commission – Friedrich Ebert Stiftung)
JUNE 24–25, 2002

<i>Shomanov A.</i> Greetings to the participants of the conference	3
<i>Kadyrzhanov R.</i> Islamic ideocracy and national security of the Central Asian countries	4
<i>Akimbekov S.</i> Islam and the problems of the Central Asian security	8
<i>Schatz E.</i> Political islam like a social movement10	10
<i>Khamisov V.</i> The problems of the self-determination of islamic organisations in Kirgizstan	12
<i>Babadzhanov B.</i> Theological foundation and stages of jikhad in the documents of Islamic movement of Uzbekistan	15
<i>Olimova S.</i> Religious roots of terrorism	21
<i>Zhikhov Yu.</i> «Religious extremism»: problems of identification	29
<i>Tukumov E.</i> The Arab-Israeli conflict and islamic extremism	33
<i>Kurganskaya V.</i> Monitoring of the religious situation in the republic of Kazakhstan	43
<i>Izbaïrov A.</i> Islam in the social and political processes in Kazakhstan	48
<i>Nurmukhamedov B.</i> Ethnoconfessional aspects of extremism and terrorism in the countries of Central Asia	52
EXTERNAL POLICY	
<i>Galyamova V.</i> «The question about the land» in China in the context of the problem of the choice of the model of development	55
INTERNAL POLITICS	
<i>Umbetaliyeva T.</i> Historical and contemporary models of modernisation	63
ECONOMY	
<i>Iskakov N.</i> World expertise of social sphere transformation in the subject of market relations	69
<i>Gusseva L., Smirnov S.</i> A transit potential of Republic of Kazakhstan: a state, possibilities and mechanics of realization	75
THEORETICAL PAPERS	
<i>Donakov T.</i> Some problems of judicial nature and on the organisation of local executive authority of the Republic of Kazakhstan	86
<i>Baideldinov L.</i> The formation of the ethnocultural structure of an individual as a social problem	93
REVIEW	
<i>Pyadishev B.</i> Aristanbekova A. United Nations and Kazakhstan	98
<i>Mashan M.</i> Zhotabaev N. About democracy and parliamentarism	99
SUMMARY	102
CONTRIBUTORS	104

«ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

(КИСИ – ОБСЕ – Европейская комиссия – Фонд им. Ф.Эберта)

24–25 июня 2002 года

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Шоманов А.Ж.

Уважаемые участники конференции!

Дамы и господа!

Настоящая конференция «Ислам и национальная безопасность стран Центральной Азии» посвящена одной из наиболее важных проблем, которые сегодня охватили наш регион. В этой связи мне хотелось бы, прежде всего, от имени Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан выразить благодарность за помощь, оказанную в организации конференции, Центру ОБСЕ, представительству Европейской Комиссии, Фонду им. Фридриха Эберта, а также Посольству Великобритании. Наряду с этим от имени всех организаторов конференции хотел бы выразить благодарность всем ее участникам, в особенности тем, кто прибыл из стран зарубежья.

В последние годы Центральная Азия постепенно превращается в один из самых сложных в политическом отношении регионов планеты. В немалой степени этому способствует то, что проблема распространения различных форм экстремизма и терроризма становится все более актуальной для безопасности практически всех центральноазиатских стран. При этом по воле истории экстремизм и терроризм получили религиозную окраску. Во многом это обусловлено нарастанием т.н. политизации религии.

Под влиянием этого процесса терроризм религиозного толка, претерпев значительные изменения, получает заметное развитие в

регионе Центральной Азии. По своим масштабам и организационной глубине он вполне может конкурировать с такими не менее мощными разновидностями терроризма, как идеологический, националистический, государственный и международный.

По всей видимости, это происходит благодаря тому, что терроризм религиозного толка, опираясь на религиозные лозунги и используя подходящие религиозные догматы, в конечном счете направлен на достижение вполне конкретных политических целей. И в данном случае угрозу для безопасности центральноазиатских стран представляет не само возрождение религии, а ее политизация и использование в политических целях, что приводит к возникновению и распространению различных форм экстремизма и терроризма.

Поэтому научно-практическое осмысление данной проблематики является сегодня как никогда актуальным. Без этого создание пояса стабильности в регионе Центральной Азии будет представлять собой весьма отдаленную перспективу. В этой связи хотелось бы надеяться, что работа настоящей конференции внесет определенный концептуальный вклад в формирование будущей модели безопасности в Центральноазиатском регионе.

Хотел бы пожелать всем участникам конференции успешной и эффективной работы, а также достижения значимых результатов.

Спасибо за внимание.

ИСЛАМСКАЯ ИДЕОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кадыржанов Р.К.

События последних лет убедительно доказали, что исламский религиозный экстремизм является одной из главных угроз для национальной безопасности государств Центральной Азии. В современной политологии национальная безопасность понимается как категория, отражающая связь безопасности с государством как целостной системой институтов общества по обеспечению национальных интересов в конкретной исторической обстановке [1].

Таким образом, национальный интерес является основным принципом образования современных государств. Поэтому современное государство называют также нацией-государством. «Национальные интересы, — отмечает И.Г.Яковенко, — проекция законных личных целей и интересов большей части общества. Государство выступает как механизм улаживания этих интересов, их интеграции, формулирования и реализации» [2].

Как известно, большинство современных государств образовалось в результате распада империй. Империи представляют собой принципиально иной тип политической организации общества, чем национальные государства. Империя образовывается как воплощение определенной идеи, в качестве которой могут выступать мировая религия либо идеология — классовая, расовая, социально-политическая и т.п. Таким образом, в основе империи лежит идеократический принцип.

Ислам, как и другие мировые религии, создавал свои империи — халифаты, наследником которых была Османская империя. В этих империях была своя идентичность — мусульманская, то есть для каждого отдельного жителя империи решающее значение имела принадлежность к исламу, а не к какому-либо этносу. Так, даже в начале XX века жители нынешней Турции в большей мере воспринимали себя мусульманами, чем турками. То же самое имело место в этот же период в Центральной Азии, где коренное население считало себя мусульманами, а не, например, узбеками, казахами, таджиками или туркменами.

В империях этническая идентификация носит второстепенный характер. Индивиду

гораздо важнее чувствовать себя носителем определенной идеи, имперского сознания. Поэтому житель империи-идеократии рассматривает самого себя как, например, мусульманина, православного, католика, советского человека, арийца, а не представителя этноса, населяющего территорию империи.

В национальных государствах имеет место обратная картина: этнический признак имеет более важное значение, чем религиозный. Этим определяется расцвет национализма и его разновидностей: этнонационализма, сепаратизма и других в современном мире. Последняя волна национализма, или этнического ренессанса, приходится на 80-е годы XX столетия и продолжается по сей день. В то же время значение религии как одного, наряду с этносом и языком, из факторов самоидентификации индивида постепенно уменьшается. Ее значение возрастает только в том случае, если она является фактором национальной или этнической идентичности, как это имеет место в Боснии или Ирландии.

Важно подчеркнуть территориальный аспект распространения национальной идеи и монотеистической идеи. Национальная идея распространяет свое влияние на территорию одного государства, являющегося ее реализацией. Иначе говоря, границы нации-государства описывают то пространство, в котором нашла воплощение национальная идея какой-либо общности, нации.

Совершенно иначе ведет себя в территориальном смысле идеократическая идея. Ее принципом является территориальная экспансия, империя, которая останавливается у границ другой империи, образованной иной монотеистической идеей. Как отмечает И.Г.Яковенко, империя принципиально безгранична. Ее идеология покоится на нерушимой вере в абсолютный, всеобщий характер верований и ценностей, земным отражением которых выступает империя. А потому любые границы временны, преодолимы в перспективе и передвигаются при каждом удобном случае. Реальность ставит определенные геополитические барьеры и этнокультурные границы, за которыми ассимиляция инокачественного мате-

риала практически невозможна, воздвигает пределы безграничной агрессии, диктует необходимость создания сателлитов. Так были устроены Византия, Халифат, Османская и Российская империи, СССР [3].

Различие территориальных принципов воплощения национальной и монотеистической идеи определяет различие в организации политического пространства в настоящем и прошлом. Современный мир представляет собой совокупность наций-государств. Политическое пространство прошлого выступало как совокупность империй, идеократических образований.

Распад империй и образование на их месте национальных государств свидетельствуют о том, что для современного этапа мирового развития более адекватным является национальный принцип организации политического пространства. Возникновение национальных государств фиксирует следующий этап развития, связанный с секуляризацией, концом великих идей и формированием новых механизмов развития [4].

Секуляризация общественной жизни означает, что религия перестала играть роль универсального интегратора основных, в первую очередь политической, систем современного общества. Она стала только лишь одной из множества социальных систем в современных национальных государствах. Монотеистические религии отказались от претензий на организацию мирового политического пространства на имперских принципах. Всемирный характер этих религий поддерживается существованием в различных регионах мира исповедующих эти религии общин.

Это касается и ислама. Как известно, последняя исламская империя — Османская — распалась в результате того, что Турция, составлявшая ядро этой империи, отказалась от имперского наследия и стала создавать светское национальное государство. В результате сегодня мусульманский мир представляет собой многообразие национальных государств, возникших на развалинах Османской, британской, французской, советской и других империй.

Несмотря на нивелирующий характер тенденций современного глобализирующегося мира, монотеистические религии сохраняют ряд своих консервативных особенностей. Пожалуй, наибольшим консерватизмом среди современных мировых религий отличается ислам, что отмечают многие его исследователи.

Этому способствует ряд особенностей ислама. Прежде всего, это связано с тем, что ислам является наиболее политизированной и социально ориентированной среди мировых религий. Поэтому там, где это возможно, ислам стремится определять содержание не только мировоззренческих ориентаций людей, но и социально-политических норм, институтов, способов поведения и участия.

Здесь на конференции высказывалось мнение, что политизированный ислам не есть ислам в собственном смысле слова. Имеется в виду, что исламом как знаменем прикрываются определенные силы и круги, преследующие свои узкие цели, далекие от истинной сущности этой религии. Подобное мнение различает доктринальное учение ислама и его социально-политическую практику. Думается, такое различие не правомерно, поскольку любая мировая религия, а не только ислам, представляет собой целостную цивилизацию, в которой доктринальное учение, образ жизни, социально-политическая практика и другие аспекты находятся в неразрывном единстве.

Особенно наглядно это видно в исламских республиках и королевствах, например, в Иране, Саудовской Аравии, Пакистане, Афганистане и других. В этих странах, где ислам глубоко вошел в поры общества, нормы поведения граждан определяются либо исключительно исламским правом, либо совместным действием исламского и светского, гражданского права. Здесь действуют шариатский суд, шариатская полиция, органы шариатской безопасности, стражи исламской революции и т.д.

В этих и некоторых других исламских странах становление и эволюция национальных государств произошло без секуляризации или при ограниченной секуляризации. Поэтому в них в значительной мере сохраняются исламские идеократические начала организации духовной и социально-политической жизни.

Сохранение идеократических начал общественной жизни означает сохранение в той или иной мере имперских амбиций исламских государств. Наиболее откровенно их выражали лидеры движения «Талибан», которые ставили целью распространить свою власть на государства Центральной Азии. Другие исламские государства открыто не выдвигают имперских претензий, однако в них имеются обладающие значительными

ресурсами и влиянием элиты и организации, которые выступают с открытых имперских позиций.

Основным методом реализации исламских имперских амбиций выступает терроризм. В современном мире те, кто мечтает о мировом господстве, не могут осуществлять свои претензии так, как это делалось в прошлом, то есть собрать войско и идти покорять народы и завоевывать территории. Впервые, расклад сил не в пользу таких претендентов. Во-вторых, действует система международного права с его основополагающим принципом неземлемости границ.

В этой ситуации терроризм и его поддержка как на государственном уровне, так и на уровне негосударственных международных организаций (расквартированных, как правило, не только в исламских государствах, но и на Западе), оказывается наиболее эффективным способом достижения целей исламской идеократии. С помощью террора она рассчитывает дестабилизировать политические режимы, поддерживать сепаратистские силы, расширять сферу своего влияния.

Исламский террор осуществляется везде, где есть более или менее значительные группы приверженцев ислама. Поэтому мы были свидетелями террористических актов во Франции (алжирские исламисты), в Китае (уйгурские сепаратисты) и даже в США 11 сентября 2001 года (предположительно, исламская террористическая группировка «Аль-Каида»).

Однако основными объектами исламского террора являются те страны и регионы, в которых преобладает мусульманское население. Благоприятной почвой для исламских идеократических амбиций являются те мусульманские страны и регионы, где имеет место социально-экономическое неблагополучие. Здесь зреет социальное недовольство и копится потенциал социального протеста. Классическим примером в этом смысле является Иран, где социальный протест, нараставший вследствие кризисных последствий модернизационной политики шахского режима, был использован оппозиционными исламистскими силами для установления исламского идеократического правления.

Следует отметить, что если в прошлые века ислам боролся с христианством, то сегодня главным врагом исламской идеократии является новое глобальное идеологическое течение — модернизм. Его воплощением для современных исламистов является Запад и

его ядро — США. Поэтому исламистская пропаганда ведется с позиций антимодернизма, антивестернизма, антиамериканизма.

Сильным атакам этой пропаганды подвергаются те режимы мусульманских стран и их лидеры, которые проводят модернизацию. Их представляют в качестве отступников, неверных, слуг Запада и Америки. Поскольку эти режимы и их лидеры пытаются модернизировать ислам, приспособив его к своим целям, исламистская идеократическая пропаганда ведет их критику с позиций фундаментализма, представляемого как истинный ислам.

Необходимо также отметить и то, что ни в одной из мусульманских стран модернизация не достигла своих окончательных целей, то есть ни одна из них не достигла социально-экономического уровня стран Запада. В мусульманских странах до сих пор сохраняются значительные по своей численности бедные слои населения, приверженные, как правило, традиционным ценностям.

Именно на них, как на свою социальную базу, делают ставку исламистские фундаменталисты, представляя населению политику правящих режимов этих стран как прозападную, отступническую от истинного ислама. Вот почему сохраняют свое влияние Партия истинного пути Н.Эрбакана в Турции, братья-мусульмане в Египте, исламистская партия в Алжире и многие другие исламистские партии и организации во многих странах мусульманского мира.

Из этого можно заключить, что современная исламская идеократия, в отличие от прошлого, не имеет единого центра. Она в определенной мере подчинилась современным реалиям и разбилась по национальным квартирам. Более того, можно видеть, как иногда они противостоят друг другу. Подобное, например, имело место во взаимоотношениях двух исламских идеократических центров — Афганистана при правлении талибов и Ирана.

Говоря о влиянии исламской идеократии на новые независимые государства Центральной Азии, необходимо отметить следующее. Эти государства относятся к мусульманским, поскольку их титульные этносы, составляющие основную часть населения, исповедуют в большинстве своем ислам. За годы после распада советской империи в Центральной Азии наблюдается мусульманское возрождение. Тем не менее ислам не имеет доминирующего значения в социаль-

но-политической жизни стран этого региона, заявивших о себе как о светских, демократических государствах, в которых провозглашена свобода совести и вероисповедания, но церковь отделена от государства.

С самого начала своего независимого существования государства Центральной Азии стали реформировать свою социально-политическую систему в рамках модернизационной стратегии. В основе этой стратегии лежит трансформация социально-политической системы, соединившей в себе черты турецкой модели и модели стран Юго-Восточной Азии. В этих моделях приоритетное значение имеет либерализация экономики с помощью авторитарных методов государства.

Либерализация экономики приводит к коммерциализации всех сторон общественной жизни, имеющей ряд негативных социальных последствий. Одним из них является культ денег, рост бездуховности, индивидуализма. Другим негативным последствием либерализации экономики является резкая социальная и имущественная поляризация общества, в которой узкой прослойке богатых и сверхбогатых противостоит громадная масса бедных и маргинализированных слоев общества. При этом средний класс в государствах Центральной Азии незначителен и численно, и по своему социальному влиянию.

Хорошо известно, что подобная социальная структура общества таит в себе угрозу для его политической стабильности и национальной безопасности. Эту угрозу можно отнести к числу внутренних угроз для национальной безопасности государств Центральной Азии. Ее опасность резко возрастает, если она соединяется с внешней угрозой для национальной безопасности этих государств.

В данном случае речь идет о внешней угрозе государствам Центральной Азии, которая исходит от исламских идеократических сил. Для этих сил Центральная Азия является одним из главных объектов их имперских амбиций. Они проникают в регион на волне исламского возрождения под видом религиозных организаций, образовательных центров, чтобы сеять недовольство положением в стране, действиями властей, характеризуя их как антиисламские, прозападные.

Одновременно исламские идеократические силы ведут вербовку в террористические организации среди местного населения, в первую очередь среди молодежи. Таким способом идет пополнение рядов исламских тер-

рористических организаций. Особое значение в этом деле имеют такие государственные образования, как Афганистан (при талибах) и Чечня в 1996–1999 годах, в которых сами власти создают условия для подготовки террористов. Отсюда отряды подготовленных террористов отправляются в различные части света — на Кавказ, в Центральную Азию, на Филиппины и в другие страны и регионы.

После событий 11 сентября 2001 года США вместе со своими западными союзниками и местной антиталибской коалицией разгромили в Афганистане лагеря и базы подготовки исламских террористов. Значительную помощь в проведении этой операции оказали им государства Центральной Азии, предоставившие расположенные на своей территории аэродромы и военные базы. Оказание такой помощи для государств Центральной Азии имело огромное значение и потому, что в ходе указанной операции были разгромлены базы Исламского движения Узбекистана и других исламских террористических групп, представлявших угрозу национальной безопасности государств региона.

В связи с этим иногда можно услышать мнение, что угрозы исламского терроризма для Центральной Азии больше не существуют. Мы не согласны с таким мнением. Исламский терроризм есть, как мы сказали, основной метод реализации имперских амбиций, выдвигаемых идеократическими силами в исламском мире. Исламскую идеократию следует, в силу указанных выше ее особенностей, рассматривать как долговременный фактор мировой политики.

Столь же долговременный характер будет, очевидно, иметь исламский терроризм. Разгром его в одном месте совсем не означает, что он не может появиться в другом месте. Его идейная, идеократическая основа никуда не исчезла. Материальные, финансовые и прочие источники и ресурсы его поддержки сохранились. Сохраняется социальная база рекрутации человеческих ресурсов исламского терроризма.

На нашей конференции высказывалось мнение, что исламский терроризм, как и всякий религиозный терроризм, не имеет долговременных перспектив и со временем перерастет в другие разновидности терроризма, в частности в этнический терроризм. Нам трудно согласиться с этим мнением. Этнический терроризм является одним из способов реализации этнонациональной идеи, и

он прекращается, как только эта идея находит свое воплощение в национальном государстве того этноса, который применял терроризм.

Исламский же терроризм направлен на реализацию исламской монотеистической идеи, то есть на создание (или воссоздание) исламской империи. С одной стороны, эта цель утопична, а утопии, как известно, живут долго. С другой стороны, территориальный принцип империи состоит в безграничной экспансии. Это значит, что установление исламского порядка в одной стране не может быть окончательной целью исламской идеократии. Она требует безостановочного продолжения этой деятельности на новых и новых землях. Таким образом, исламский терроризм и этнический терроризм представляют собой принципиально различные виды

терроризма, хотя иногда, как, например, в Чечне, они могут выступать в союзе под одним знаменем.

Это говорит о том, что исламская идеократия и исламский терроризм представляют собой долговременную угрозу национальной безопасности государств Центральной Азии. Государства региона не должны в этом вопросе рассчитывать только лишь на помощь извне. Прежде всего им необходимо устранить внутренние угрозы национальной безопасности, создающие социальную базу для исламского экстремизма и терроризма.

Это, в частности, означает, что странам Центральной Азии необходимо развивать свою национальную государственность. Иначе они как осколки одной, советской, империи могут оказаться частями другой империи.

Литература

1. См.: Политическая энциклопедия. Т. 2. — М.: Мысль, 2000. — С. 30.
2. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис, 1996. — №6. — С. 119.
3. Там же. С. 120.
4. Там же.

ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Акимбеков С.М.

В связи с трагическими событиями в США тема «исламского экстремизма» стала особенно актуальной. А когда ведут речь об «исламском экстремизме», то фактически говорят о политическом исламе и той угрозе, которую участие ислама как религиозного течения в политике может нести идеологии светского государства вообще. Причем характерно, что данная угроза понимается именно в идеологическом смысле. С одной стороны, это угроза светским режимам мусульманских стран, а с другой — идеологии светского государства в целом.

В какой-то мере здесь мы можем наблюдать классическое межцивилизационное непонимание. Современный мир во многом основывается на ценностях западной цивилизации, а западная цивилизация — это, по сути дела, цивилизация христианская, где существует четкое разделение светских и духовных функций управления. Поэтому ислам, где формально нет такого разделения, хотя оно существует реально в большинстве светских по своей сути мусуль-

манских государствах, априори вызывает недопонимание. Вернее, нет факта недопонимания между светскими режимами мусульманских стран и западным миром, но существует определенное недопонимание в западном мире к тем процессам, которые постепенно набирают свою силу в исламском мире и которые во многом основаны на идеологии так называемого «чистого ислама», возврата к мусульманским ценностям первоначальной общины времен пророка Мухаммеда.

То есть существует сразу два конфликта — между светской элитой различных государств исламского мира и внутренней оппозицией, которая в той или иной мере выступает под разными лозунгами за идеи «чистого ислама». А также между основными закономерностями развития современного мира, построенного на западных ценностях, которые большинство стран мира стремятся адаптировать и использовать в своих интересах, и поднимающимися радикально настроенными исламскими движениями. Причем важно

отметить, что светская элита исламских стран в большинстве своем также стремится воспользоваться плодами глобализации.

Все вышесказанное имеет прямое отношение к ситуации в Центральной Азии, и особенно в Казахстане. Распад Советского Союза вызвал к жизни исламский ренессанс и в то же время приблизил светские, по сути, государства Центральной Азии к миру ислама, а следовательно, способствовал распространению в регионе общих тенденций развития исламского мира. Надо сказать, что почти 70 лет изоляции бывшей Советской Средней Азии от остального мусульманского мира не прошли бесследно. Если в европейской части восточного блока еще были возможны какие-либо контакты, в том числе и между религиозными деятелями той же католической церкви, то в советской Азии взаимная изоляция с исламским миром носила почти абсолютный характер. Плюс необходимо добавить, что степень воздействия со стороны советской политической системы на общественные институты и процессы в советской Азии носила очень жесткий характер. Это привело к тому, что степень институализации и влияния ислама резко снизилась.

Но надо отметить, что снижение влияния ислама в советский период носило относительный характер. Оно касалось в основном структур, которые олицетворяли для советской власти ислам как религиозную систему и на них оказывалось максимально жесткое давление. Поэтому, когда советское влияние исчезло, произошел взрывной возврат к религии в мусульманских районах бывшего СССР. Статистика по наименее религиозной стране Центральной Азии Казахстану показывает, что вместо 25 мечетей в 1988 году, в 2000, по данным духовного управления мусульман Казахстана, в республике было 5 000 мечетей, из них только 1 000 зарегистрированных мечетей.

Однако возвращение исламских ценностей в обществе не могло привести к автоматическому восстановлению правил поведения, существовавших в регионе до начала модернизации времен СССР. Главное, что не удалось восстановить, это систему баланса во взаимоотношениях светской элиты и растущим религиозным самосознанием масс. Другими словами, элита оказалась не готова к новой ситуации. Важно отметить, что отсутствие на момент распада СССР достаточного количества религиозных авторитетов, тесно связанных с местной элитой, резко повысило роль стихийного самовыведения

обществом так называемых «народных мулл», а также внешнего фактора. В данном случае внешний фактор — это влияние извне в вопросе подготовки религиозных кадров. И та, и другая тенденции могли привести к крайне негативным последствиям для власти политических элит и стабильности в том ее понимании, которая сложилась на момент распада СССР, потому что в результате обеих тенденций местная политическая элита теряла инициативу, а затем и контроль над общественным мнением своих стран. Поэтому у политической элиты центральноазиатских государств не оставалось другого выхода, кроме как постараться взять ситуацию под контроль в духе советской традиции. Можно привести в качестве примера ситуацию в Казахстане, где в июне 2000 года главой мусульман Казахстана был назначен светский человек — дипломатический работник, бывший проректор Казахского государственного университета Дербисалиев.

Проблема заключается еще и в том, что за годы советской власти вместе с религиозными авторитетами была объективно разрушена та своеобразная модель ислама, которая исторически сформировалась в Средней Азии. Во многом данная модель была связана с деятельностью суфийских орденов, тарикатов. По сути дела, суфии обеспечивали компромисс интересов между традиционными обычаями среднеазиатских народов и требованиями классического ислама. Сегодня же в Центральной Азии влияние суфиев незначительно. Большое влияние мусульманских государств приводит к тому, что исламский ренессанс связан именно с распространением классического ислама. И суфии уже не могут, как раньше, служить буфером между так называемым «арабским исламом» и его среднеазиатской версией. Поэтому у политической элиты центральноазиатских государств не оставалось другого выхода, кроме как постараться взять ситуацию под контроль в духе советской традиции. А значит, конфликт между светским государством и религиозным самосознанием масс получает дополнительный импульс для развития.

Это, с одной стороны, усиливает позиции государства, с другой — усугубляет противоречия между ним и исламским обществом в данном конкретном государстве. В случае ухудшения социально-экономической ситуации это противоречие может привести к тяжелым последствиям. Практически речь идет об искусственном создании баланса интере-

сов светской и духовной власти в конкретном государстве с преобладанием мусульманского населения, и с учетом того, что такое государство неизбежно должно поддерживать модернизацию жизнедеятельности, любой будущий социально-политический конфликт интересов неизбежно примет форму борьбы за чистоту ислама.

Сегодня, после завершения первого этапа умиротворения Афганистана, проблема прямой экспансии политического ислама в регион Центральной Азии отошла на второй план. Однако завершение операции в Афганистане в ближайшей перспективе неизбежно приведет к росту обменов между обществами Центральной Азии и внешним исламским миром. И это объективно потенциально создаст серьезную угрозу светским режимам центральноазиатских государств.

Существует и еще один фактор – внутреннее положение в отдельных государствах Центральной Азии. Главное здесь заключается в том, что в таких государствах, как Узбекистан и Туркменистан, продолжает функционировать советская модель организации государства и общества. Вообще роль государства в жизни общества является главным

критерием отличия государств Центральной Азии друг от друга. С одной стороны, Узбекистан и Туркменистан, с другой – Казахстан и Кыргызстан. В первом случае мы имеем дело с максимально высокой степенью влияния государства на жизнь общества, но без коммунистической идеологии, во втором – влияние государства ограничивается распространением рыночных отношений.

Плюс существует еще одно важное отличие – традиционные особенности организации общества в указанных странах. Это оседлая культура с замкнутыми социальными общинами в одном случае (оазисы Средней Азии), в другом – кочевническая культура, где фактически отсутствует общинный уклад жизни.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что самое печальное то, что любой будущий конфликт в государствах первой группы неизбежно приведет к конфликту между светским государством и сторонниками «чистого ислама».

В любом случае, все потенциальные угрозы безопасности Центральной Азии связаны с перспективами внутреннего развития в таких странах, как Узбекистан и Туркменистан.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Шатц Э.

Сами по себе религии – не радикальны и не консервативны. Они не прогрессивны и не регрессивны. Это мы знаем. Но это легко забыть, когда все чаще встречаются выражения типа «религиозный фундаментализм» или «религиозный экстремизм», или когда ученые пишут книги с названием «религия и насилие» – как будто между этими двумя явлениями существует какая-то неотъемлемая связь. У любой религии есть доктрина, но эта доктрина интерпретируется в конкретных социальных контекстах. Она обретает значение для людей лишь как социальное явление.

Я хотел бы сказать несколько слов о религии как о социальном явлении, точнее, как о социальном движении. Хочу Вам предложить, что если рассмотрим радикальный ислам как социальное движение, то мы лучше поймем и его возникновение, и его дальнейшую динамику. Мои слова в первую очередь концептуального плана, но в конце поясню,

как это поможет нам понять события в Центральной Азии.

Любое социальное движение, во-первых, никогда не стоит на месте. Оно имеет менее формальную и менее структурную форму, чем, например, имеют политические партии. Соответственно, его состав членства постоянно меняется. Он может быстро нарастать, а также быстро уменьшаться. Во-вторых, любое социальное движение чаще всего имеет четко определенные цели. Например, экологическое движение может поднять любые вопросы, но в первую очередь оно занимается проблемами окружающей среды.

В-третьих, социальное движение не участвует напрямую в политической игре. Оно вне формальных политических институтов. Оно влияет на политику, но это происходит на улице, в домах и в общественных местах. Во всех этих смыслах радикальный ислам (или же можно его назвать политический ислам, поскольку он имеет политико-направ-

ленный характер) является социальным движением.

Социальные движения возникают и набирают силу по трем группам причин.

Первая – жалобы со стороны общества. Никакое социальное движение не может набирать силу, когда народ доволен. Не будет никакого экологического движения, когда окружающая среда находится в прекрасном состоянии. Это не удивительно, а скорее, очень знакомо специалистам по политическому исламу, т.к. плохие социально-экономические условия, отсутствие образования и т.д. порождают политический ислам. Но одного недовольства недостаточно. Ведь по всему миру люди живут в ужасных социально-экономических условиях, и не везде возникают такого рода социальные движения.

Вторая группа причин – политические возможности. Грубо говоря, тоталитарные режимы не дают возможность социальным движениям возникать. И твердо авторитарные режимы также стараются этого не допускать. Мы также знаем, что демократические государства привлекают социальные движения в политическую игру и таким образом пытаются обеспечить стабильность.

Самая главная возможность для возникновения социального движения типа политического ислама – когда государство не демократическое и не твердо авторитарное. Политический ислам «питается» отсутствием консолидации авторитета государства и отсутствием доступа к политической игре.

Третье – субъективные и психологические факторы. Хотел бы остановиться на этом, т.к. часто такие факторы недооцениваются. Любое социальное движение не может быть сильнее, чем его состав. Если оно слабо по числу, оно не может быть эффективным. Поэтому любое социальное движение старается привлекать к себе новых членов. Это понятно, но это дело не легкое.

Руководство социального движения должно успешно связать жизненный опыт обычных людей с целями движения. Априори нет причин, почему бедный 20-летний человек взялся бы за политический ислам, а не за, скажем, коммунистические идеи, или же провластные идеи. Задача движения – убедить его в том, что выход из этого положения можно найти через данное движение.

Давайте попытаемся войти в психологию потенциального члена движения. Он себе, наверное, задает два вопроса: 1. «Почему я

оказался в таком положении?» и 2. «Где выход?». Ответы не могут не заметить роли режима во власти. Он может ответить: «Я здесь из-за режима». На второй он ответит: «И мне нужна альтернатива». В демократических контактах он мог взяться за внутреннюю альтернативу. Среди вариантов движения типа «Хизбут-Тахрир» кажутся особенно привлекательными, потому что они дают четкие ответы. Власть глубоко коррумпированная? Коррупции в исламском государстве быть не может. Государство светское? Это не соответствует местным ценностям. Даже сама форма управления – национальное государство – не соответствует, она европейская. Нам нужна своя форма государственности – халифат. Процессы американизации к хорошему не привели? Нам не нужна Америка. И вот, видите, она ввела свои войска, вмешивается в нашу жизнь. И настоящий режим тесно связан с США.

Более образованный человек глубже проникнет. Скажет, что борьба по всему миру одна и та же – борьба мусульман с кафирами. Палестинцы с Израилем, Пакистанцы с Индией и т.д.

Потенциальные члены политического ислама видят мир в черно-белом: Запад – Восток; христианство – мусульманство и т.д. Почему? Потому что отсутствует в его жизни идейный плюрализм. Конечно, сегодня в Казахстане нет такого жесткого контроля, как это было в прошлом. Но обмен идеями и информацией все-таки происходит в четко и узко определенных рамках. Когда власть не терпит множества мнений – по любой причине – это только лишь делает все уже и уже представление обычного человека о мире. Он становится все менее толерантным и все более поддается радикальным движениям.

Если мы рассматриваем политический ислам как социальное движение, это первое заключение. Плюрализм смягчает радикализм потому, что он порождает толерантность. Толерантные люди не ищут себе радикальных переворотов. Второе заключение таково – да, государство может бороться с политическим исламом путем исключения возможности ему набрать силы. Оно может вмешиваться в его операции, может перекрыть потоки информации, может перекрыть его финансовые переводы. Но тем временем, что не менее важно, любое государство должно и улучшить возможности получить хорошее образование и воспитание – особенно в местах, где уже намечается некий рост

политического ислама. В Казахстане это Туркестан, г. Кентау, местами по Кызыл-Ординской области и т.д.

Любое государство должно заслужить доверие, когда оно говорит обычному человеку, что он может изменить свою жизнь к лучшему через существующую систему государ-

ственности. Оно должно уполномочить людей быть толерантными и выбирать, в каких социальных движениях участвовать, а от каких, наоборот, лучше соблюдать дистанцию.

Возникновение политического ислама — не закономерность, а одна из многих возможностей.

ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Хамисов В.М.

*Скажи: «Усиле вы станете о Боге с ними препираться,
Коль наш Господь и ваш един?»*

*Нам — за свои дела ответ держать, а вам — нести ответ за ваши.
И в поклонении Ему — мы искренность блюдем.*

Коран (перевод В.Пороховой)

1. Самоопределение исламских общин как религиозных организаций

Самодентификация мусульман Кыргызстана предполагает целостность социокультурных оснований. Она — часть процессов самоопределения кыргызстанцев.

Исламское возрождение после обретения независимости развивается вширь. Кыргыз — в основном суниты ханафитского мазхаба. Возвращение к истокам ислама подразумевает обращение к ранним моделям, которые формировали социальный образ вполне определенного типа. По М.Веберу, «ислам — это религия воинов-завоевателей, членов рыцарского ордена борцов за веру». К.Поппер уточняет, что с точки зрения социологии: ислам — это сословно организованная военная религия. Именно указанные черты: воинственность, рыцарский аскетизм, возможность образования орденской закрытой организации — привлекательны для молодежи.

По данным госкомиссии по делам религий, 80% населения — приверженцы ислама. Больше половины из них составляют кыргызы, 15% — узбеки, остальные уйгуры, дунгане, казахи, татары, башкиры, турки, чеченцы, даргинцы и т.д. [1].

Противоречия религиозной и этнической идентичности преодолеваются за счет распространения переводов Корана. В городе Кара-Су создан единственный в Центральной Азии Центр изучения Корана. Здесь представлены тексты на 70-ти языках мира. В Иране представлен перевод Корана на 80-ти языках мира. Коран издан на уйгурском, на туркменском языках, на русском языке в

переводе Богуславского, уже выпустили на казахском языке.

Количественный рост религиозных организаций. В 1991 году насчитывалось 39 мусульманских мечетей. Сейчас их — 1225.

Относительно новое явление — религиозные радикалы 90-х годов. Оно производно от внешней среды региона, от экспансионистской антиисламской политики и изнутри зависит от состояния репрессивных действий отдельных государств. Отсюда — проблемы исламской мобилизации и роста экстремизма.

В Западной Европе, Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии экстремистские организации можно квалифицировать по определенным признакам. И типология строилась по признакам «правые» и «левые». Иное дело в Центральной Азии: здесь нет чистых форм, а наблюдается сложное переплетение различных видов.

На наш взгляд, чтобы разобраться в этом сложном клубке понятий об экстремизме, нужно вначале выстроить два этажа понимания. Споры и дискуссии чаще всего ведутся на первом этаже. Здесь определились два лагеря. Первый — это позиция священнослужителей и людей, глубоко верующих. Второй — это позиция ученых, пытающихся дать объективную оценку политическим явлениям. Здесь происходят бурные диалоги, поскольку сталкиваются два мировоззрения: научное и религиозное.

Но есть и второй этаж явления. Он связан с растущим транснациональным пространством, которое пытается занять радикальный ислам. Это виртуальное простран-

ство современных коммуникаций, связи, СМИ и, главным образом, интернета. Такое пространство носит глобальные характеристики мировых связей и социокультурное содержание, привносимые XXI веком. Пространство располагает своим целеполаганием, оперирует новыми смыслами и категориями антиглобализации [2].

На этом уровне бессмысленно спорить, что лучше, религия или атеизм. И то, и другое органически вплетается в измененную картину мира. Не замечать этого, значит, способствовать эволюции политизации процессов по схеме «исламский фактор — исламский фундаментализм — исламский радикализм — исламский экстремизм». Причем явление не ограничивается узкими национальными рамками. Отсюда меры предупреждения и управления конфликтами также должны быть транснациональными.

В ряду таких явлений — реинкорнация партии «Хизб-ут-Тахрир» в Центральной Азии. Рост ее влияния в ЦА не сравним с влиянием на арабском Востоке. Специфическое место мобилизации — Ферганская долина.

Пограничные группы радикальных религиозных организаций: «Нур», «Товба», «Ислом лашкарлари», «Исламское движение Узбекистана» [3]. В Кыргызстане представлен почти весь спектр исламских организаций ЦА.

Распространению радикализма препятствуют традиции ислама в Центральной Азии. В республике действуют 38 медресе, 8 исламских институтов. За рубежом во Всемирном университете «Аль-Азхар» (Египет), в Турции, в Пакистане, в Сирии и в Кувейте обучается до 277 человек [4]. В Оше действует Ассоциация религиозных учебных заведений.

Есть две газеты: республиканская «Ислам маданияты» (Бишкек) и областная «Мусульманин» (Джалал-Абад).

Конфессиональная идентичность реализуется через приобщение к исламской культурной традиции. Для более глубокого анализа необходимо вывести несколько социальных уровней формирования идентичности: личностный, национальный, региональный и глобальный.

Мало изучен в свете событий 11 сентября именно глобальный уровень. Он зачастую подается односторонне, без анализа процессов антиглобализации, и, наоборот, много внимания уделяется исламскому фактору без организационной связи с установлением нового мирового порядка.

Можно рассуждать о корыстной заинтересованности государств Центральной Азии в сотрудничестве с зарубежными мусульманскими странами, видеть в этом в первую очередь дипломатическую игру или, напротив, — искреннее к нему тяготение. Во всяком случае Центральная Азия отождествляет себя с миром так же, как с мусульманским миром, который, в свою очередь, несмотря на известные колебания, признает ее своей составной частью.

Однако и для мусульманского мира, и для ЦА транснациональный характер угроз и современные сетевые формы подготовки действий религиозных экстремистских организаций остаются серьезной проблемой.

Существуют проблемы амбивалентности (и как верующих, и как граждан) позиции мусульман республики, участия в переделе сфер влияния. Пограничная с политикой деятельность исламских радикальных религиозных организаций — наиболее острая проблема. Мартовское заявление 2002 года ДУМ Кыргызстана по поводу деятельности христианских сект проявило межконфессиональные трения по переделу сфер влияния в республике. 15 тысяч кыргызов перешли в христианство. В Сузакском районе Джалал-Абадской области 500 односельчан выступили против 8 семей, принявших веру евангелистов [5]. К сожалению, эти факты сильно политизируются разными субъектами общественного мнения, в том числе и СМИ.

2. Возможен ли диалог общества с религиозными организациями? Колебания политики в области религии

Ограничения религиозной свободы во имя национальной безопасности имеют вполне определенные временные рамки, связанные с агрессией международных террористов на Юге Кыргызстана. Наступление на религиозный радикализм вызвано требованиями силовых структур ужесточения статей Уголовного кодекса и внесения дополнений репрессивного характера в действующий Закон.

Но после прекращения агрессии и разгрома талибов мотивации укрепления национальной безопасности, к сожалению, сохранились.

Тенденция к ограничению религиозной свободы проявляется, например, в деятельности госкомиссии по делам религий. Она настаивает на ужесточении режима регистрации религиозных организаций.

Отдельные СМИ называют незарегистрированные организации нелегальными, что не

совсем верно. Это так называемая «серая зона», которая не подпадает ни под одну статью действующего законодательства.

В документах о религиозных организациях допускаются перекосы.

В проекте Концепции государственной политики в отношении религий и религиозных организаций дано историческое значение действующего Закона, но не очерчен круг вопросов, который должен осветить новый Закон. Отсутствуют хотя бы модели механизмов действия политики. Отсутствует ориентация на диалоговые формы взаимодействия и сотрудничества. Проект искренне считает, что государство может обеспечить «защиту религиозных меньшинств и неверующих от потенциальной дискриминации мажоритарными (имеющими в своем составе большую часть населения) религиями» [6].

Больше того, зона действий службы национальной безопасности вообще оказалась пропущенной. Но именно это ведомство добивалось ужесточения статей преследований.

Проект Концепции возложил на госкомиссию по делам религий не много и не мало, как «разрабатывать и осуществлять государственную политику в отношении религий и религиозных организаций». Естественной реакцией Правительства республики было освобождение председателя комиссии от должности и посылка Концепции на доработку.

Проект Закона Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» ввел статьи об альтернативной службе, об обучении граждан религии, подчеркнута роль СМИ и религиозных организаций и другие статьи.

Однако экономическая сфера отношений государства и религиозных организаций, в частности отношений по поводу земли и специфических форм налогообложения, так и остались не раскрытыми [7].

Не раскрыта возможная законодательная роль религиозных организаций. В частности, от исламских религиозных организаций Кыргызстана поступили предложения самого общего характера, не вошедшие в окончательную редакцию Закона. А между тем мусульманская правовая культура традиционно сильна в вопросах наследования, семейного права, в некоторых видах коммерческих и банковских сделок и особенно в благотворительной деятельности.

Эти примеры приведены для того, чтобы показать, что многие значимые документы, особенно в сфере религии, должны представ-

лять собой договор (конвенцию) нескольких сторон, принятый путем консенсуса диалоговыми способами. Такие попытки есть, но они не вошли в повседневную практику.

Только один пример, исламские учебные заведения не получили лицензию Министерства образования. Министрские чиновники не отваживаются взять на себя ответственность за учебные программы и не дают это сделать самим религиозным организациям. Причем формальным основанием является явно устаревший приказ министра образования 1995 года [8].

Такой путь преодоления препон тяжел и извилист. Для развития диалоговых форм в Кыргызстане создана неправительственная организация «Общество по защите прав религиозных организаций». Президент – депутат ЖК Алишер Сабилов, вице-президенты: Кимсанбай-ажы – ДУМК и Александр Алянчиков – журналист. Цель общества – защита религиозной свободы. Основа действий – принципы толерантности [9].

К сожалению, духовное управление мусульман порой не поспевает за событиями. Слабо используются возможности Исламского Центра в г. Ош. Недостаточно развита благотворительность со стороны исламских организаций для заключенных, беспризорников и других нуждающихся групп населения страны.

В республике не раз общественность ставила вопрос о диалоге с «Хизбут-Тахрир». Недавно даже председатель госкомиссии по делам религии господин Мамаюсупов высказался по этому поводу на страницах республиканской печати, но затем дезавуировал свое выступление, сославшись на то, что якобы его неправильно поняли журналисты.

Главным препятствием для такого диалога служит конституционный запрет на регистрацию деятельности политических религиозных партий. На сегодня диалог с религиозной партией не возможен. Но он вполне возможен с непартийными религиозными организациями Кыргызстана.

3. Экспертная оценка развития исламских организаций Кыргызстана

Социальная стабильность в Кыргызстане в настоящее время находится под вопросом. Терпимость населения к социальным невзгодам в прошлые годы подпитывалась боязнью нестабильности, которую породили война в Таджикистане и угрозы агрессии со стороны Афганистана. Сейчас крупные вне-

шние угрозы сняты действиями стран анти-террористической коалиции.

Но на будущее все более вероятен рост исламского радикализма на фоне обнищавшего населения. События в Ак-Сыйском районе показали отсутствие креатива и стереотипы действия властей. В связи с этим своевременными представляются действия по предотвращению социальных взрывов. Это лучше, нежели ждать, когда радикализм выльется в экстремистские формы.

С ростом оппозиции, в том числе религиозной, власть продолжает бороться не эффективными авторитарными методами. А экстремистские организации используют современные сетевые технологии организации и управления. Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри организаций значительно повышают их эволюционные возможности и адаптивность к принимаемым против них мерам.

Литература

1. Жоробеков Ж. Религиозная политика Кыргызстана в транзитный период. Бишкек, 2000.
2. Хамисов В. О проблемах религиозного экстремизма в Кыргызской части Ферганской долины // Проблемы религиозного экстремизма в Центральной Азии. Алматы, 2001.
3. Молдалиев О. Религиозный экстремизм и международный терроризм как факторы дестабилизации Центральной Азии. Рабочая группа по ЦА. Алматы, 2001.
4. Справочник по религиозным фондам, учебным заведениям, прошедшим учетную регистрацию. Бишкек, 2001.
5. Гафурова С. Демографическая ситуация на Юге Кыргызстана. Круглый стол. Ош, 2001.
6. См. Концепция государственной политики в отношении религии и религиозных организаций. Проект. 2001.
7. Проект Закона Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и о религиозных организациях». 2002.
8. Иванова И. Свободомыслие в Кыргызстане: пути межрелигиозного диалога. // Центральная Азия и культура мира, 2000. – №1–2.
9. Сабилов А. О работе Общества по защите прав религиозных организаций. Круглый стол Института региональных исследований. 2002.
10. Иглатенко А. Зеленый интернетционал. // НГ-Религия. 1999, 7 апреля.

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ЭТАПЫ ДЖИХАДА В ДОКУМЕНТАХ ИСЛАМСКОГО ДВИЖЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Бабаджанов Б.С.

Я предполагаю, что большинство читателей имеет хотя бы приблизительное представление об истории возникновения и деятельности Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Здесь я лишь напомню некоторые эпизоды в деятельности этого движения. Основу этой организации положили такие группы, как «Товба», «Адолат» и «Ис-

В интернете существуют сайты экстремистских организаций. Скажем, у талибов был <http://taliban.com>; у партии «Хизбут-Тахрир» есть сайты на кыргызском, узбекском, и русском языках – <http://www.hizb-ut-tahrir.org>; у Международного исламского фронта борьбы против иудеев и крестоносцев Усамы бен Ладена – <http://www.obm.clara.net/iif-main.htm> [10]. С этими материалами серверов из Великобритании знакомится молодежь. И делает соответствующие выводы для собственного самоопределения.

С завершением антитеррористической акции в Афганистане, к сожалению, не сократились ни экстремизм, ни приток наркотиков и оружия. Есть много и других вопросов транснационального характера, которые нужно решать совместно. Потому так необходима общерегиональная стратегия преодоления нестабильности в Центральной Азии.

лам лашкарлари». Начало их структурного формирования приходится примерно на 1991–1992 гг. Свое начало они берут в городах Ферганской долины с центром в мадрасе Мулло Киргиз (Наманган). Могу назвать лишь трех очень хорошо известных лидеров этих групп: Тохир Юлдоша, Джума Намонгони и руководителя группы «Тов-

ба» — Абдували Юлдошева (последний убит в Баткенте в 1999 г.). Напоминаю, что, в результате конфликта с государственными органами и с остальными верующими, оба названных лидера и их приближенные покинули пределы Узбекистана и обосновались сначала в Афганистане, затем в Таджикистане. Позже (примерно в 1994–1995 гг.), по аналогии с Партией исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), было образовано Движение исламского возрождения Узбекистана (ДИВУ), которое затем в 1998 г. было преобразовано в организацию ИДУ.

Об этом движении опубликовано значительное количество работ, авторы которых в подавляющем большинстве не обращались к оригинальному материалу, распространяемому представителями этого движения. Этот материал, или, как я его называю, «источники», представляет собой листовки, брошюры, аудио- и видеокассеты, распространяемые этим движением. Из этого обилия материала сегодня я бы хотел обратить внимание на так называемые «Уроки джихада» («*Жиход дарсликлари*»), которые предназначались для молодых узбекоязычных моджахедов ДИВУ и ИДУ¹. Ссылка на некоторые события в самом тексте дает основание датировать их появление в пределах 1999–2000 гг.

Уроки проводились по таким предметам, как химия взрывных веществ, правила тактики боя в горной местности или в условиях городской застройки, тактики подпольной работы в городе или деревне и др. Особое мое внимание привлекла серия уроков, касающаяся вопросов джихада, политической борьбы, правил устройства исламского государства и т.п. Я предлагаю сосредоточиться на некоторых положениях этой части уроков.

Сначала напомним, что понятие о джихаде изначально основывалось на толкованиях Корана и диктовалось в раннем исламе способами взаимоотношений с представителями неисламских конфессий. В дальнейшем (и до сих пор) джихад всегда оставался предметом обсуждений на богословских и поли-

тических уровнях. Я не буду отвлекаться на знакомые вам дискуссии в этом вопросе (даже в пределах мазхабов). Сразу приведу цитату их упомянутых «Уроков».

ЖИХОТ ЎРИНЛАРИ: 1. *Сиёсий ўрин*. 2. *Скарий ўрин*. 3. *Иқтисодий ўрин*. 4. *Нафсий ўрин*. (Этапы джихада: 1) политический этап; 2) военный этап; 3) экономический этап; 4) этап борьбы против собственных низменных потребностей).

Как видим, на первое место выведено политическое и милитаристское значение джихада. Напоминаю о ханафитском толковании (то есть в среде местных богословов) этого термина, в котором основной джихад (или *ал-джихад ул-кабир* — великий джихад) должен быть направлен против собственных мирских привязанностей, то есть против низменных мирских потребностей и вожделений (*ан-нафс*), а милитаристское понятие джихада определялось термином «*Ал-джихаду-с-сагир*» (малый джихад), под которым в упомянутом мазхабе понимались военные действия, направленные на оборону мусульман².

Лидеры ИДУ неоднократно делали заявления о том, что их конечной целью является только «свержение режима Ислама Каримова», «освобождение братьев-мусульман из тюрем» и т.п.³ Однако эти заявления явно выглядят политической фразеологией, если сравнить их с некоторыми постулатами нашего «Лектора». Из них мы можем иметь более полное, а самое главное, более объективное представление о планах и целях Движения внутри Узбекистана. Естественно, эти планы не афишировались лидерами ИДУ⁴ в надежде на создание имиджа «борцов за свободу», что в свою очередь давало право рассчитывать на поддержку и защиту со стороны международных сообществ по защите прав человека. Хотя текст «Уроков» не оставляет сомнений, что «исламский порядок» члены ИДУ собирались воплотить в жизнь насильственно, путем террора и «убийств неверных», не собираясь вступать ни в какие переговоры ни с какой международной организацией, ни с какой страной. Исламская страна, которую предполагали создать

члены ИДУ, должна была жить исключительно «по законам Аллаха». Естественно, в «Уроках» свое (так сказать «ваххабитское», или «салафитское») понимание законов Аллаха.

Еще один важный вопрос. Можно ли сказать, что такая крайне радикальная и бескомпромиссная позиция лидеров ИДУ появилась только во времена иммиграции или во времена борьбы в рядах Исламской оппозиции Таджикистана? Либо их радикализм — это реакция на ужесточившуюся с началом Независимости позицию Правительства Узбекистана? Нам кажется, что ярко выраженные радикальные политические устремления и бескомпромиссная позиция членов ИДУ сформировались задолго до иммиграции и даже до прямого столкновения с государством и, в частности, с Президентом И.Каримовым⁵. К боям (в прямом смысле) многие исламисты готовились уже тогда (в конце Перестройки). Между прочим, в то время во многих мадраса Намангана (особенно в мадраса Мулло Киргиз), наряду с преподаванием нормативных теологических дисциплин, были введены курсы боевых единоборств, скрыто демонстрировались приемы обращения с легкими видами огнестрельного оружия и т.п.⁶

Предполагая, что слушатели уже идейно готовы к восприятию его «Уроков», наш «Лектор» предлагает сосредоточиться на следующих направлениях работы в подполье (во всяком случае, в том фрагменте, которым мы располагаем).

1. **Пропаганда.** Для ее обозначения использован традиционно исламский термин *да'ва*, который всегда носил преимущественно религиозный характер, то есть понимался как «вовлечение в исламскую общину новых людей». Иными словами, *да'ва* в традиционном понимании, прежде всего, означало исламизацию посредством разъяснения преимуществ религии, ее ценностей и т.п. Из текста «Уроков» видно, что *да'ва* практически не предполагает пропаганду ислама или исламских ценностей. Мы видим, что «Лектор» понимает этот термин в исключительно новом его значении, в котором он стал использоваться исламскими политическими

партиями Нового времени. Хотя *да'ва* у нашего «Лектора» несет еще более политизированный смысл — это фактически первый (едва ли не самый основной) этап джихада против правительства. Не случайно поэтому, что в тексте оба понятия («Политика и *да'ва*» — «*Сиёсат ва да'ват*») объединены в общий абзац и разъясняются вместе.

Пропаганду предполагается направить в основном на деревенских жителей. Сам «Лектор» объясняет это тем, что они «далеки от роскошной жизни и тунеядства, а их сердца полны обиды». Здесь очевиден расчет на наиболее острую конфликтную зону в странах Центральной Азии (и, в частности, в Узбекистане), порожденную массой проблем⁷ на селе, социальной дифференциацией и т.п. Об этих же проблемах «Лектор» предлагает своим пропагандистам говорить и среди других слоев населения (независимо от национальности и вероисповедания), пытаясь возбудить против государства возможно большее количество народа. И снова, как бы между прочим, «Лектор» говорит, что так же поступали большевики (*большавойлар*). Впрочем, собственно к народу он в лучшем случае относится как к «материалу для джихада»: тех, кто считает себя мусульманами, но являются таковыми «лишь формально» (разумеется, с точки зрения «Лектора»), предполагается перевоспитать в духе «чистого ислама», а кто не захочет этого — просто уничтожить. Такая же участь ждет и «временных союзников» — христиан или иудеев: после победы моджахедов их тоже предполагается уничтожить. Хотя эти цели предлагается держать в строжайшей тайне, очевидно, для того, чтобы не лишиться временных союзников против правительства. Любопытно, что «Лектор» вновь апеллирует к примеру большевиков, которые тоже не избегали временного альянса со своими противниками и которые после победы большевиков были уничтожены.

2. **Джихад.** После завоевания авторитета (в качестве «борца за справедливость») среди народа автор «Уроков» считает, что настанет время для более активных действий против правительства. Эта борьба предполагает продолжение (и даже усиление

¹ В настоящее время готовится сводный оригинальный текст (с рукописей конспектов, аудиозаписи) и комментированный перевод на русский и английский языки с обширным предисловием (всего около 100 стр.). Работа выполняется автором этих строк совместно с профессором М.Б. Олжотт в рамках Проекта Фонда Карнеги.

² О формировании понятия джихад в мусульманской экзегетике и другой богословской литературе см.: W. Schwartz. Gihad unter Muslimen. — Studien zum Minderheitenproblem in islam. Wiesbaden, 1980.

³ Пример — интервью Тохира Юлдашева «Голосу Америки» (06. 10. 2000).

⁴ В нашем тексте есть даже предупреждение к слушателям «Уроков» сохранять в глубокой тайне конечные планы движения.

⁵ Речь идет о митинге в Намангане в апреле 1991 г., когда Томир Юлдаш и его соратники настояли на приезде в город И.Каримова, которому в грубой форме были предъявлены требования ввести шариатское правление в Узбекистане, не препятствовать созданию Исламской партии и т.п.

⁶ Информация нескольких бывших студентов таких мадрас.

⁷ Основная проблема, на которой предлагает «сыграть» наш «Лектор», связана с низкими зарплатами на селе, с долговременными их невыплатами, и т.п.

ние) пропаганды с активной дезинформацией населения (через переносные радиостанции, газеты и листовки). Дезинформация касается предполагаемых террористических актов против членов правительства, организации взрывов на электростанциях, заводах и т.п. «Лектор» не скрывает основную цель подобных диверсий: постараться таким образом подорвать экономику государства, способствовать еще большему ухудшению положения простых людей, от которых ожидается усиление недовольства государством и, соответственно, поддержка тех сил, которые начнут военные действия против правительства. Задача же пропагандистских групп состоит в полном отрицании причастности к этим диверсиям, сваливая все на «коварное государство». Другая цель подобных «точечных диверсий» — отвлечь силы регулярной армии, сделать ее «охранником важных стратегических объектов». При планировании своих действий, автор демонстрирует неплохую осведомленность системой управления войск, положением на местах. Однако возможные контрдействия государственных силовых структур и уверенный расчет на полную поддержку со стороны народа выглядят, скорее, желаемым, чем реально возможным результатом. Тем не менее «Лектор» оценивает возможности своего движения довольно трезво, предполагая затяжную подпольную подрывную деятельность, тайную пропаганду с ведением партизанской войны. Но при этом, повторяем, несколько абстрактными выглядят оценки возможной реакции простых людей (особенно деревенских жителей) на действия подпольщиков и партизан. Он называет простолюдинов Узбекистана «безмолвными, подобно стаду баранов, которые пойдут туда, куда поведешь», и считает, что борьбу ИДУ они воспримут положительно, даже оказывая им всевозможную помощь.

Предполагаемая стратегия во время партизанской войны подкреплена живыми примерами из обычной жизни («блоха на собаке») и апелляциями к опыту военных действий в других странах (Афганистан, Вьетнам, Чечня). Хотя многие «секреты» партизанской войны, тактика и пр. явно заимствованы нашим «Лектором» из советских фильмов о партизанах в Великую Отечественную войну.

* Одним из организаторов ограбления банков в пору своей «революционной молодости» был, как известно, И.Сталин (Джугашвили).

Апелляции в представляемом тексте к возможной «всеобщей поддержке народа» партизан-моджахедов (борцов «за справедливость») очень напоминает лозунги почти всех мировых радикальных движений и особенно большевиков, которые, как известно, отличались крайней враждебностью ко всем противникам своих идей, хотя никогда не исключали временный компромисс с любыми оппозиционными царскому правительству движениями и политическими партиями. Такой же тактики (то есть временного альянса со всеми недовольными режимом, даже с христианами и евреями) предлагает придерживаться своим последователям «Лектор». С другой стороны, опыт подпольной борьбы, теоретические труды «вождя мирового пролетариата» Ленина тоже явно были знакомы нашему автору, очевидно, из тех же учебников по истории СССР. Скорее всего, отсюда же заимствованы предложения «Лектора», адресованные своим соратникам — «отнимать деньги у богатых горожан», правда, с уже модернизированными формами шантажа и угроз. Это тоже вполне соответствует аналогичным идеям и действиям ранних большевиков, которые для сбора средств «ради воплощения благородных целей» и пополнения партийной кассы организовывали, например, ограбления банков⁸ и фабрикантов. С приходом к власти большевиков стала активно воплощаться также идея Ленина «об экспроприации экспроприаторов», то есть насильственная национализация и прямой грабеж имущества фабрикантов и граждан среднего достатка (= «конфискация награбленного народного добра»). Повторить подобные действия, после предполагаемого захвата власти, предлагает и наш «Лектор». Его отношение к народу такое же противоречивое и лицемерное, как у коммунистов. С одной стороны, он называет простых людей «покорными овцами, умеющими только есть» и «готовыми пойти, куда погоняют», с другой — призывает «постоянно быть с народом», так они могут укрыть от преследований, дать кров, обеспечить едой и т.п. И в противоположность мы видим у автора «коммунистическую ненависть» к богатым, которые рассматриваются лишь как объект вымогательства и террора.

Таким образом, перед нами причудливая смесь коммунистических (эгалитаристских)

идей с «неоисламскими» политическими стремлениями, воплощение которых предполагается осуществить методами русских большевиков. Правда, представления автора о будущей политической структуре «Исламского государства» в Узбекистане крайне смутные и неопределенные. Обращает на себя внимание лишь его ремарка, что вынесение *фетв* в духе «времен исламского Халифата» неразумно и что надо считаться с изменившимися обстоятельствами эпохи. В этом можно усмотреть некоторое стремление к модернизации.

Итак, из моего краткого изложения видно, что мы можем наблюдать крайне радикальную реакцию «неоваххабитов» на советскую атеистическую политику. Однако парадокс состоял в том, что в менталитете «неоваххабитов» в свое время прочно обосновались идеи и методы борьбы большевиков, что тиражировалось в СССР почти во всех учебниках по истории Новейшего времени. Своеобразие «неоваххабитов» основывалось на причудливом смешении примитивно-коммунистических и исламистских лозунгов. Вообще же в менталитете «ваххабитов» Долины (судя по прослушанным мной их аудиокассетам) ощущалось сильное влияние советского эгалитаристского мышления, наложенного на сравнительно новые для них идеи «естественного равноправия в исламе».

Появление подобных эклектических идей «исламского коммунизма» по-своему уникально и имеет целый комплекс исторических, политических, экономических и идеологических причин и стимулов. Разговор о них — предмет отдельных исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагменты из текста «Уроков джихада»
(Джихад дарсликлари)

...Разрушить [государственную] систему неверных и построить Исламский порядок.
Комментарий: Когда говорят о системе неверных, имеются в виду Советники⁹, заводы,

фабрики, рабство¹⁰, школы, детские сады, родильные дома, телевидение, больницы, колхозники и даже их дома и тому подобное...

...Наш народ¹¹ кроток, словно овцы. Но если захватить власть над ними — они все пойдут за тобой. Но у нас в горах около 30 лет вели *джихад*¹².

И еще, надо выяснить, склонна ли группа людей, среди которых ты пребываешь, к исламу, или они иудеи, либо христиане. Например, если наши люди называют себя последователями Имам-и а'зама¹³, значит, их так и надо называть. Менять [их мировоззрение] сразу не следует, это можно сделать потом. Когда вы среди них, они должны воспринимать вас как одного из своих...

1. Военные силы государства.

Комментарий: Это можно сравнить с человеком, у которого есть руки, ноги. Точно так же армия — руки государства. Если есть у него противники, он ловит их руками. Очень трудно узнать что-либо о военной силе неверных, то есть о количестве оружия, танков, самолетов и другого. Но знайте, боксер на ринге работает руками и если сломать его ногу, он ничего не может сделать...

Но как мы можем узнать о степени готовности врага? Для этого надо нанести удар по одной маленькой части¹⁴ [военных] и быстро отступить, наблюдая за ними. Каким образом и за какое время они построят блокаду, кто и в каком количестве придет им на помощь? Милиция здесь [наверняка] не вмешается, значит, нужно будет, чтобы на помощь подошли военные специалисты. Например, если в Палестине взорвется один автобус, евреи быстро оцепляют это место и задерживают всех. И туда никак нельзя пронести оружие. Значит, эта армия сильная. Чтобы захватить палестинские города и чтобы усилить военную силу, евреи совершенствуют свою тактику, что повышает их силу и боеспособность. Они стараются доказать, что обладают сильной армией. Бо-

⁸ Здесь не совсем понятно, о ком идет речь. В тексте использован русский термин с фонетической адаптацией под узбекский язык (форма — «Советники»). Предполагается, что речь идет о государственных советниках.

¹⁰ По представлению «неоваххабитов» все мусульмане региона в настоящее время находятся в рабстве у евреев и Америки.

¹¹ Имеются в виду узбеки.

¹² Речь идет о так называемом «басмаческом движении».

¹³ Имеется в виду основатель (эпоним) ханафитского мазхаба ан-Ну'ман б. Сабит ал-Имам ал-а'зам (Абу Ханифа; 699–767 гг.).

¹⁴ Здесь и ниже «Лектор» очень часто прибегает к собственно русскому термину «часть» (от русского — «часть»), то есть воинская часть (см. об этом в предисловии к переводу).

роться против такой страны – крайне тяжело. Но это можно сравнить с собакой. Если ее укусит блоха, какую огромную часть своего тела она начинает кусать. И если мы ударим по маленькой части этих неверных, то какую большую территорию они будут вынуждены оцепить. Важно знать следующее. Если мы ударим по Хамзинскому району¹⁵, что они сделают – оцепят [войсками] весь город или только этот Хамзинский район [города]?

- Во главе всякого дела – его цель. **Комментарий:** Единственная цель мусульман – чтобы нами был доволен Аллах. Это значит – выполнять все повеления Аллаха, бороться, чтобы слово Аллаха было превыше всего, чтобы все вершилось, как велит ислам, чтобы претворить в жизнь веления Аллаха по всему миру.

- **Идея.** Всякое повеление, кроме повелений Аллаха – есть гнет, независимо от его форм. Мы будем бороться до тех пор, пока он не исчезнет совсем.

- **Лозунг.** Нужно построить такую политическую и военную систему, чтобы она никогда не менялась, чтобы никогда не приходила к соглашению с неверными, отказавшись от их политической системы, от их культуры, отстранить их от всех должностей и установить только исламский порядок. Это наш лозунг. То есть: «*Ла илаха илла Аллах, Мухаммадун Расуллаллах*» (Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад – Посланник Аллаха). **Комментарий:** Исключений не должно быть! Будь то телевидение, радио, базар, даже церковь. Пусть даже все станет дорогим! Лозунг должен воплощаться, независимо от всего! Все заграничные связи обрываются и строятся только на исламском порядке. Будет ли банк? Он будет только в установленном исламом порядке. В исламском государстве не будет никакого Министерства иностранных дел. Все будет ликвидировано.

- Основание на рабочих местах особых организаций, которые надо будет воспитывать

в духе истинной веры и миропонимания. **Комментарий:** Ислам понимают многие люди, но они не понимают конечных целей. Они не понимают, что ислам – это жизнь, это вещь (*нарса*), оживляющая человека. Они думают, что это только одна из частей их жизни и, следуя предписаниям, уходят из жизни. Нет такой нации – «неверные». Аллах сотворил всех своих тварей для того, чтобы ему поклонялись. Их [=неверных] будем призывать принять ислам. Если не примут – надо их убить, превратить в рабов, ценить не больше скотины! Иудеи, христиане и многобожники – все они превратятся в вещь [для продажи]. Они будут разделены [среди верующих] в качестве вещей. У человека должно быть понятие об истинном. Не следует относиться к ним снисходительно, говоря: «Они [=неверные] тоже ведь люди». Нет, ибо они стали неверными Аллаху!

Нужно точно знать – каково положение ислама, какова его задача, которую готовят против ислама неверные, или что они вообще делают? Все это надо знать. Для этого нам нужны люди с правильным пониманием. Сейчас нужно уметь делать *иджитиха*¹⁶. Нужно, чтобы было правильное понимание ситуации. Сейчас выпущено множество фетв¹⁷, исходя из ситуации исламского государства. Например, правила молитв, ношение бороды и тому подобное. Это незыблемые вещи. Но нельзя отставать в военной области, вооружении, транспорте и других подобных вещах...

В результате твоих [подрывных] действий в государстве появляется анархия и беспорядок, увеличивается коррупция, воровство и убийства, нарушается порядок среди работников государственного управления, и они начинают пожирать друг друга. СНБ начнет пожирать МВД¹⁸ и так далее. Если беспорядок не прекратится, то СНБ начнет постоянно проверять работу МВД. Так они начнут убивать друг друга и самих себя.

Государство введет комендантский час. Оно начнет сильно мучить народ. Это в твою пользу. **Комментарий:** появятся силы, стоящие против государства.

Сколько бы не было у государства войск, оно рухнет. Так как в нем будет нарушен внутренний порядок. Это значит, в его теле пропадет иммунитет и будет явным его смертный исход. Ты должен точно проанализировать и узнать это время. **Комментарий:** Это похоже на простуду живота.

У государства неверных происходит так же. Они начнут пожирать друг друга, и не будет силы, которая может противостоять против тебя. Армия сможет защищать только себя.

Ты должен воспользоваться таким моментом. С этого времени ты должен научиться такой тонкой политике, то есть – помогай народу материально и добрым словом и так далее. **Комментарий:** Что делал Ленин? Он был все время с народом. Тот, кто собирается свалить государство, должен быть всегда с народом.

Например, Декабристы¹⁹ все были из интеллигентов. Они проиграли борьбу. Революцию²⁰ совершили евреи от имени Ленина. Но народ ничего не понимает. Он, словно овца, умеет только есть. Он даже не спросит: «Куда

ты меня ведешь?» Американцы тоже как овцы, так как у них нет веры и конечной цели.

Пусть народ будет всегда с тобой, так как иначе тебя начнет вытеснять вооруженная сила неверных. Вот тогда они тебе будут нужны. Они будут работать на тебя: в сборе информации, или распространении нужной тебе информации, помогут тайно портить технику неверных, готовить тебе взрывчатые вещества в заранее подготовленных в деревнях малых предприятиях, которые всегда должны быть связаны с нашим центром.

Мы должны изучить возможность производства взрывчатых веществ в деревне. Там надо привлекать тех, кого не призывают в армию – инвалидов, больных, которых можно обучать производству взрывчатых веществ. Например, нам нужно будет взорвать какой-нибудь мост. А у нас есть только противотанковые мины. Они могут разрушить мост только частично. Поэтому нам нужен специалист по производству взрывчатых веществ. Нужны специалисты и по оружию, которое трудно ввозить [из-за рубежа]. Тогда надо наладить и его производство в деревне...

Перевод и комментарии
Бабаджанова Б.С. и Олкотт М.Б.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОРНИ ТЕРРОРИЗМА

Олимова С.

Общим местом исследований по экстремизму является положение о том, что главный источник экстремизма – это нерешенные социальные проблемы. В основе обострения социальных противоречий, способствующих росту социальной напряженности и разворачиванию социальных конфликтов, в ходе которых, как правило, появляются экстремисты, лежит значительная разница в доходах различных социальных групп, падение качества и уровня жизни, социальной защищенности. Большое значение имеют также этнические и религиозные конфликты, резкие изменения мировоззрения, вызванные крупными социальными потрясениями. Экстремизм – это экстремальная реакция людей,

выбирающих быстрые и простые рецепты, которые в перспективе предусматривают силовые методы борьбы, т.е. терроризм. Безусловно, эти рецепты можно получить и в религии. Но, как мы знаем, социальные болезни редко можно вылечить простыми и быстрыми методами.

Поэтому борьба с экстремизмом и терроризмом религиозной ориентации включает исследование множества различных факторов, которые способствуют их возникновению, в том числе изучение групп риска, т.е. тех групп, которые подвержены влиянию экстремизма, религиозно-идеологической

¹⁵ Западный район города Ташкента.

¹⁶ *Иджтихад* (ар. «усердие», «большое старание») – деятельность богослова в изучении тех или иных вопросов, по которым он выносит решение. Считается, что со сложением *мазхабов* «двери *иджитихада* закрылись» и можно выносить решения по мелким вопросам. Однако некоторые богословы современности считают, что надо вновь «открыть двери *иджитихада*», чтобы пересмотреть позиции ислама с точки зрения современной ситуации.

¹⁷ *Фатва* – (от арабск. «разъяснение») – богословско-правовое заключение, выносимое для разъяснения и практического применения предписаний *шариата* по возникающим казусам, не предусмотренным напрямую в ранее установленных законах.

¹⁸ «Лектор» хочет сказать, что начнутся противоречия между силовыми структурами государства.

¹⁹ Имеется в виду группа образованных российских аристократов, которые выступали против крепостного права в России, требовали других гражданских свобод. Их попытка совершить государственный переворот в декабре (отсюда их название – Декабристы) 1825 года на Сенатской площади (Санкт-Петербург) окончилась неудачно.

²⁰ То есть Октябрьскую (1917 г.) Революцию в Российской империи.

базы, духовных лидеров, которые возглавляют религиозные экстремистские группы и движения.

1. Ислам и общество в Таджикистане

Рассматривая проблемы религиозного экстремизма, необходимо исходить из того, какое место занимает религия в обществе:

1) для подавляющего большинства граждан Таджикистана ислам является массовой формой общественного сознания. Согласно результатам инициированного IFES Национального опроса общественного мнения в Таджикистане (декабрь 1996 г.) 97% опрошенных жителей Таджикистана сообщили, что они верят в Бога, 90% взрослых (от 18-ти лет и старше) граждан Таджикистана считают себя мусульманами. Из числа мусульман активно верующими назвали себя 13%, достаточно активными – 19%, неактивными – 59% [1].

Поэтому политическая борьба в Таджикистане всегда имеет проекцию на ислам;

2) при анализе роли религии в возникновении экстремизма необходимо исходить из того, что религия, как и политика, является достаточно самостоятельным общественным явлением, имеющим собственные цели, задачи, закономерности развития. С этой точки зрения ислам предоставляет возможности для существования значительного количества религиозных организаций, в том числе и политического характера (исламские партии). При этом различные политические движения могут прибегать и к экстремистским формам борьбы за власть.

Для того чтобы выявить и проанализировать факторы роста религиозного экстремизма, сначала надо определить, какую роль играет религия, в частности ислам, в обществе Таджикистана.

Результаты социологических исследований по теме «Роль ислама в обществе Таджикистана», проводившихся в течение последних пяти лет Центром «Шарк», показывают, что для подавляющей части населения Таджикистана, практически для всех таджиков и узбеков, ислам выполняет следующие главные функции:

- является основой культурной парадигмы;
- остается одной из важнейших составных идентичности, опережая по степени важности гражданскую и этническую идентичности;
- выступает как основа мировоззрения и мировосприятия;

- является основой морали, норм общественного и индивидуального поведения;

- играет роль основного социокультурного регулятора общественной и частной жизни.

Это значит, что ислам для граждан Таджикистана – это мировоззрение, культура, образ жизни, мораль. В гораздо меньшей степени ислам – это право. Еще ниже потенциал политического ислама. Так, считают, что должны существовать партии на религиозной основе 23% в Душанбе, 16% в Согдийской, 15% в Хатлонской и 21% в РРП.

Участие религиозных деятелей и членов религиозных партий в управлении государством поддержали 27% опрошенных. 53% – против. Среди тех, кто поддерживает участие религиозных лидеров и членов религиозных партий во власти чаще встречаются безработные (32,1% – за) и рабочие (39,5%) [2].

В последние годы произошли некоторые изменения: уровень религиозности в стране в целом несколько повысился, т.е. увеличилось число верующих, уменьшилось количество людей, признающих себя атеистами. Это произошло преимущественно за счет молодых возрастов, среди которых число атеистов достигает минимума. Так, согласно данным опроса, проведенного в августе 1999 г. в г. Душанбе, уровень религиозности у различных студентов выше, чем у пенсионеров: 97,3% студентов и 89,5% пенсионеров сообщили, что верят в Бога. Самый низкий уровень религиозности наблюдается у мужчин, работающих в сфере управления – 88,9% респондентов этой группы признали, что верят в Бога [3].

Катаклизмы, процессы и явления, охватившие общество Таджикистана, – переход от одной политико-экономической модели к другой, гражданская война и ее последствия – закономерно ведут к новым сдвигам в сознании и психологии людей. Все более распространяется маргинализированный тип человека, причем во всех слоях населения. Наблюдается острый конфликт между ожиданиями и реальностью, в результате чего часть населения теряет надежду на будущее. Это происходит и в группе взрослых, и молодежи, среди которой все более усиливается отчаяние, безразличие, отчуждение, безнадежность. И здесь очень велика роль религии. Лозунги социальной справедливости, возрождения высокой исламской морали, отрицания влияния Запада, восстановления

справедливой законности в рамках шариата весьма привлекательны и находят широкий отклик у населения ЦА, заплатившего непомерно высокую цену за реформы и не получившего от них ощутимых плодов.

Надежда, вера в конечную справедливость на этом или на том свете, которые предоставляет религия, являются противовесом отчаянию и безысходности. Ислам выступает как свод моральных максим, убеждений, воззрений, делающих осмысленной жизнь индивидуума. Молодежь Таджикистана обращается к исламу, испытывая острую необходимость увидеть смысл человеческой жизни, ее высшую цель. Исследования показали, что в молодежной среде Таджикистана религия, прежде всего, выполняет функцию целеполагания, значения. Она предоставляет возможность осмыслить собственную жизнь и жизнь человеческого сообщества. Это очень важно в условиях, когда светские идеологии либо потеряли влияние на молодежь (например, коммунистическая идея), либо не имеют почвы для развития в данном обществе (либерализм).

Что не менее важно, в обществе Таджикистана религия в значительной мере выступает как универсальный фактор интеграции и стабильности общества. Это вызвано разрушением правопорядка и правосознания в ходе гражданской войны. Государство и общество предпринимают значительные усилия, чтобы восстановить законность, тем не менее в настоящее время духовно-культурные факторы поддержания стабильности и интеграции очень важны для социальной жизни. Религия предоставляет поддержку, которая чрезвычайно важна в условиях, когда человек, особенно молодой, имеет недостаточно возможностей влиять на ход событий, управлять собственной жизнью, изменять обстоятельства. Общество в Таджикистане все более жестко закрывает перед молодыми возможность «стать взрослыми», т.е. получить хорошо оплачиваемую работу, завести семью, приобрести социальный статус. Социальное отчуждение в молодежной среде неизбежно рождает экстремистские настроения, которые в наших условиях разворачиваются в исламские экстремистские движения. Исламские радикальные проекты встречают горячий отклик молодежи и маргиналов, для которых характерны потеря социального статуса, страх перед будущим, размывание традиционных культурно-нравственных регуляторов пове-

дения [4]. Так, основной контингент последователей «Хизби Тахрир» – это молодые люди 15–20 лет.

По мере развития рыночных отношений стремительно идет стратификация, которая разделила ранее почти гомогенное общество на бедных и богатых, растет предпринимательство, которое пока не имеет цивилизованных правил и регуляторов. Все это имеет следствием изменение образа жизни, ценностей и общественной морали. Молодежь находится в очень жестких условиях конкуренции за рабочие места. Жесткие правила и в бизнесе. Молодые предприниматели очень остро ощущают недостатки законов, которые препятствуют развитию бизнеса. Отсутствие деловой этики, нормальных правил игры на рынке, возможностей обратиться в суд и арбитраж тормозит развитие бизнеса. Именно молодые ощущают это острее всего. Поскольку светское управление не может или не желает улучшить положение в правовой сфере, обеспечить порядок и законность, то молодые предприниматели и торговцы обращаются к исламу, пытаясь найти в нем регулятор социальной и деловой жизни.

Можно предполагать, что эти две тенденции – а) обращение к исламу как способ найти справедливость, смысл жизни; б) обращение к исламу как к Закону, который может регулировать отношения людей и в частной, и в социальной, и в деловой сферах в условиях беззакония, – являются основными факторами, способствующими подъему исламских политических движений, в том числе и экстремистского характера.

Фактором, провоцирующим религиозный экстремизм, является также раздел региона на отдельные национальные государства. Наиболее остра проблема границ. Сейчас, когда делимитация и формирование реальных границ, пограничных режимов в ННГ ЦА стали реальностью, можно видеть, что государственные традиции, сформированные в ЦА на протяжении тысячелетий, вступили в конфликт со строительством реальных суверенитетов. Разрушение локальных рынков, инфраструктуры, человеческих связей, препятствие в движении людей, транспорта, товаров больно бьют по интересам населения стран региона, особенно приграничных регионов, и провоцируют обращение к исламскому интегритизму, объединяющему людей независимо от национальности, гражданства, языка. Большое значение имеют эт-

нические проблемы, диаспоры и особенно ирреденты. Лозунги исламского интегризма, безусловно, очень близки, во-первых, тем ирредентным этническим группам, которые неожиданно для себя оказались в положении диаспор; во-вторых, тем этническим группам, которые имеют не сформировавшуюся этническую идентичность билингвистическим сообществам.

Надо помнить и о том, что ислам в ЦА за века развития стал способом участия и управления, в том числе контроля и сдерживания власти.

В течение веков ислам как философская доктрина, право и мораль выступал в качестве ограничителя и средства контроля власти в земледельческих ареалах Центральной Азии. Политические традиции земледельческих общин Центральной Азии, создавших великие ирригационные системы древности и средневековья, способствовали концентрации власти в одних руках. Тем не менее значительный объем власти осуществлялся внутри самих общин. Для них были характерны развитое самоуправление, высокая степень автономности и жесткий социальный контроль. Общины также оказывали влияние и на центральную власть. Одним из основных каналов обратного воздействия на власть был ислам. Воздействие осуществлялось не только посредством социально признанных и высоко ценных исламских моральных и правовых норм, но и с помощью авторитетных исламских лидеров – получивших признание народа богословов, ученых и правоведов, суфийских шейхов. Они осуществляли социальный контроль над правителями и доносили до них общественное мнение. Таким образом, ислам выступал как бы в роли лояльной конструктивной оппозиции, способствуя стабильности политических режимов, осуществляя стабилизирующую и интегрирующую функции в обществе в целом.

2. Лидеры экстремистских религиозных течений в странах Средней Азии

Ключевыми фигурами в образовании и распространении экстремистских религиозных течений в Центральной Азии являются духовные авторитеты. По материалам опросов общественного мнения, проводимым Центром «Шарк», степень доверия исламским лидерам в настоящее время невысока – до 10%. Исламские лидеры как личности могут и не пользоваться широкой популярностью и,

более того, вызывать неудовольствие широких масс. Тем не менее, благодаря авторитету исламской учености и положению в социально-религиозной иерархии (пир, эшон, муфтий и т.п.), они имеют почти безграничные возможности влияния на своих адептов и очень большие – на общество в целом.

Проведенные нами исследования показывают, что, несмотря на жесткий атеистический прессинг, исламская мысль развивалась в Центральной Азии и в советский период. Традиция и преемственность никогда не прерывались. Начиная с кокандских мулл, нашедших убежище в Восточной Бухаре в 20–30-е гг., через ишанов и ходжей, поддерживавших опальных исламских интеллектуалов в 50–60-е гг., исламская богословско-правовая мировоззренческая мысль продолжала развиваться в различных формах, в том числе и в виде реформаторства. В ходе этого развития решались наиболее острые и злободневные вопросы существования ислама в советской Средней Азии: отношения ислама и власти, места ислама в обществе, места и роли исламских духовных лидеров в социальной и политической жизни общества. В ходе духовных и мировоззренческих поисков возникали различные течения, конфликтовавшие между собой. В 60–70-е гг. произошел раскол ислама, который стал источником появления генерации новых исламских интеллектуалов и духовных лидеров различных направлений. Именно они впоследствии сформировали исламские радикальные политические организации, такие, как Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), «Адолат», Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и другие.

Наиболее крупной фигурой в развитии реформаторской исламской мысли можно считать Мавлави Хиндустони. Значительной фигурой был также его коллега и оппонент, выходец из Коканда, Мулло Абдурашид. Ученниками Мавлави Хиндустони были такие фигуры, как Домулло Хикматулло, Мулло Бурхониддин, Саид Абдуллои Нури, Мавлави Абдулхай, Мулло Мухаммадали, Махсум Исмоил, Ходжи Акбар Тураджонзода, Ходжи Нуриддин Тураджонзода, Саид Киёмиддин Гози, Эшони Абдукуддус и другие. Многие из них сыграли значительную роль в гражданской войне, возглавив Движение мусульманского возрождения Таджикистана (ДИВТ), ставшее костяком ОТО.

Рассмотрим, какие качества выдвинули на авансцену политического процесса духовных лидеров.

1. Это, прежде всего, обширные познания в области исламской учености.

2. Принадлежность к семьям влиятельных суфийских шейхов (так, Тураджон-зода был сыном известного суфийского шейха (эшона) Кадирийи. Практически вся территория Таджикистана была поделена на сферы влияния той или иной эшонской семьи. Большая часть мужчин в зоне влияния того или иного эшона входила в число его муридов и выполняла его указания. Именно после того, как в ПИВТ пришли эшоны со своими муритами, исламское движение приобрело размах и силу.

Влияние духовных лидеров на жизнь общества было беспрецедентно велико и продолжает во многом определять эволюцию обществ Таджикистана в настоящее время.

3. Связь с региональными элитными группировками. Влияние на региональные элиты Таджикистана, которые стремились перераспределить власть в свою пользу, позволило религиозным лидерам задействовать в своих интересах административный ресурс административных и хозяйственных руководителей из соответствующей этнорегиональной группы и собрать финансовые средства для поддержки своей деятельности. Не секрет, что в период разворачивания конфликта в Таджикистане религиозных лидеров поддерживали колхозы и совхозы, директора промышленных предприятий, потребительская кооперация из соответствующего региона.

4. Связь с международным исламским движением. Этот ресурс был очень важен, так как именно из-за рубежа шла литература, впоследствии поступали финансовые средства, инструкторы, вооружение. В ходе конфликта вооруженные отряды оппозиции перешли в Афганистан, откуда продолжали свою борьбу. Религиозные лидеры ушли в эмиграцию, в Афганистан, Иран, Пакистан: это Саид Абдулло Нури, Ходжи Акбар Тураджонзода, Мухаммадшариф Химматзода, Саид Киёмиддин Гози, Мухаммадрасул Саломов и многие другие. Практически они руководили деятельностью Объединенной Таджикской Оппозиции (ОТО). В эмиграции эти лидеры религиозных движений приобрели большой опыт политической военной борьбы, завязали обширные связи с международным исламским движением.

Место исламских лидеров в современной политической системе Таджикистана

В проведенном Центром «Шарк» в Таджикистане в 2000 г. опросе общественного

мнения на вопрос, должны ли религиозные лидеры занимать государственные посты, мнения разделились почти поровну: более половины категорически против, менее половины – за [4].

В настоящее время в легальном политическом процессе участвуют как минимум пять групп исламских лидеров. Во-первых, исламские лидеры, которые заняли посты в Правительстве РТ и отмежевались от ПИВТ на принципиальной почве, выразив несогласие с самой идеей исламской партии. Это, прежде всего, Акбар Тураджон-зода.

Вторая группа – это лидеры исламской ориентации, занявшие место в политической системе Таджикистана, например: 2 депутата парламента от ПИВТ, должностные лица, получившие свои посты в соответствии с 30%-й квотой от ОТО.

Третью группу составляют лидеры исламской ориентации, занявшие место в политической системе Таджикистана согласно квоте, выделенной для представителей ОТО, однако вышедшие из ПИВТ и вступившие в НДПТ под давлением сверху, например министр промышленности Зайд Сандов.

К четвертой группе относятся исламские лидеры, которые не заняли место в политической системе Таджикистана. Это, прежде всего, Саид Абдулло Нури.

К пятой группе можно отнести руководство исламского духовенства, оставшегося лояльным правительству в годы гражданской войны. Это, например, Мухаммадшариф Нехмат-зода – ныне глава Шурои уламо (Совет улемов).

Существует острая проблема религиозных лидеров, которые остались за пределами интеграционного процесса. Это в первую очередь касается лидеров, которые возглавляли вооруженные формирования ОТО. Бывали случаи, когда некоторые лидеры, возглавлявшие вооруженные формирования оппозиции и затем реинтегрировавшиеся в правительственные силовые структуры, оставляли свои военные части и объявляли о своем неповиновении. В качестве примера можно привести бунт муллы Абдулло Рахимова, который формально числился в Министерстве обороны, или же неповиновение командиров оппозиции Мансура Муаккалова и Рахмона Сангинова, которые также формально принадлежали к МО РТ.

Какими же качествами, знаниями, социальным и политическим статусом должны обладать возможные лидеры, для того что-

бы стать лидерами новых радикальных оппозиционных течений?

Прежде всего надо сказать, что новые лидеры радикальных оппозиционных течений должны обладать теми качествами, которыми обладают нынешние лидеры С.А.Нури, Х.А.Тураджонзода, и др. Кроме личных качеств, наиболее важными ресурсами могут быть следующие:

1. Знания в области исламской учености, исламская образованность, авторитет в духовной сфере. Эти знания должны включать в себя не только программу обучения официальных религиозных учебных заведений республики, но и обширный круг знаний исламских наук, которые приобретаются путем индивидуального ученичества у отдельных авторитетных мусульманских духовников (*худжера*).

Кроме того, весьма возможно, что потенциальные лидеры новых радикальных течений могут оказаться выпускниками высших исламских учебных заведений мусульманских государств, таких, как Пакистан, Египет, Саудовская Аравия и т.п. Потенциальный лидер, вероятно, будет тесно связан с международным исламским движением.

Кроме религиозных знаний, возможный лидер новых радикальных течений обязательно должен обладать светскими знаниями, хорошо знать историю, литературу, иностранные языки, особенно арабский, английский и русский языки, иметь навыки работы с электронной техникой, особенно с компьютером.

2. Что касается его *социального статуса*, то необходимо отметить, что будущий лидер радикальных религиозных движений обязательно должен пользоваться поддержкой у определенной части населения, подверженного экстремистским настроениям. Без социальной базы будущий лидер не сможет пользоваться авторитетом среди рядовых членов возможного радикального движения. При этом поддержка не должна иметь региональный характер. В настоящее время опора на регионализм может привести к обратному эффекту. По-прежнему, степень успеха карьеры религиозного лидера зависит от его происхождения, семейно-родственных связей с наиболее влиятельными семьями суфийских эшонов, муфтиев или иных религиозных авторитетов.

3. Говоря о *политическом статусе* возможного лидера, необходимо учесть, что этот фактор является одним из основных факторов, определяющих его личность: возможный

будущий лидер обязательно должен иметь опыт политической работы, опыт работы в партиях и движениях, хорошо должен знать внутрипартийную жизнь других партий, движений, общественных организаций, иметь навыки и знания организационной работы.

Немаловажное значение имеет фактор знания военной науки. Этот фактор имеет особое значение сейчас, когда силами коалиции под эгидой США ведется антитеррористическая борьба против международной террористической организации «Аль-Каида» и остатков движения «Талибан». Возможные лидеры, скорее всего, будут учитывать, что в ходе политической борьбы могут возникать ситуации, которые, возможно, приведут к вооруженному противостоянию.

Немаловажное значение может иметь факт наличия в Таджикистане особого слоя профессиональных боевиков. Существуют примеры, когда воевавшие в междоусобице бойцы затем в качестве наемников приняли участие в афганской войне в составе тех или иных формирований и впоследствии переместились в Чечню. После начала 2-й чеченской войны они вернулись в Таджикистан. Этот контингент может выдвинуть своих лидеров или поддержать радикальных религиозных лидеров. Этому способствуют следующие обстоятельства: прежде всего, после заключения Мирных соглашений 1997 г. и продвигания мирного процесса возникла проблема демобилизации и реинтеграции боевиков, участвовавших в гражданской войне. Большая их часть начала войну в возрасте 15–20 лет и отвоювала пять лет. Большинство из них не имеют профессии, знаний, необходимых для получения профессиональных навыков. Большая часть десоциализировалась, нуждается в психиатрическом и другом лечении. Они не имеют средств к жизни, их дома большей частью разрушены, родственники погибли. Значительное количество их является наркоманами, так как не секрет, что при насильственном или добровольном рекрутировании молодежи в вооруженные формирования обе стороны использовали наркотики. В Отчете о выполнении 3-го этапа Военного протокола Общего соглашения о мире говорилось, что прошли аттестацию 6 764 бойца ОТО, из которых 4 275 признаны годными для продолжения службы в Вооруженных Силах, 2 430 — демобилизованы по собственному желанию и по состоянию здоровья. Около одной тысячи боевиков остались вне рамок инте-

рации. Они должны были влиться в гражданский сектор. Однако у правительства не было средств для предоставления им рабочих мест и обучения гражданским специальностям. Многие реинтегрированные боевики также недовольны своим положением, так как у правительства нет средств для нормального материально-технического снабжения армии. Самыми обделенными военными частями являются реинтегрированные боевики ОТО.

Это стало большой проблемой, т.к. значительная часть боевиков зарабатывает себе средства на жизнь с помощью оружия, включая занятие контрабандой наркотиков. В случае, если появится достаточно сильный религиозный радикальный лидер, он может получить поддержку боевиков, не нашедших себе места в мирной жизни.

События, произошедшие 11 сентября 2001 г., и принятие вслед за ними военно-политических мер со стороны мирового сообщества также могут стать важным фактором, влияющим на тенденции, предпочтения, взгляды, политические ориентации будущих лидеров региона. Эти события вынуждают некоторых политиков, мечтающих стать лидерами радикальных религиозных партий, пересмотреть свою точку зрения относительно движения «Талибан» и лидера организации «Аль-Каида» Усамы бен Ладена. Не секрет, что даже некоторые лидеры ПИВТ всего два-три года назад поддерживали движение «Талибан», во всяком случае не видели в них угрозу интересам республик Центральной Азии. Новые лидеры радикальных организаций не будут открыто поддерживать вышеуказанные военно-политические и террористические организации. Наоборот, они могут прийти к успеху в политической деятельности, то есть стать лидерами новых радикальных религиозно-политических организаций, именно подвергая критике движение «Талибан» и организацию «Аль-Каида» за политику, которая привела их к поражению и нанесла ущерб престижу мусульман в мире.

Другой фактор, который может повлиять на взгляды и политические ориентации будущих лидеров радикальных организаций, это результаты антитеррористической операции, проводимой силами коалиции во главе со США в Афганистане. Если все учебно-тренировочные лагеря по подготовке боевиков будут ликвидированы и уничтожены, скорее всего, это повлияет на выбор методов борьбы и политической деятельности радикальных организаций и движений в Средней Азии.

3. Анализ возможного перегруппирования существующих организаций и течений и изменения, которые могут произойти в их принципах и деятельности

В Таджикистане, после подписания Договора о мире и претворения его в жизнь, отдельные лидеры внутри ИПВТ выразили свое несогласие с результатами мирного процесса. Особенно это определилось, когда представителям оппозиции не в полной мере были предоставлены должности в государственных структурах согласно 30%-й квоте. Так, один из командиров бывшей оппозиции Мулло Абдулло Рахимов после кратковременной попытки реинтеграции в силовые структуры, именно по причине неудовлетворенности своим личным положением, вместе с частью своих последователей отказался от дальнейшей службы. А впоследствии, по данным СМИ, ушел в Афганистан вместе со своей вооруженной группой. В ходе антитеррористической операции в Афганистане в районе Кандагара он был задержан и передан афганским властям. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Некоторые лидеры исламской оппозиции, получив государственные должности в структурах правительства согласно 30%-й квоте, приостановили свое членство в ПИВТ. В целом легализация религиозных лидеров в политическом процессе в РТ происходила поразному. Так, Ходжи Акбар Тураджонзода на съезде партии в сентябре 1999 г. просил руководство и членов партии в ходе выборов главы государства поддержать кандидатуру нынешнего президента. В обратном случае он угрожал приостановить свое членство в партии. Так и случилось. Руководство партии не поддержало предложение Х.А.Тураджонзода, и он вышел из рядов партии. Другой лидер ИПВТ Давлат Усмон, будучи министром экономики, согласился с выдвижением его кандидатуры в качестве альтернативного кандидата в президенты на вышеуказанных выборах. В конце выборной кампании, буквально перед голосованием, Давлат Усмон просил руководство партии бойкотировать выборы. По его мнению, в ходе предвыборной кампании были допущены серьезные ошибки и откровенная фальсификация. Однако руководство партии не бойкотировало выборы. В дальнейшем это стало причиной того, что Давлат Усмон покинул ряды партии. Другой исламский лидер Карим Рахимов, известный как Мулло Абдурахим, бывший председатель Таможенного комитета при Правительстве республики также покинул ряды

партии. Основной причиной стали возникшие разногласия с руководством партии по вопросам внутрипартийной жизни. Таким образом, эти бывшие лидеры исламской оппозиции, хотя в данное время не являются публичными политиками, однако не исключено, что после возможной отставки с государственной должности каждый из них может создать самостоятельную политическую партию. По некоторым неподтвержденным данным, Давлат Усмон после окончания дипломатической академии г. Москвы именно этим сейчас и занят.

В целом ужесточение режима, нарастание авторитарных тенденций в Таджикистане ставит вопрос о месте религиозных лидеров в обществе и государстве. Нынешняя проправительственная позиция ПИВТ может спровоцировать раскол внутри партии, когда недовольная часть исламистов может породить новых, более радикальных лидеров.

Можно также предполагать, что тайное или явное ущемление политических лидеров, находящихся в различного рода оппозиции к правящему режиму, в том числе и лидеров исламской ориентации, будет иметь место и далее. Все более расширяется силовое давление на исламистов различной ориентации. Это означает, что оппозиционный характер исламского движения с сохранением его радикального крыла будет иметь место и в обозримом будущем. Если власти не будут укреплять правопорядок и законность с тем, чтобы отдельная личность, общественное или политическое движение были защищены законом, все время будет сохраняться опасность возникновения новых и расширения деятельности радикальных группировок.

Все вышеуказанные причины уже привели к расширению деятельности «Хизби Тахрир». Эта партия не признает демократические основы власти и борется за создание всемирного халифата. В настоящее время, хотя конкретных высказываний и действий с их стороны относительно насильственного свержения действующей власти не отмечено, однако, в связи с возможными изменениями в обстановке по региону, они могут внести коррективы в свою деятельность. Эта организация работает очень конспиративно и выявление их возможных лидеров – очень непростое дело. В настоящее время в Узбекистане осуждены сотни членов этой организации. Среди них настоящих лидеров очень мало. То же самое можно сказать о деятельности этой партии в Таджикистане.

После окончания антитеррористической операции в Афганистане не исключается и появление отдельных членов ИДУ в Таджикистане. Они могут разными путями проникать на территорию Таджикистана и влиять на обстановку в негативном плане. В том числе эти лица могут возглавлять важные политические организации, основанные на религиозном радикализме.

4. Идентификация путей и возможностей финансирования данных организаций и течений

Очень трудно выявить ситуацию в настоящее время. Однако, если проследить историю связей ДИВТ с международным исламским движением, то можно представить круг основных доноров и партнеров.

Вплоть до конца 1996 г. основные базы подготовки таджикских боевиков располагались на территории Афганистана, где находились представительства международных организаций, непосредственно оказывавших финансовую, техническую, консультативную помощь террористическим группировкам в Таджикистане. Это такие организации, как Международная исламская организация по оказанию помощи, Международный комитет исламских отношений, «Аль-Харам», Всемирная исламская лига, «Исамалдин».

Представительства организаций, активно работавших с таджикскими и узбекскими боевиками, также базировались в Пешаваре. Это Кувейтский комитет призыва, «Аль-Каида», Суданское исламское агентство по оказанию помощи, Совет по исламской координации и др.

Непосредственно диверсионно-террористическую подготовку таджикские и узбекские боевики проходили в учебных лагерях в Хосте (Афганистан), Кампи Бобо (Пешавар), Шам Шату (Пешавар), Учебно-духовном центре в Карачи.

Структурно к указанным центрам примыкают различного рода учебные центры по изучению канонов ислама для детей и подростков. Такие центры действовали в Пешаваре, Мултани, Кехрор Пака (все – Пакистан).

В настоящее время в РТ имеется почва и для развития исламского радикализма. Его главные причины, приводящие к терроризму: обострение социально-экономического положения; разочарование, как в социалистическом, так и в капиталистическом пути развития, тотальная коррупция, отсутствие

сильных светских движений и связанный с этим «вакуум идеологии».

Если власти будут тормозить формирование лояльной конструктивной демократической оппозиции, то они сами поляризуют политические силы, делая политический ислам своим главным оппонентом и тем самым подвергая себя испытанию на прочность. В то же время будет расчищено место для исламского экстремизма. Если власти забудут о политических традициях, обеспечивающих баланс интересов различных социальных групп и обеспечивающих стабильность общества в целом, можно ожидать подъема экстремистских движений, выступающих под лозунгами социальной справедливости. Вероятнее всего, эти движения будут исламскими. Их социальной базой будут маргиналы, пауперы, люмпены, которые являются питательной средой для развития терроризма.

При усугублении социально-экономического кризиса и обострении межнациональных отношений политический ислам-

ский терроризм может представлять реальную угрозу.

Особенностью терроризма в РТ можно считать переплетение политического, экономического, уголовного терроризма в основном из-за главной коллизии постсоветских государств – раздела государственной собственности. В чистом виде политический терроризм в настоящее время в РТ отсутствует. Отсюда – интеграция терроризма, организованной преступности и наркобизнеса. Возможные радикальные лидеры будут, безусловно, использовать все эти сферы деятельности. Если правительства стран ЦА не скорректируют свою социальную политику, оптимизируют реформы, ЦА выдвинет новых лидеров, которые могут дестабилизировать ситуацию. Но очень маловероятно, что такой лидер появится в Таджикистане. Здесь массы настолько устали от войны, так разочаровались в лидерах обеих воевавших сторон, что трудно представить, что какой-нибудь лидер сможет поднять широкое радикальное движение.

Литература

1. Стивен Вагнер. Общественное мнение Таджикистана, 1996. Вашингтон. МФИС, 1997.
2. Опрос общественного мнения в Таджикистане. Душанбе, НАЦ «Шарк», 2000.
3. Опрос общественного мнения в Таджикистане. Душанбе, НАЦ «Шарк», 1999.
4. Управление, ценности и образ жизни молодежи в странах Центральной Азии. Т. 2. Таджикистан. Ташкент, ЮНЕСКО, НАЦ «ШАРК», Центр «Ижтимои фикр», 2002. – С. 99–116.

«РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ»: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Жихорь Ю.

После прекращения раздела мира на две части, существовавшего в годы «холодной войны», и окончания bipolarности долгожданный мир во всем мире так и не наступил. Новые конфликты и новые силы привлекают к себе внимание – прежде всего религиозный экстремизм и межэтнические распри. Многие политологи полагают, что экстремизм от религии представляет собой преходящее, чисто спонимутное политическое явление.

Между тем в основе всех современных международных конфликтов в мире лежит или фундаментализм, или стремление к этнической самобытности.

Прежде всего, возникает необходимость разобраться со смыслом, вкладываемым в термин «религиозный экстремизм» или фундаментализм, как его многие называют.

Религиозный экстремизм – это объективное следствие развития процессов модернизации в обществе. В настоящее время нет ни одной страны, где религиозное политическое движение не существовало бы в той или иной форме. Существует тесная взаимосвязь между процессами кардинальной модернизации жизнедеятельности общества и ростом радикальных настроений под флагом возврата к ценностям религии. Проблемы, являющиеся катализатором для зарождения в обществе идей экстремизма, основанного на религиозной почве, идентичны для каждого государства.

В первую очередь это проблемы социально-экономического характера. Рост безработицы, низкое качество здравоохранения, отсутствие доступа к качественному образова-

нию, постоянное сокращение социальных государственных дотаций и т.д. как следствие развития процессов модернизации в жизни общества стали первопричиной роста протестных движений и распространения религиозного экстремизма. Идея религиозного экстремизма привлекательна тем, что объясняет кризисные явления в обществе очень просто — отходом от догм религии, отходом от традиций старины. В этом русле отсутствие существенных результатов в реализации собственных стратегий развития привело к тому, что часть населения в поисках выхода из кризиса обратилась к идеям общественного устройства под эгидой религиозного фундаментализма.

Во-вторых, демографический фактор. В государствах, где зародился и ныне процветает религиозный экстремизм, таких, как страны Ближнего Востока, страны Центральной и Юго-Восточной Азии, демографическая ситуация принимает угрожающие размеры и особенно явной становится проблема несоответствия уровней демографического и социально-экономического развития. Модернизация не может создать возможности для большинства населения, особенно в условиях все возрастающего демографического давления. Индивидуального успеха как условия распада общинных связей может достичь только часть населения. А в условиях повышенной миграции населения из села в город — как результата модернизации — эта часть становится очень незначительной (как правило, до 10% населения). Для остальных, затронутых процессами модернизации, но не получивших от него результатов, выглядит естественным обращение к отодвинутым на второй план экономическими приоритетами духовным ценностям.

Религиозный экстремизм в своей направленности ориентируется именно на эти — маргинальные — слои населения.

Третья проблема, влияющая на появление в обществе идей экстремизма, связана с ростом преступности и коррупции. Модернизация неизбежно ведет к разрушению системных связей и подвергает испытанию традиционные ценности. В условиях девальвации прежних традиционных ценностей общества, незаконное превращается в норму и атрибут общественных отношений. В этой связи апелляция к морально-этическим нормам, заложенным в религии, вполне естественна и закономерна.

Большая часть идейных маргиналов, которые составляют костяк религиозного экстремизма, — это люди, не сумевшие или не имеющие возможности самореализации, самовыражения в существующем «истеблишменте». Наличие завышенных ожиданий от жизни и неспособности реализовать свои потребности приводит к идеологизации невыгодного положения в структуре данного общества и далее к стремлению либо активно вмешаться в его жизнь, взорвать старый порядок (это радикальная экстремистская позиция), либо к пассивной борьбе, то есть уходу из общества, созданию сект, увлечение мистическими учениями.

Здесь следует отметить, что религиозный экстремизм, по своей сути, представляет собой политическую идеологию: политизация религии как явление может возникнуть где угодно и когда угодно. Во-первых, все приверженцы религиозного экстремизма приходят через политизацию религии к представлениям о порядках, которые являются собой новые вызовы уже существующим. Во-вторых, дело не ограничивается подобной конфронтацией мировоззрений; применение насилия в рамках иррегулярных военных действий, т.е. терроризма — суть материализация мировоззренческих конфликтных потенциалов. Политизация религии религиозными экстремистами или фундаменталистами направлена против светского национального государства, и в этом проявляется мировоззренческий конфликт, предметом которого являются представления о порядке.

Политизация религии не относится только лишь к исламу. Остается сожалеть, что при упоминании о фундаментализме многие европейцы сразу же думают об исламе, поскольку европейские средства массовой информации сообщают исключительно о террористических актах исламских фундаменталистов. О разрушении мечети Айодхья в Индии фундаменталистами-индусами или о подобных террористических актах других религиозных фундаменталистов, например, еврейских поселенцев на оккупированных палестинских землях рассказывается мало. В связи с этим необходимо обратить внимание на взаимосвязь трех главных фактов.

Во-первых, фундаментализм как политизация религии и тем самым вычленение различий в мировоззрениях между цивилизациями представляет собой глобальное явление,

которое встречается почти во всех мировых религиях. Все его разновидности указывают на известное «фамильное сходство». Фундаментализм, хотя он и имеет двойной характер, является, как правило, в большей степени *Homo politicus*, нежели *Homo religiosus*. Какими бы опасными ни были фундаменталисты, с ними нельзя справиться с помощью армии, поскольку они в подавляющем своем большинстве действуют как раз не прибегая к использованию обычных военных средств. Для обращения с ними требуется новая политика безопасности, которая не фиксируется больше на государстве и отрешается от преимущественно военного мышления.

Во-вторых, фундаментализм во всех религиях являет собой мировоззрение, основывающееся на божественном порядке. Большинство фундаменталистов борется за достижение этой цели, используя политические средства. И лишь малая часть из них решается прибегнуть к насилию и терроризму, чтобы воплотить это представление о порядке в жизнь. Поэтому в эмпирическом плане просто неверно отождествлять фундаментализм с терроризмом. Из этого вытекает, что насилие — лишь один из аспектов фундаментализма. Его мировоззренческие представления о порядке и политизированные ценностные конфликты, входящие в этот контекст, намного важнее.

В последние десятилетия все более широкий размах приобретают такие экстремистские явления, которые имеют связь с религиозными постулатами, но происходят в политической сфере социума и не могут быть охарактеризованы понятием «религиозный экстремизм».

Тому явлению, которое сегодня определяют как религиозный экстремизм, ближе термин «религиозно-политический экстремизм». Религиозно-политическим экстремизмом можно назвать религиозно-мотивированную или религиозно-камуфлированную деятельность, направленную на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти.

1. Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма. По названному признаку он отличается также от экономического, экологического и духовного экстремизма.

2. Данный вид экстремизма представляет собой такой вид противозаконной политической деятельности, которая мотивируется или камуфлируется религиозными постулатами или лозунгами.

3. Преобладание силовых методов борьбы для достижения своих целей — характерная черта религиозно-политического экстремизма. По этому признаку религиозно-политический экстремизм можно отличить от религиозного, экономического, духовного и экологического экстремизма.

Религиозно-политический экстремизм, в отличие от религиозного, отвергает возможность переговорных, компромиссных, а тем более консенсусных путей решения социально-политических проблем. Сторонники религиозно-политического экстремизма отличаются крайней нетерпимостью по отношению ко всем, кто не разделяет их политических взглядов, включая единоверцев. Для них не существует никаких «правил политической игры», границ дозволенного и недозволенного. Конфронтация с государственными институтами — их стиль поведения. Принципы «золотой середины» и требования «не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе», являющиеся основополагающими для мировых религий, отвергаются ими. В их арсенале главными являются насилие, крайняя жестокость и агрессивность, сочетающиеся с демагогией.

Лидеры, использующие религиозные идеи и лозунги в борьбе за достижение своих противозаконных политических целей, хорошо понимают возможности религиозных учений и символов как важного фактора привлечения людей, мобилизации их на бескомпромиссную борьбу. Одновременно они учитывают, что «повязанные» религиозными клятвами люди «сжигают мосты», им трудно, если не невозможно, «выйти из игры». Расчет делается на то, что даже лишившимся иллюзий и осознавшим несправедливость своих действий участникам экстремистского формирования очень трудно будет покинуть его ряды: они будут страшиться, что их отказ от конфронтации с властями и переход к нормальной мирной жизни могут быть восприняты как предательство религии своего народа, как выступление против веры и Бога.

Поэтому необходимо четко дистанцировать явления, происходящие в религиозной

сфере, от действий, совершаемых в мире политики, но имеющих религиозную мотивацию и религиозный камуфляж.

В обоих случаях мы имеем дело с экстремистскими действиями. Однако разница между ними чрезвычайно велика. Если в первом случае речь идет о проявлениях религиозного экстремизма, то во втором — налицо действия, входящие в содержание понятия «религиозный экстремизм в политической сфере».

После 11 сентября религиозный экстремизм стали ассоциировать исключительно с исламом. Зачастую возникает впечатление, что мусульманин — это потенциальный взрывник или камикадзе, а среди всех конфессий именно ислам выделяется как носитель религиозного экстремизма. Между тем фундаменталистское крыло существует в любой из религий, а религиозные фанатики, готовые уничтожить мир, действуют внутри всех без исключения конфессий.

В первую очередь надо подчеркнуть, что на территории тех же Соединенных Штатов протестантский фундаментализм занимает чрезвычайно сильные позиции. Весьма популярен среди американцев протестантский евангелист Хал Линдсли, написавший книгу «Покойная великая планета». Автор предсказывает войну между русско-арабским и американо-израильским блоками, которая завершится полным уничтожением арабов и русских и одной трети населения планеты вместе с ними. Любопытно, что президент Рональд Рейган был горячим приверженцем Линдсли и даже приглашал его читать лекции стратегам Пентагона. В США также существует большое число христианских ультраправых фундаменталистов, пропагандирующих радикальный антисемитизм. Наиболее яркий пример — Церковь арийской христианской нации (ЦАХН), или «Arian nations» («Арийская нация»). Это крупнейшая организация белых расистов, крайне негативно относящихся к неграм и евреям, которых они обвиняют в служении дьяволу. Политическая цель «Арийской нации» — это создание на территории пяти северо-западных штатов «арийского государства» белых христиан. Организация имеет свои вооруженные отряды по всей Америке и тесно сотрудничает с Ку-Клукс-Кланом и другими расистскими и правозэкстремистскими организациями. Лидер «Арийской нации» — Ричард Батлер, в прошлом активный член террористической организации «The order» («Порядок»). Близ-

ким другом ЦАХН является «Арийская республиканская армия» (АРА), цель деятельности которой — уничтожение цветных и евреев. Марк Томас, лидер АРА, неоднократно заявлял о том, что правительство США является оккупационным и управляемым из Израиля.

Нельзя обойти вниманием и Ирландскую республиканскую армию (ИРА), состоящую из католических фундаменталистов. Каждый год Белфаст в Северной Ирландии напоминает поле боя: баррикады из пустых металлических бочек, скелеты сожженных полицейских автомобилей, горящие целыми кварталами жилые дома, десятки убитых и сотни раненых. Обстановка накаляется после того, как члены протестантского ордена оранжистов устраивают шествие по случаю очередной годовщины победы над католическими войсками Якова Второго. Толпы протестантских фундаменталистов из «Ассоциации обороны Ольстера» устраивают кровавые погромы в католических районах, нередко поджигая храмы. Так, 2 июля 1998 года 8 католических храмов были повреждены вследствие прокатившейся волны поджогов. Католическая ИРА, разбившаяся на множество «дочерних» организаций, не остается без ответа. Только один взрыв начиненного взрывчаткой автомобиля в августе 1998 года в городе Ома унес жизни 28 человек, а более 220 жителей получили тяжелые ранения. Большинство жертв — женщины и дети. Цель католической ИРА — силовыми акциями и террором заставить протестантов и правительство Великобритании ликвидировать особый статус Северной Ирландии для ее воссоединения с Ирландской Республикой. Существуют и другие международные и национальные организации католических фундаменталистов, такие, как «Воины Божьи» и «Лига католической контрреформации».

В Индии проблема терроризма является одной из самых острых социально-политических проблем. Сразу следует назвать ультраправую организацию «Шивсена» («Армия Шивы»), которая известна своими экстремистскими акциями против «осквернения индуизма». В 1992 году радикальными индуистами была снесена знаменитая мечеть в городе Айодхья и на ее месте установлены каменные истуканы. В Индии действует «Раштрия сваямсевак сангх», имеющая свои военизированные подразделения. Сильные позиции занимает также сепаратистское движение сикхов, последователей ре-

лигиозного течения гуру Нанак, жившего в XVIII веке. Они проживают в индийском штате Пенджаб и выступают за отделение от Индии. Осуществляемый ими кровавый террор преследует главную цель — вынудить индусов покинуть Пенджаб. В 1984 году индийские власти с применением артиллерии, танков и армейских частей штурмовали главную святыню сикхов — Золотой храм в городе Амритсар. Сражение длилось четверо суток. Помимо большей части боевиков, погибли сотни паломников и около ста солдат индийской армии. Спустя четыре месяца сикхи нанесли ответный удар — убита Индира Ганди, премьер-министр Индии. Начались массовые погромы, в результате которых, по некоторым данным, было убито около 30 тысяч сикхов. Лишь в одном 1990 году сикхи убили около 4 тысяч человек. А 12 марта 1993 года почти одновременно прогремели 15 страшных взрывов, унесших жизни 228 и искалечивших более 1 200 человек. Самые известные организации сикхов — это «Силы Халистана» и «Халистанский освободительный фронт».

Крайне силен религиозный фундаментализм и в Израиле. Здесь существует несколько политических партий, последовательно отстаивающих иудейский фундаментализм. Одна из известных еврейских экстремистских организаций «Ках» базируется в Израиле и на

оккупированных арабских территориях. Основатель «Ках» Меер Кахане — известный американский раввин-экстремист, получивший три месяца тюрьмы за неудачную попытку взорвать мечеть Аль-Аксу — одну из главных святынь Ислама. Группа «Ках» организовала кампанию в поддержку еврейского экстремиста Боруха Гольдштейна, расстрелявшего из автомата молящихся арабов в мечети Аль-Ибрахим в Иерусалиме. Тогда погибло несколько десятков человек. В ноябре 1995 года еврейский экстремист убивает премьер-министра Израиля Ицхака Рабина. На судебном процессе убийца с гордостью рассказывал, что поступил согласно «Галахе» — своду законов Иудаизма, требующему «убить всякого еврея, который отдает в руки врагов свой народ и его землю».

Этот далеко не полный перечень фундаменталистских организаций ясно показывает, что ни одна из конфессий не свободна от экстремистских течений, искажающих суть религиозного учения в выгодной для себя форме.

Таким образом, если религиозный экстремизм является ответной реакцией социально неудовлетворенных слоев населения, то тот экстремизм, который сегодня называют религиозным, на самом деле является результатом политических разборок между политическими группами.

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ И ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Тукумов Е.В.

За последние годы в среде отечественных политологов выработалась, ставшая уже практически классической, схема рассмотрения основных факторов возникновения и распространения исламского экстремизма на территории стран Центральной Азии, на постсоветском пространстве в целом. Данная схема, претендующая на комплексность подхода в изучении феномена исламского экстремизма, состоит из анализа внутренних и внешних региональных факторов, благоприятствующих развитию данного явления. При этом внутренние факторы возникновения терроризма и религиозного экстремизма связываются со сложной социально-политической и экономической ситуацией, сложившейся в ряде стран Центральной Азии, маргина-

лизации и социокультурной деградации определенной части населения, недовольство которого нередко облекается в оппозиционные движения. Внешние же условия возникновения в Центральной Азии терроризма и религиозного экстремизма связываются с соседством с существующими и потенциальными «горячими точками» мира, образующими «исламскую дугу» нестабильности: Кавказ, СУАР Китая, Кашмир и, конечно же, Афганистан.

Именно на внешних условиях возникновения исламского экстремизма в регионе я и хочу сегодня акцентировать внимание в своем докладе. В целом в рассмотрении внешней составляющей в появлении данного феномена в нашем регионе происходит опре-

деленная абсолютизация роли афганского и таджикского конфликтов. Замыкание на роли этих, безусловно, важных, но чрезмерно гипертрофированных по своей важности влияния региональных конфликтах серьезным образом препятствует рассмотрению региональных проявлений исламского экстремизма во взаимосвязи с глобальными тенденциями в мировой политике, без учета которых невозможно в принципе провести серьезный, комплексный анализ проблемы появления исламского экстремизма в нашем регионе. В этой связи важно знать не только то, что происходит у наших соседей (и делать из этого конечные выводы), но и попытаться взглянуть на проблему исламского экстремизма более шире, глобально, с учетом всех происходящих современных тенденций и проблем мирового сообщества, исламского мира в частности.

Одной из таких мировых проблем с глобальным радиусом воздействия, в том числе и контексте развития исламского экстремизма, является, безусловно, арабо-израильский конфликт.

Практически все ведущие эксперты по региону, исламоведы, сходятся во мнении, что именно ближневосточный конфликт, по ряду причин объективного и субъективного характера, явился одним из ведущих факторов активизации («исламского фактора») в общественно-политической жизни ряда стран региона и мирового сообщества в целом.

Влияние арабо-израильского конфликта на развитие исламского экстремизма прежде всего проявилось в возникновении и активизации ряда религиозно-политических организаций экстремистского толка в регионе Ближнего Востока. Как известно, в результате сохранения арабо-израильского конфликта (фактического поражения арабских стран в противостоянии с израильской армией и его союзниками) в странах региона Ближнего и Среднего Востока, появился целый ряд религиозно-политических организаций, в том числе и экстремистского толка, таких, как «Гамат аль-муслимин» (впоследствии преобразовалась в 1978 г. в «Ат-такфир ва-ль-хиджа»), «Ат-тахрир аль-исламий» (исламское освобождение), «Аль-джихад аль-макаддас» (Священный джихад) в Египте, и т.д. [1]

Кроме того, качественно преобразовались из аморфных во влиятельные и многочисленные религиозно-политические организации, такие, как «Братья-мусульмане» в Египте

(которые распространяли свое влияние практически во все страны региона). Вторжение Израиля в 1982 г. (V-война. Война в Ливане 1982 г.) на территорию Ливана способствовало значительной активизации ныне широко известной экстремистской организации «Хезболлах» (партия Аллаха), которая, как мы знаем, возникла еще 1900 г. в Иране [2].

Однако, прежде всего, и это совершенно закономерное явление, наиболее сильный подъем экстремистских организаций наблюдался непосредственно в зоне конфликта. В середине 1970-х гг. на территории Палестины и Ливана возникли широко известные ныне исламские экстремистские организации, такие, как «Исламский джихад», Организация Освобождения Палестины (ООП во главе с Ясиром Арафатом) с целым рядом вошедших в нее группировок, наиболее известные из которых ФАТХ, «вооруженный отряд 17» и т.д.

История конфликта

Один из самых длительных региональных конфликтов современности длится более 54 лет. В целом историю конфликта можно разделить на несколько ключевых этапов: арабо-израильская война 1948 г. (первая война), Суэцкий кризис 1956 г. (вторая война), арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг. (3 и 4 арабо-израильские войны), Кэмп-дэвидский процесс мирного урегулирования 1978-79 гг., война в Ливане 1982 г. (пятая война), процесс мирного урегулирования 90-х годов (Кэмп-дэвидские соглашения 2000 г.) и Интифада 2000 г. Начавшаяся 29 сентября 2000 г. и продолжающаяся до сегодняшнего дня Интифада зачастую определяется экспертами как «шестая война» или «война на истощение».

Как отмечают ведущие эксперты по Ближнему Востоку корни современной ближневосточной проблемы лежат в территориально-этническом противостоянии между палестинскими арабами и евреями — этнически близкими друг к другу народами. Вместе с тем территория современной Палестины не всегда была зоной острого противостояния арабов и евреев. Долгое время эти два народа мирно сосуществовали друг с другом. Кроме того, длительный исторический отрезок времени (к примеру, во время Османской империи) Палестина была населена преимущественно арабами. Лишь в конце XVIII — начале XIX в. в Палестине, в основном в Иерусалиме и вокруг него, начали появлять-

ся еврейские поселения. В 1918 г. арабы все еще составляли 93% населения Палестины.

Ситуация в Палестине изменилась в корне во время и после окончания второй мировой войны, когда возникли благоприятные условия для реализации идеи создания еврейского государства. С момента провозглашения реализации плана ООН раздела Палестины и создания государства Израиль со стороны еврейских экстремистских организаций была развернута массовая кампания против арабского населения. В результате еще до провозглашения государства Израиль около 250 тыс. палестинских арабов были вынуждены покинуть свои родные места. В свою очередь арабские государства, объединенные в Лигу Арабских государств, не признали Израиль и объявили ему «джихад». Таким образом, благодаря «стараниям» двух сторон был раскручен маховик войны.

В целом пять арабо-израильских войн продемонстрировали, что ни одна из сторон не может нанести решительное поражение другой. Во многом это обусловливалось вовлечением сторон конфликта в глобальное противостояние времен холодной войны. Ситуация в плане урегулирования конфликта качественно изменилась с распадом СССР и исчезновением bipolarного мира.

Изменения в мире (прежде всего распад СССР и сопутствующие этому мировые геополитические изменения) привели к тому, что арабо-израильское противостояние вышло из системы глобального противостояния СССР—США. В процессе урегулирования конфликта обозначились существенные позитивные изменения, о которых, в частности, свидетельствовали палестино-израильские соглашения в Осло 1992 г. (главный пункт которого — постепенная передача Израилем Западного берега и сектора Газа в самоуправление палестинским представителям), иорданско-израильский мирный договор 1994 г., сирийско-израильские мирные переговоры 1992—1995 гг. и т.д.

В целом конец 80-х и начало 90-х годов ознаменовались кардинальными переменами в процессе мирного урегулирования ближневосточного конфликта. Своеобразным «венцом» всего процесса стало признание со стороны Израиля ООП в качестве представителя палестинского народа, а также исключение из «Палестинской хартии» пункта, отрицающего право Израиля на существование.

Однако, начиная с середины 1996 г., динамика переговорного процесса и палестино-израильских отношений изменилась в худшую сторону. В целом это было связано с внутривнутриполитическими изменениями в Израиле, проблемами строительства палестинского государства. При этом кульминационным моментом этого периода стал визит в сентябре 2000 г. лидера оппозиционной правой партии Ликуд Ариэля Шарона в Иерусалим, где он сделал провокационное заявление, в котором заявил, что «будет использовать все демократические средства, чтобы не допустить раздела Иерусалима», в ответ премьер-министру Израиля Эхуду Бараку, который в интервью Jerusalem Post предложил разделить Иерусалим на две части: Западную — израильскую и Восточную — арабскую. С данного провокационного выступления и началась Интифада-2000, положившая начало современному ближневосточному кризису.

Современная ситуация

Современная ситуация в зоне арабо-израильского конфликта является прямым продолжением Интифады-2000. Вместе с тем по уровню конфликтности, интенсивности боевых действий текущая ситуация в зоне арабо-израильского конфликта является беспрецедентной с момента завершения пятой войны в Ливане 1982 г. Судя по беспрецедентно высокой интенсивности боевых действий израильской армии и вооруженных терактов палестинцев, современная Интифада, продолжающаяся уже более 19 месяцев, в настоящее время достигла своего пика. Израиль в ответ на серию терактов со стороны палестинцев практически полностью оккупировал палестинские территории и изолировал от внешнего мира лидера ООП — Ясира Арафата. Помимо собственно военных акций, Израиль будет, по словам премьер-министра Шарона, использовать «самый широкий спектр» методов борьбы с террором, в том числе, экономическое и политическое давление на администрацию ПА.

Несмотря на все имеющиеся отличия и специфику, связанные прежде всего с глобальными изменениями и ходом антитеррористической операции после взрывов 11 сентября, современный арабо-израильский конфликт, на наш взгляд, ничем принципиально не отличается от предыдущих пяти войн и развивается по классическому варианту. В связи с этим, применяя традиционный подход рассмотрения конфликтной ситуации,

необходимо вычленил и проанализировать следующие элементы современного арабо-израильского кризиса:

- Факторы воздействия ситуативного характера – «иракский фактор»
 - Перманентные факторы воздействия
 - Позиции непосредственных участников конфликта (израильская и палестинская)
- «Иракский фактор»**

Главным фактором воздействия ситуативного характера, в контексте обострения ситуации в зоне арабо-израильского конфликта, безусловно, является планируемая США спецоперация в Ираке.

Нынешнее развитие ситуации в зоне арабо-израильского конфликта необходимо рассматривать именно сквозь призму планируемой антитеррористической коалиции, прежде всего США, спецоперации в отношении Ирака. Контртеррористическая операция в отношении Ирака предполагает создание наиболее оптимальных условий для ее проведения. Формирование общего благоприятного внешнеполитического фона вокруг этой операции, сохранение относительно удачного хода развития ситуации в Афганистане являются явно недостаточными условиями. Ключевым фактором благополучного исхода возможной спецоперации в отношении Ирака является, безусловно, стабилизация ситуации в зоне арабо-израильского конфликта. Без значительных подвижек в этом вопросе Соединенным Штатам рассчитывать на поддержку со стороны арабских стран Ближнего Востока невозможно, что в свою очередь ставит под сомнение успех любого значимого мероприятия в регионе, в том числе и спецоперации в отношении Ирака. Напротив, существенное продвижение в разрешении палестино-израильского конфликта предполагает, что арабские страны не станут возражать против вмешательства США во внутренние дела Ирака.

Вместе с тем складывающаяся вокруг Ирака ситуация может иметь далеко идущие и не совсем однозначные последствия. С одной стороны, интересы США по свержению режима Садда Хусейна совпадают с интересами политических элит ряда стран региона, так как Ирак продолжает нести угрозу соседям, учитывая его амбиции к региональной гегемонии, территориальные претензии к соседям, явно негативное отношение к ближневосточному мирному процессу, курдскую проблему и т.д. Вашингтон пы-

тается максимально использовать эти противоречия соседних стран с Ираком в свою пользу в рамках антитеррористической коалиции. В этой связи ближневосточное турне вице-президента США Дика Чейни было нацелено на прощупывание почвы и настроений, поощрения или усиления антииракских настроений среди политического истеблишмента стран региона. Вместе с тем при очевидных выгодах свержения режима Садда Хусейна следует учитывать и возможные негативные последствия спецоперации США в отношении Ирака, которые, на наш взгляд, могут в значительной степени перевешивать позитивные. Прежде всего, следует учитывать, что почти 500-тысячная иракская армия – это не движение «Талибан» (до сих пор полностью не разгромленное), а относительно развитый Ирак – это не разрушенный десятилетиями войны Афганистан. Кроме того, геополитическая ситуация, общий внешний фон вокруг Ирака намного хуже, чем в случае с Афганистаном, когда практически все региональные соседи, особенно Узбекистан и Пакистан, были на стороне США. В случае же с Ираком, несмотря на все имеющиеся противоречия соседей с этой страной и личные амбиции Садда Хусейна, нельзя говорить о безоговорочной поддержке спецоперации США против Ирака, со стороны его региональных соседей. Политический истеблишмент арабского мира не сможет проигнорировать население своих стран, антиамериканские настроения среди которого явно усилились после возобновления арабо-израильского вооруженного противостояния. Подтверждением тому служат слова генерального секретаря Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива Джамиля Аль-Худжейлана, который убежден, что «отсутствие взаимопонимания между Багдадом и Вашингтоном по проблеме международной инспекции по разоружению не дает Америке права наносить удар по Ираку, который будет, прежде всего, ударом по иракскому народу». По словам генсека, арабский мир «никогда не одобрит такой шаг ни в отношении Ирака, ни какой-либо другой арабской страны». Поэтому нет никаких гарантий, что определенные страны региона, такие, как Ливан, Сирия, не ввяжутся в войну на сторону Ирака. Кроме того, о росте явно антиамериканских настроений в арабском мире, недовольстве политикой Вашингтона (которая выражается, прежде всего, сохранением поддержки Израиля) свиде-

тельствует визит 26 апреля 2002 г. наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы в Вашингтон, в ходе которого было предъявлено ультимативное предложение президенту США, что если США будут и дальше столь же активно поддерживать Израиль, это будет чревато самыми серьезными последствиями на Ближнем Востоке.

По мере углубления ближневосточного кризиса, арабские страны все более склоняются к мнению об отсутствии необходимости операции США в Ираке, считая, что устранение Садда Хусейна не является первоочередной проблемой ближневосточного региона. Более всего политический истеблишмент арабских стран не устраивает создание самого прецедента вмешательства во внутренние дела и отстранения от власти внешней силой.

С целью снижения напряженности в зоне конфликта США – как традиционный гарант ближневосточного мирного процесса и одновременно наиболее заинтересованный внешний игрок – пытаются оказать давление, используя имеющиеся рычаги давления на непосредственных участников конфликта, прежде всего на Израиль. Вместе с тем Израиль – как наиболее ответственный участник конфликта – сохраняет собственное видение разрешения конфликта, которое сводится к силовому методу. О чем это говорит? Данная ситуация свидетельствует о том, что:

во-первых, США сохраняют политику двойных стандартов в отношении Израиля, когда, с одной стороны, происходит публичная критика действий израильской стороны и одновременно практикуется политика «активного невмешательства» в конфликт, тем самым поощряя действия Израиля. Сохранение США политики двойных стандартов подтверждается и отсутствием реакции Вашингтона на возможность распространения Израилем «антитеррористической операции» на южные районы Ливана, а также на такую проблему, как многолетняя оккупация Израилем Голанских высот, являющихся законной частью сирийской территории. Двойственная политика США, непоследовательность поведения Вашингтона крайне негативно влияют на развитие ситуации в регионе, на ход конфликта и настроения участников конфликта;

во-вторых, складывающаяся ситуация свидетельствует об отсутствии у США сколько-нибудь позитивной программы урегулирования палестино-израильского конфликта.

Однако можно предположить, что США все-таки, в целях продвижения своих интересов («иракский фактор»), попытаются в ближайшее время заметно интенсифицировать процесс урегулирования ближневосточного конфликта (посредством прямого вмешательства и/или при помощи ООН), возможно, путем ужесточения позиций в отношении Израиля и нахождения компромиссных точек соприкосновения со странами арабского мира (прежде всего с Египтом и Иорданией) и Евросоюзом.

Таким образом, палестино-израильский конфликт и контртеррористическая операция выступают в настоящее время в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Инициированная США глобальная антитеррористическая операция послужила мощным толчком в развитии арабо-израильского конфликта. Одновременно именно задача проведения спецоперации в Ираке диктует всем заинтересованным сторонам, прежде всего США, возобновить ближневосточный мирный процесс, снизить степень напряженности в зоне палестино-израильского конфликта и тем самым подготовить почву для проведения очередного этапа контртеррористической операции.

Намерения США и его союзников по антитеррористической коалиции изменить ситуацию в Ираке не могли не повлиять на общую политику непосредственных участников конфликта – израильтян и палестинцев, внеся в нее существенные коррективы. Обе стороны конфликта решили воспользоваться данной ситуацией для достижения максимально выгодных для себя условий, что в итоге закономерно привело к очередному обострению конфликта.

Перманентные факторы воздействия
Основными постоянными факторами арабо-израильского противостояния по-прежнему остаются следующие вопросы:

1. Статус Иерусалима.
2. Палестинские беженцы.
3. Израильские поселения.
4. Границы.

Именно невозможность разрешения этих ключевых проблем, в силу ряда субъективных и объективных причин, и приводит перманентно к обострению ситуации в зоне конфликта.

Невозможность политического, мирного урегулирования заключается в том, что как

палестинцы, так и израильтяне выдвигают друг к другу односторонние и практически неприемлемые для реализации условия. Так, к примеру, Израиль требует от Ясира Арафата прекратить террор и нейтрализовать террористические организации, однако при этом сохраняя политику, которая в принципе и порождает этот террор. В свою очередь, палестинские требования к Израилю также являются неприемлемыми, с точки зрения израильтян и их интерпретации сохранения безопасности в регионе. Требования палестинцев сводятся к:

- отходу Израиля к границам 1967 г. (о границах 1948 г. уже не может быть и речи);

- признанию Восточной части Иерусалима как столицы палестинского государства;

- праву на возвращение около 4 млн беженцев на прежнее место проживания, то есть в Израиль;

- ликвидации еврейских поселений на палестинской территории (в основном это касается восточной части Иерусалима и Восточного берега р. Иордан).

Израилю, по мнению его экспертов, выполнение любого из этих требований, особенно что касается вопроса границы и беженцев, грозит фактически утратой независимости. С такими выводами в определенной степени нельзя не согласиться. К примеру, гипотетическое возвращение почти 4 млн палестинцев для 6 млн Израиля, где еврейское население составляет около 83%, означает тотальное изменение этнодемографического состава населения, что неизбежно повлечет за собой политические и экономические катаклизмы.

В целом проблема палестинских беженцев остается одним из основных источников напряженности в арабо-израильских отношениях.

Другой болевой точкой арабо-израильских отношений является статус Иерусалима, который и стал основной причиной последней Интифады в 2000 г. Как известно, война 1967 г., III-война (шестидневная), окончилась серьезным поражением арабов. Она стоила арабам Старого города Иерусалима (Восточной арабской части), Синай, Сектора Газа, Западного берега реки Иордан (территория Иордании) и Голанских высот (на сирийско-израильской границе).

В целом ключевую роль в подъеме исламских религиозно-политических организаций, в основном экстремистского толка, в регио-

не Ближнего Востока, в расцвете исламского терроризма сыграл захват в 1967 г. Израилем Восточного Иерусалима. При этом наиболее крупным событием в этом периоде, вызвавшим резкое недовольство всего мусульманского мира, стал поджог третьей мусульманской святыни — знаменитой мечети Аль-Акса в августе 1969 г. [3]

При подписании любых соглашений, будь то палестино-израильские соглашения в Осло 1992 г. или Кэмп-дэвидские соглашения 2000 г., вопрос о статусе Иерусалима всегда являлся ключевым и одновременно наиболее спорным. Нежелание израильтян следовать практически всем резолюциям ООН о передаче палестинцам Восточной части Иерусалима — как столицы палестинского государства — вызывает серьезное недовольство со стороны арабских государств, учитывая значение этого города в мусульманском мире, и провоцирует террористическую деятельность различных исламских экстремистских организаций на территории Израиля. Свое нежелание израильские власти объясняют следующими причинами:

- принципом неделимости столицы еврейского государства (в Иерусалиме находятся резиденция президента, кнессет (парламент), правительственные учреждения и т.д.);

- опасением (небеспокойным) того, что со временем Восточная часть Иерусалима превратится в центр террористической деятельности палестинских экстремистских организаций типа ХАМАС и «Исламский джихад»;

- кроме того, именно на территории Восточной части города сосредоточены религии трех религий, в том числе и иудаизма.

Кроме того, для усиления и обоснования собственных претензий на Восточную часть Иерусалима израильтяне вот уже несколько лет активно застраивают эту часть города еврейскими кварталами, что, естественно, вызывает самую негативную реакцию со стороны исламских стран не только региона, но и практически всего мира.

Примерно такая же ситуация складывается и в отношении проблемы границ. В настоящее время резолюция ООН 181/II от 29 ноября 1947 г. о разделе практически на две равные части Палестины — еврейскую и арабскую — не рассматривается израильтянами в качестве возможного. Максимально возможная уступка со стороны последних — это отход Израиля к границам 1967 г., реализации которой имеет больше противников, чем сто-

ронников среди израильтян. В числе противников — и нынешнее руководство Израиля во главе с А. Шароном.

В этих условиях обе стороны продолжают обвинять друг друга и не желают сотрудничать без предварительных уступок со стороны противника. Каждая из сторон считает, что в случае вражеской атаки необходимо немедленно отвечать адекватным военным ударом. Причем считается, что если на теракт не последует немедленного ответа, то это будет воспринято врагом как проявление слабости и повлечет за собой повторные атаки.

Необходимо учитывать, что как в Палестине, так и в Израиле существуют влиятельные силы, открыто или завуалировано отвергающие любые переговоры и отрицающие признание права на существование противника. Каждый раз, когда предпринимаются реальные попытки начать мирные переговоры, радикальные организации с обеих сторон пытаются заморозить процесс урегулирования посредством серии терактов и убийств (палестинцы) и саботажем исполнения ранее принятых договоренностей (израильтяне). И практически каждый раз им это удается.

В целом мнения независимых экспертов по Ближнему Востоку сходятся относительно того, что в возникновении каждой очередной кризисной ситуации виновны обе стороны, как израильская, так и палестинская. Поэтому практически всегда невозможно выделить наиболее «виновных» участников конфликта, как это зачастую преподносится рядом экспертов, политиков и прочих заинтересованных сторон. Любое обострение ситуации обусловлено целым комплексом внутренне взаимосвязанных между собой проблем, рассмотрение которых в отдельности, в отрыве от контекста, ведет к искажению ситуации. В этой связи необходимо попытаться рассмотреть и проанализировать основные причины, приведшие к сегодняшней кризисной ситуации как со стороны израильской, так и палестинской.

Анализируя факторы сохранения арабо-израильского конфликта, необходимо учитывать не только арабский или исламский экстремизм, но и еврейский экстремизм. Немаловажную долю в развитии исламского экстремизма в XX веке (или точнее говоря арабского экстремизма с исламскими лозунгами, но который постепенно успешно трансформировался и принял глобальные масштабы) привнес в начале развития арабо-из-

раильского конфликта собственно еврейский экстремизм, о котором мало говорится под давлением трагических последствий второй мировой войны для еврейского народа, но при этом это совершенно не означает, что его не может быть в природе. Здесь следует отметить одно очень важное обстоятельство. С вооруженным терроризмом в его нынешнем виде познакомили Палестину в 30–40-е гг. тоже евреи: их боевые отряды «Пальмах», «Иргун цвей леуми», «Штерн» не только боролись с английскими колонизаторами, но и «расчищали» землю от местных арабов под будущее еврейское государство [4]. С момента провозглашения реализации плана ООН раздела Палестины и создания государства Израиль, со стороны еврейских экстремистских организаций была развернута массовая кампания против арабского населения.

Настоящая оккупация израильской армией палестинских территорий и есть, на наш взгляд, продукт лоббирования силового подхода решения конфликта в Израиле. Израильский премьер-министр Ариэль Шарон постоянно обвиняет палестинцев в организации терактов, но умалчивает при этом, что сам проводит политику радикализма, которая по своему характеру практически ничем не отличается от палестинского. Выражается данная политика радикализма не только в проведении военных акций на территории ПА, но и в продолжении строительства еврейских поселений на оккупируемых территориях, в том числе и районе Восточной части Иерусалима (святой для всех мусульман мира земле), провокационных антиарабских выступлений, дискриминации арабского населения Израиля и т.д.

Действия Израиля, направленные на разрушение режима Арафата в условиях отсутствия реальной и приемлемой альтернативы, крайне деструктивны. Поэтому вполне очевидно, что сегодняшние действия Израиля — это не решение проблемы, а как раз наоборот — ее усложнение. Согласно оценкам западных спецслужб, потенциальными бомбистами-камикадзе среди палестинцев так или иначе могут считаться до нескольких десятков тысяч человек. Значительная часть этих людей постоянно находится в Израиле или может в любое время проникнуть на его территорию. Очевидно, при таких обстоятельствах силовой метод решения проблемы не только неэффективен, но и опасен по своим последствиям. Данный факт находит понимание и в определенных кругах в самом

Израиле. В Израиле все чаще можно услышать мнение, что нельзя ставить перед Ясиром Арафатом условия, которые он просто не в состоянии выполнить. Такова сейчас позиция многих левых, в том числе и их фактического лидера Шимона Переса. Израильские правые, напротив, подчеркивают, что невозможно снова создавать для Арафата «теплые условия». По их мнению, «он якобы и до этого не выполнял многие условия Норвежских соглашений, в том числе не проводил арестов, не изымал оружие».

В целом правительство А.Шарона, достигнув решения задачи-минимум (разрушения политической инфраструктуры ПА, значительного ослабления противника, его психологической деморализации, создания буферной зоны), готово в настоящее время к возобновлению мирных переговоров с палестинцами. Однако все говорит о том, что израильские условия, возможно, будут намного жестче, чем до начала военной операции. Подтверждением тому служат слова А.Шарона о необходимости замены нынешнего руководства Палестины (Арафата) на новое, более «конструктивное», высказанные в ходе нынешнего визита в США 6 мая с.г.

Такова в целом израильская составляющая современного арабо-израильского конфликта.

Гораздо более сложной и запутанной, учитывая аморфность политической инфраструктуры и незавершенность процесса ее формирования, выглядит ситуация в самой Палестине.

Главнейшим фактором, по мнению экспертов, в контексте палестинской составляющей конфликта, является политическая дефрагментация общества ПА. Представление о целостности, политическом единстве палестинского общества является в реальности не более чем мифом. В действительности разобщенность палестинского общества, в контексте видения построения палестинского государства, отношения к Израилю, является постоянной, ведущей детерминантой сохранения арабо-израильского конфликта.

В целом участников политического процесса в ПА можно так же, как и в Израиле, поделить на два условных лагеря:

1) сторонники восстановления процесса мирного урегулирования конфликта, формирования государства Палестина в рамках установленных международными договорами

условий, установления приемлемых отношений с Израилем, сосредоточенные в основном во властных административных структурах ПА, Ясир Арафат – как лидер и символ этих сил;

2) непримиримые противники любых переговоров с Израилем, сторонники продолжения борьбы вплоть до полного уничтожения Израиля, сосредоточенные в ряде экстремистских организаций ПА (ХАМАС, «Хезболла», «Мученики Аль-Аксы», «Исламский джихад» и т.д.).

Каждый из двух вышеупомянутых лагерей также достаточно разнороден, отличается различным потенциалом воздействия и степенью поддержки населения. Основным вопросом в диалоге двух лагерей является, естественно, «израильская» проблематика. При этом чем более возрастает степень напряженности между ПА и Израилем, тем более усиливается и само внутripалестинское противостояние, и чем более становятся агрессивнее действия израильской стороны, тем больше возрастает степень поддержки среди населения ПА сторонников радикальных исламских организаций.

В настоящее время, «благодаря» агрессивной и бескомпромиссной политике правительства А.Шарона, произошла резкая радикализация палестинского общества, что в конечном итоге привело к существенному изменению в раскладе политических сил в ПА. Роль лидера ПА Ясира Арафата, еще несколько лет назад обладавшего полновесной властью, сегодня сведена до минимума, в то время как влияние и поддержка со стороны населения ПА экстремистских организаций возросла практически до абсолютных величин. Как свидетельствуют данные статистических опросов, действия ХАМАСа сегодня значительно популярнее среди палестинцев, чем официальная политика Арафата. Так, если в сентябре 2000 г. ХАМАС поддерживало 23% палестинцев, то в октябре 2001 г. – уже 31%, число же сторонников ФАТХа (организация подконтрольная Арафату) уменьшилось за этот же период с 33% до 20%.

Таким образом, совершенно очевидно, что сегодня Арафат больше не обладает реальной полноценной и независимой властью и может гарантировать полное прекращение огня только с разрешения радикальных исламистов, которые вряд ли на это пойдут, учитывая их программные установки – продолжение борьбы вплоть до полного уничтожения Израиля.

Такие условия и задачи ставят перед собой не только ХАМАС и «Хезболла», но и ряд других влиятельных и многочисленных экстремистских исламских организаций, таких, как «Мученики Аль-Аксы», «Исламский джихад» и т.д.

В итоге можно утверждать, что наиболее влиятельные радикальные исламские организации являются реальными политическими игроками на политической сцене ПА. В совокупности, учитывая их «электоральный» потенциал, степень сотрудничества, они (ХАМАС, «Хезболла», «Мученики Аль-Аксы», «Исламский джихад» и т.д.) являются сегодня важнейшим фактором политического процесса на территории Палестинской автономии и действия этих организаций являются результатом общенационального палестинского консенсуса. И такой консенсус исключает любую возможность прекращения огня и, естественно, ареста членов террористических организаций.

В этой связи необходимо отметить некорректность высказываний израильской стороны о нежелании эффективно противодействовать радикальным исламским организациям и остановить Интифаду со стороны лидера ООП Ясира Арафата. В действительности Ясир Арафат также заинтересован в прекращении Интифады, как и израильтяне. Однако лидеру Палестинской автономии сейчас приходится балансировать между требованиями международного сообщества, Израиля, в частности об аресте боевиков военизированных организаций, и собственного населения, многие из которых считают, что их лидер не должен поддаваться такому давлению. Поэтому Ясир Арафат стремится преподнести палестинский экстремизм как логичный ответ на израильскую «агрессию».

Фактически у Арафата осталось только два выхода – либо сотрудничество с Израилем и активизация борьбы с исламскими экстремистами, либо открытая поддержка самих экстремистов. Любое из этих решений может вызвать самые негативные последствия как для него самого, так и для сохранения стабильности в регионе в целом.

В сложившейся обстановке Арафат, вынужденный лавировать между Израилем, выдвигающим жесткие требования, палестинцами и арабским миром, призывающими ужесточить борьбу за национальное освобождение, обречен на заведомо проигрышную игру. В условиях Интифады все его действия вели к полумерам, раздражавшим и

Израиль, и палестинцев. Так, Арафат был вынужден осуществлять аресты лиц, связанных с террористическими организациями, что не только не прибавляло ему популярности среди собственного электората, но и выглядело в глазах его наиболее радикально настроенных сограждан как национальное предательство. Пытаясь балансировать, Арафат отдавал приказы об арестах второстепенных лиц, что, естественно, не устраивало израильские власти, требующие гораздо более решительных и недвусмысленных мер. Известны случаи, когда палестинская полиция арестовывала некоторых людей, включенных Израилем в черные списки, а затем выпускала их на свободу. Данные обстоятельства, когда, с одной стороны, существует жесткая необходимость противодействия терроризму и одновременно налицо отсутствие реального политического партнера со стороны палестинцев в решении этого вопроса, и подвигли в конечном итоге Израиль на сегодняшние решительные меры в отношении палестинцев и изоляцию Ясира Арафата, в частности.

Все более напряженные отношения с израильскими властями сопровождалась для Арафата сужением круга его сторонников и в палестинском руководстве, и в его собственной организации «Фатх», где сейчас все большую роль играют сторонники силового решения «израильского» вопроса (в их числе и главный оппонент Арафата, обладающий репутацией одного из немногих палестинцев, который открыто может противостоять своему лидеру, недавно арестованный Марван Баргути), готовые бороться с Израилем до конца. У Арафата сегодня катастрофически сузилось поле для политического маневра, что усилило давление с целью его отставки как со стороны части палестинцев, так и со стороны израильтян. Добровольная отставка Арафата, судя по всему, устроила бы и тех, и других. Шарон и члены его кабинета, к примеру, неоднократно заявляли о том, что больше не признают Арафата как политического лидера и не намерены вести с ним переговоры.

В этой связи принципиально важным является вопрос о преемнике. Сам Арафат, который не исключает вариант своего «ухода», что, в частности, подтверждается его решением о назначении своих пятерых преемников: председателя законодательного собрания Ахмеда Гария, секретаря автономии Махмуда Аббаса, министра информации и культуры Ясира Абда Раббо, шефа службы

безопасности в секторе Газа полковника Мухаммеда Дахлана и министра по делам самоуправления Саеба Эреката. При этом Арафат не включил в «руководящий список» полковника Джебраила Раджуа, возглавляющего службу безопасности на Западном берегу. По определенным данным, лидер ПА обвиняет его в капитуляции и «сдаче Израилю» около 200 сотрудников своей службы и шестерых активистов движения «Хамас». Между тем именно Раджуа многие эксперты до сих пор называли как возможного преемника Арафата. Судя по этой акции, раскол в палестинском руководстве углубляется, чем не могут не пользоваться израильтяне, тем более, что определенные планы в отношении приемника Арафата имеются и у Израиля. Правительство Шарона неоднократно давало понять, что на Западном берегу и в секторе Газа есть люди, на которых можно опереться и которые пользуются популярностью среди населения. Данные высказывания еще раз подтверждают версию о реализации Израилем на палестинских территориях «афганского варианта», предполагающего формирование «нового», более лояльного и зависимого от Израиля палестинского руководства.

Однако уход Арафата с политической сцены, по мнению экспертов, ничего не решает, более того, он способен усугубить и без того непростую ситуацию. Несмотря на критику в его адрес, для палестинцев и арабов он остается признанным лидером палестинского народа, взявшим на себя ответственность за его судьбу. Но если Арафат будет вынужден все-таки «уйти», то это непременно отразится на развитии ситуации на Ближнем Востоке. Если предположить, что к власти придет новое палестинское руководство, его способность повернуть вспять общую тенденцию к радикализации палестинцев представляется сомнительной. Кроме того, результатом перестановок и появления новых руководителей, которым часть палестинцев, скорее всего, откажет в поддержке и признании, могут стать внутripалестинские столкновения и даже гражданская война. «Афганский сценарий» в ближневосточном контексте способен привести не к стабилизации обстановки, а к подмене палестино-израильского противостояния внутripалестинским. При таком варианте развития событий вопрос о создании палестинского государства, естественно, будет отложен на более неопределенное время.

Выводы:

К сожалению, выводы относительно перспектив развития процесса урегулирования конфликта достаточно пессимистичны. Исторический опыт показывает, что окончательно урегулировать арабо-израильский конфликт используемыми политическими инструментами и существующими подходами принципиально невозможно. Развитие палестино-израильских отношений строится на основе принципа «порочного круга» — многократной повторяемости. Очередное обострение отношений, как правило, начинается с теракта какой-нибудь из палестинских группировок. В ответ следует акция возмездия со стороны Израиля, который в свою очередь становится объектом для критики со стороны США, европейских государств и России. Поэтому при существующих стратегиях урегулирования конфликта реально можно только снизить уровень конфликтности, консервировать его, но не ликвидировать. Настоящая ситуация — тому убедительное подтверждение, когда, после практически десяти лет мирного процесса и заключения ряда важнейших резолюций ООН и взаимных соглашений, Ближний Восток вновь «погряз» в очередное вооруженное противостояние. Условия урегулирования, выдвигаемые обеими сторонами, как показывает опыт более 50 лет конфликта, неприемлемы друг для друга. План наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы, предусматривающий нормализацию отношений между арабским миром и Израилем в обмен на полный вывод израильских войск на границы, существовавшие до 1967 г., как показали последние события, также неприемлем сторонами конфликта. Отсюда можно сделать основной вывод относительно перспективы урегулирования палестинского конфликта: в ближайшей перспективе главной, реально выполнимой задачей является максимальное снижение конфликтного уровня в отношениях израильтян и палестинцев. На большее пока рассчитывать не приходится.

В целом никакой другой регион мира не породил столько высокопрофессиональных террористов и террористических организаций, как регион Ближнего Востока. На сегодняшний день невозможно решить проблему международного терроризма без решения, в том числе и палестино-израильского конфликта, на основе резолюций ООН и создания государства Палестина со столицей в Иерусалиме.

Конечно, надо отметить, что самоурегулирование ближневосточной проблемы, даже в самой оптимальной для арабских государств, для палестинцев в частности, не сможет в корне нейтрализовать проблему исламского экстремизма в странах региона. Здесь надо учитывать весьма важное обстоятельство — окончательной целью практически всех исламских экстремистских группировок в зоне конфликта является полное уничтожение государства Израиль. В этом смысле, на наш взгляд, существуют достаточно пессимистичные взгляды относительно появления какой-либо универсальной формулы, «панацеи» урегулирования арабо-израильского конфликта и установления здесь мира и стабильности. На наш взгляд, для исламских экстремистов, влияние и популярность которых сегодня у населения региона Ближнего Востока достигла своего пика, важно не столько построение национального палестинского государства (в классическом, европейском понимании), сколько они озабочены идеей построения на дан-

ной территории исламского государства Халифата, возле которого нет места «несправедливому» еврейскому государству.

Вместе с тем разрешение данного конфликта даст возможность существенно снизить проблему исламского экстремизма в мире, международного терроризма в целом, а также и будет способствовать установлению качественно нового межрелигиозного, цивилизационного диалога. Необходимо решать проблему Иерусалима, проблеме беженцев, помочь Арафату или же другому легитимно избранному лидеру ПА в решении накопившихся проблем внутри автономии. Конечно, никак нельзя оправдать жестокие, бесчеловечные теракты, совершаемые сегодня в Израиле против мирных граждан чуть ли не ежедневно палестинскими террористами. Но всегда стоит помнить, что любой теракт — это, прежде всего, ответ в крайне неадекватной форме на имеющиеся проблемы. Надо убрать почву для радикалов, и тогда перспективы стабилизации ситуации в регионе станут более реальными, чем сегодня.

Литература

1. Добаев И. Радикальные политические институты исламского мира: этапы эскалации насилия. Центральная Азия и Кавказ, 2001. — №6(18). — С. 24.
2. Кожушко Е. Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск, 2000. — С. 265.
3. Молдалиев О. Исламский экстремизм в Центральной Азии. Центральная Азия и Кавказ, 2000. — №5(11). — С. 39.
4. Тураджев В., Миронов Л. Полвека на пороховой бочке. Азия и Африка, 1998. — №5. — С. 7

МОНИТОРИНГ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Курганская В.Д.

1. Диалог и соблюдение законности — принцип демократической политики в сфере религиозных отношений. В последнее время проходит множество конференций различного уровня, посвященных анализу религиозной ситуации в Центральноазиатском регионе. Например, в период с конца 2000 г. и в первом полугодии 2001 г. в Казахстане, согласно официальным данным, было проведено 7 международных конференций по вопросам религии, в том числе ислама. Не меньше конференций проведено и в последующий период. Их участники еще на первых научных форумах пришли к выводам, что радикальный ислам — это ответ на процессы глобализации, модернизации, что со-

циальная база религиозного радикализма в виде нищеты и бесправия народов остается, а истинный ислам не имеет никакого отношения к экстремизму. Между тем, считает ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН Л.Сюкиянен, те исламские лидеры, которые утверждают, что ислам не имеет никакого отношения к терроризму, выдают желаемое за действительное: такая связь — в идеологическом обосновании терроризма и экстремизма [1]. По его мнению, с которым есть все основания согласиться, в исламском идейном наследии можно обнаружить прямо противоположные течения: одни служат оправданием экстремизма и терроризма под исламскими знамена-

ми, а другие делают ставку на умеренность, осторожность в реализации основных целей шариата. Такая классификация позволяет более четко поставить вопрос: является ли политизация ислама вплоть до экстремизма закономерной тенденцией в его развитии — и тогда с ней бороться бессмысленно, или радикализация ислама только один из вариантов его трансформации. «Будущее покажет, — пишет Л.Сюкияйнен, — сумеет ли гуманный ислам перехватить инициативу» [2].

События 11 сентября 2001 г. еще раз показали, что экстремистское направление в исламе достаточно хорошо материально и организационно подготовлено, чтобы заставить цивилизованный мир, наконец, задуматься о значении ислама в его судьбе. Радикальный ислам в Центральной Азии настолько расширил зоны своего влияния, что правительства центральноазиатских государств были вынуждены поставить вопрос о своей национальной безопасности на повестку дня.

В Казахстане был подготовлен законопроект о внесении изменений в Закон о свободе вероисповеданий. Однако обсуждение Проекта Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам свободы вероисповедания и деятельности религиозных организаций» показало, что в нем содержится ряд положений, не соответствующих демократическим нормам.

Как известно, в январе 2002 г. в Парламенте РК состоялись слушания по принятию поправок в этот Законопроект. В результате слушаний Мажилис одобрил некоторые поправки, которые не прошли Конституционный Совет. Совет предложил соответствующим государственным учреждениям разработать комплекс мер:

- для Правительства РК — по определению порядка осуществления миссионерской деятельности иностранцев и лиц без гражданства на территории государства, и особенно учетной регистрации;

- Министерству культуры, информации и общественного согласия и Министерству иностранных дел — по установлению контактов с центральными органами управления конфессиями;

- МОН — по недопущению богослужения, религиозных обрядов и церемоний в организациях образования;

- Министерству юстиции — по повышению требований к содержанию предоставляемых на регистрацию документов религиоз-

ных объединений. При регистрации исламских религиозных организаций предлагается привлекать при необходимости для религиозно-экспертной экспертизы Духовное управление мусульман Казахстана;

- местным органам власти — по осуществлению надлежащего контроля над процессом строительства культовых мусульманских зданий и сооружений.

Эти предложения Конституционного Совета по разработке комплекса мер заслуживают только поддержки.

Между тем ситуация в конфессиональной сфере в странах Центральной Азии остается достаточно сложной. Еще два года назад известный казахстанский теолог Али Ходжа (Олег Рубец) предупреждал, что ваххабизм в Казахстане уже «проворонили». По словам Б.Ошакбаева, зам. начальника ДКНБ г. Алматы, в южной столице недавно выявлены религиозно-экстремистские организации, занимающиеся противоправной деятельностью (в числе их была названа и организация «Хизб-ут-Тахрир»). Российский ученый А.Малашенко на международной научно-практической конференции «Глобализация и диалог конфессий в странах Центральной Азии» (г. Алматы, 21 июня 2001 г.) утверждал, что ситуация в Центральной Азии далека от стабильной, поскольку «Бен Ладенов» много, и они популярны. Он также высказал важную мысль о том, что жизненно необходим диалог с теми, с кем его трудно вести. Пока же приходится констатировать, что диалог идет внутри ученого мира и между конфессиями, которые уже доказали свою миролюбивую сущность. Тем временем радикальные учения находят все больше приверженцев, особенно среди молодых людей.

В условиях радикальных преобразований 90-х годов произошли глубокие изменения в экономическом базисе общества и, соответственно, в его надстройке. Экономические реформы сопровождаются процессами усиления социальной дифференциации, углубления неравенства между различными классами и слоями.

Отсутствие философии и идеологии обновления, твердых и ясных критериев социального поведения и общения породило атмосферу духовного вакуума, вызывая у части молодежи безразличие к общественной жизни, массовую социальную апатию, девиантное поведение. Идеология вседозволенности и двойной морали проникает в саму структуру власти, правоохранительные ор-

ганы, которые по долгу службы обязаны следить за соблюдением законности и правопорядка. В связи с провозглашенным государством курсом на борьбу с коррупцией продолжают выявляться все новые факты нарушения законов со стороны органов власти всех уровней.

Молодые люди по-разному реагируют на происходящие перемены. Определенная часть молодежи вписывается в экономические реалии. Однако место таких трудовых ценностей, как достижение высокого профессионализма, честности, ответственности заменяется материальными стимулами. Высокая зарплата прочно утвердилась на первом месте в мотивах труда. 30% респондентов из числа студентов отрицают возможность достичь высокого положения в обществе благодаря добросовестному труду. Труд только для 22% из них является главным путем к успеху [3]. И такие перемены вполне объяснимы, потому что материальное положение молодежи не зависит теперь ни от результатов труда, ни от уровня образования и квалификации.

Кроме того, далеко не каждый молодой человек попадает в престижные экономические структуры. Не имея исходного капитала и доступа к распределению ресурсов, подавляющее большинство молодых людей оказывается в наименее выгодных условиях при перераспределении собственности. Они пополняют армию «челночников», охранников, телохранителей, где теряют, если имели, полученную квалификацию и профессионализм. Развлекательный бизнес, куда так же уходит молодежь, в значительной степени криминализован.

Роль молодежи как социального ресурса подтачивается расширением процесса десоциализации и маргинализации определенной ее части, увеличением количества молодых людей, ведущих асоциальный и аморальный образ жизни. Алкоголизм, наркотизация стали неотъемлемой частью их образа жизни. На состояние девиации среди молодых людей огромное влияние оказывает безработица, ставшая под угрозу стабильность казахстанского общества. Попадая в такую благоприятную для них среду, экстремистские идеи с помощью опытных наставников дают быстрые всходы, а не получившая религиозных знаний молодежь остается один на один с подкованным идеологически и материально серьезнейшим оппонентом. «Мы долго не могли понять эту опасность, счита-

ли, что эти страхи надуманы. Между тем в экстремистских сектах молодежь пропитывается нетерпимостью, дети готовы отречься от родителей», — сказал Али Ходжа в интервью, данном сотруднику Центра гуманитарных исследований.

Действительно, благодатной почвой для распространения религиозного радикализма и экстремизма является незнание людьми нравственных и социальных идей, содержащихся в учениях основателей мировых религий и церковных догматах. Поэтому пропагандисты экстремистских направлений могут достаточно легко выдавать себя за защитников подлинного вероучения.

Именно сегодня возникла особенно острая необходимость в действенной системе религиозного просвещения населения. В этих целях необходимо разработать и ввести в учебные программы общеобразовательных школ, гимназий, лицеев, вузов и других учебных заведений обязательные курсы религиозоведения, истории религии, истории религиозного искусства, христианской и исламской философии, традиционных религиозных верований народов Казахстана и т.д. Однако это сделано лишь в отдельных учебных заведениях.

Эффективными средствами просветительской работы могут стать циклы радио и телепередач, поскольку СМИ (наряду с образованием) является самым действенным каналом воздействия на мировоззрение людей. Однако наша пресса организует их крайне редко, хотя речь идет не о религиозной или антирелигиозной пропаганде, которая бы нарушала права верующих или оскорбляла их чувства, или внедрении новой формы атеизма, а о получении знаний в области религиозной духовной культуры.

2. Духовная жизнь казахстанского общества: некоторые особенности

Что же касается религиозной жизни современного казахстанского общества, то мы можем констатировать укрепление позиций религии за годы независимости. Количество верующих за десять лет значительно возросло, хотя вряд ли серьезно можно говорить, например, о 10 миллионах мусульман в Казахстане, составляющих 70% всего населения страны [4]. Элементарные расчеты, основанные на наблюдениях последних лет, показывают, что мусульман в стране около 5 млн человек (или примерно 45% от числа взрослого населения страны), то есть меньше в 2 раза, поскольку традиционно относя-

щихся к мусульманскому вероисповеданию представителей различных этносов насчитывается около 9 млн человек в стране вообще (при условии, что в число сознательно верующих мы не включаем несовершеннолетних). К немусульманским деноминациям относится около 3 млн человек (без несовершеннолетних) или около 26% взрослого населения страны. Точное же количество верующих никто назвать не сможет.

Тем не менее мы вынуждены констатировать, что все же религиозная идентичность населения возрастает более быстрыми темпами по сравнению, например, с гражданской, происходит расширение сфер влияния традиционных религиозных институтов, их социальных функций, укрепляется финансовая и материальная базы религиозного образования.

Аналитики считают, что религиозный экстремизм Казахстану не грозит, так как: 1) радикальные религиозные лозунги не находят широкой поддержки среди местного населения; 2) традиционный ислам среди казахов не имеет корней и является, скорее, ритуальной практикой, чем мировоззренческим убеждением; 3) исламский экстремизм несет в себе не религиозный, а социальный протест; 4) исламский радикализм – форма политической борьбы между группировками, цель которых – захват власти. Часть экспертов склонна считать, что домыслами об угрозе исламского экстремизма правительство демагогически обосновывает борьбу с инакомыслием. Однако, на наш взгляд, следует прислушаться к мнению известного американского специалиста по Центральной Азии М.Олкотт, которая считает, что по мере того, как будут нарастать различия в образовательном и экономическом уровне молодых казахов, различия между роскошью и привилегиями одних и теми, кто лишен надежды поднять свой социальный статус, ислам еще скажет свое слово в Казахстане [5].

Построение халифата является одним из лозунгов многих религиозных оппозиционных движений, ставящих политической целью достижение социальной справедливости. В Казахстане, пользуясь предоставленной законом свободой вероисповеданий, большую пропагандистскую работу проводят ваххабиты. Свободно распространяются вах-

хабитские видеоматериалы, литература, особенно в учебных заведениях, проводится обучение (под видом изучения арабского языка) «истинному» исламу. При проведении агитационной работы, направленной на активное вовлечение в свои ряды новых верующих, ваххабиты описывают преимущества веры в Аллаха, не скрывают своей готовности отдать жизнь, если того потребует вера. Официальное духовенство обвиняется им в незнании Корана, отходе от шариата. Элемент истины в их рассуждениях присутствует, поэтому Духовное управление мусульман Казахстана активно взялось за обучение имамов. Как заявила известная специалистка по исламу Ш.Акингер (Великобритания), в Казахстане мало кто действительно знает Коран и, соответственно, шариат, который составляет его стержень [6].

3. Итоги мониторинга религиозной ситуации за шесть лет

Мы провели сравнительный анализ данных социологического опроса по исследованию религиозной ситуации в РК, которые были получены в 1998, 2000 и 2002 гг.* (см. Приложение). Опросы проводились с участием негосударственных и государственных организаций: в 1998 г. исследование было проведено независимым агентством «Бриф», в 2000 г. – НПО «Центр гуманитарных исследований», в 2002 г. – Институтом философии и политологии МОН РК. Во всех опросах докладчик был либо научным консультантом, либо руководителем исследовательского проекта, поэтому имел возможность анализировать первичные данные. В результате проведенного анализа выяснилось следующее:

1. Если в 2000 г. респонденты называли в качестве основных трех причин, приводящих жителей Казахстана к вере в Бога, ухудшение экономического положения, нарушение властями социальной справедливости и отсутствие уверенности в завтрашнем дне, то в 2002 г. хотя причины остались теми же, на первое место вышло нарушение властями социальной справедливости, отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне и уже затем следует ухудшение экономического положения. Как видно, экономические причины переместились на третий план. Свою роль здесь сыграли своевременная выплата зарплат, пенсий, по-

собий и их повышение, которые сказались на материальном положении респондентов и, соответственно, их ответах. Однако люди все более утрачивают доверие к власти, с которой они сталкиваются ежедневно; этому способствует коррупция, нарушение законов самими представителями власти. Этот вывод подтверждает и контрольный вопрос таблицы 6, в котором в качестве возможных причин ухудшения отношений между представителями различных религиозных убеждений были названы в 2000 г. ухудшение материально-экономических условий, нарушение законности управленцев и нарушения социальной справедливости, а в 2002 г. эти факторы местами поменялись – нарушения социальной справедливости вышли на 1 место, нарушение управленцами законности на – 2 и ухудшение материально-экономических условий оказались на 3 месте.

2. Положительные оценки влияния религии на межнациональные отношения населения остаются преобладающими над отрицательными на протяжении шести лет. Респонденты довольно высоко оценивают роль религии в межэтническом согласии в обществе. Однако, если по отношению к христианству положительные оценки колеблются (от высокой до более низкой и снова высокой в 1998, 2000 и 2002 гг.), а по отношению к сектам негативное отношение населения растет однозначно, то количество респондентов, положительно оценивающих влияние ислама на межнациональные отношения, снизилось. Думается, что это связано не в малой степени с активизацией террористической деятельности воинов Ислама, которые дискредитируют его миролюбивый характер.

3. В казахстанском обществе сохраняется высокая толерантность между представителями различных конфессий. На протяжении шести лет ситуация практически не изменилась, и лишь для незначительного количества респондентов не приемлемо жить в обществе с людьми другой религиозной веры. Однако эту толерантность нужно поддерживать и поощрять, потому что число неприемлемых все же возросло с 2,4% в 1998 г. до 2,8% в 2002 г.

4. Остается на протяжении шести лет в основном благоприятным или нейтральным отношение между верующими и властями, которые, судя по результатам исследований, не препятствуют религиозной жизни наших граждан. Если со стороны граждан-респон-

дентов, как указывалось выше, существуют претензии к властям, то со стороны их как верующих таких претензий практически не наблюдается.

5. Уменьшается количество людей, которые отрицают реальную угрозу распространения в Казахстане религиозного фанатизма, а также тех, кто полагает, что особых оснований для беспокойства нет. Растет число людей, которые считают, что угроза распространения религиозного фанатизма в Казахстане вполне вероятна. Отсюда следует, что люди все более осознают опасность такой угрозы. Этот вывод подтверждает и ответ на вопрос о конфликтах на религиозной почве: хотя более половины респондентов не сталкивались с ними (в то время, как в 2000 г. их было более двух третей), но более четверти слышали о них, а менее одной десятой сталкивались с ними непосредственно. Учитывая то, что вырос процент нетерпимых к другим вероисповеданиям, а также то, что конфликты на религиозной почве все же имеют место, ситуация в межконфессиональной области, хотя и может считаться благополучной, но нуждается в постоянном мониторинге с целью ее своевременной коррекции.

6. Большинство граждан Казахстана является приверженцами светского государства. Количество людей, желающих, чтобы религия участвовала в государственном строительстве, уменьшилось, хотя и ненамного, а число приверженцев исламского государства снизилось за последние годы достаточно резко (с 10,7 до 3,0%). На наш взгляд, в немалой степени это опять-таки связано с получившей известность деятельностью экстремистских группировок, антидемократической сущностью движения «Талибан», приведшего исламское государство Афганистан к катастрофе.

Таким образом, мониторинг религиозной ситуации в РК показал, что все сложности переходного периода накладываются на мироощущение верующих. Между тем увеличение отчужденности между властью и народом чревато усилением радикального религиозного фактора, который вполне может быть использован в целях социально деструктивной этнополитической мобилизации. Эффективная социальная политика государства, активная деятельность гуманного ислама, религиозное просвещение населения станут действенной преградой религиозному экстремизму.

* Некоторые социологические данные за 1998 и 2000 гг. представлены в авторской статье «Новые тенденции духовной жизни казахстанского общества» // Центральная Азия и Кавказ, 2002. – №3.

1. Сюкияйнен Л. Ислам против ислама // Центральная Азия и Кавказ, 2002. — №3. — С. 92.
2. Там же. С. 97.
3. См.: Казымбетова Д.К. Девиантное поведение молодежи как объект социологического исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Алматы, 1999. — 21 с.
4. Данные взяты из работ Трофимова А.Ф. и приводятся Сапар Али Б. в кн.: Восток-Запад — один мир. — Алматы, 2002. — С. 409.
5. См.: Лаумулин М. Большое увлечение маленькой женщины // Континент, 2002. — №14(76).
6. Стенограмма международного семинара «Религия, безопасность и стабильность в Центральной Азии», организованного офисом Верховного Комиссара по делам этнических меньшинств ОБСЕ 26 октября 2000 г.

ИСЛАМ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В КАЗАХСТАНЕ

Избауров А.К.

Перемены последнего десятилетия в экономической и социально-политической сферах обусловили серьезные сдвиги в духовной и культурной жизни общества. Вследствие этого возникли сложные, а подчас напряженные отношения между различными сферами и структурами социальной системы государств во всем Центральноазиатском регионе. В данном случае влияние этих факторов на развитие различных религиозных конфессий является одной из важнейших проблем в политической практике государств вышеуказанного региона в плане и ее научного осмысления. Особую актуальность эта проблема приобретает в период социально-политических перемен, когда общество переходит из одного качественного состояния в другое и возникает потребность в создании условий для стабильных межнациональных и межконфессиональных отношений. Для Казахстана самогенерация развития религиозных систем плюс к этому его сильная дифференциация по различным социокультурным аспектам могут иметь непредсказуемые последствия. На современном этапе эта проблема в силу своей неразрешенности поднимает целый спектр первоочередных вопросов, важнейшими из которых являются неопределенность статуса, сферы и границы влияния религии на социально-политическую жизнь и определение контуров ее дальнейшего развития.

Единство и вместе с тем многообразие ислама как социокультурной традиции ставит первоочередной проблемой определение этнокультурного статуса религии, единой

системы и стратегии развития религиозных систем. В данном случае особенно большую тревогу вызывают многие утвердившиеся в научной сфере псевдомнения, такие, как «собственный выбор цивилизационного пути», «просуфийская практика в быту казахов» и т.д., которые при глубоком и детальном анализе не выдерживают научно-теоретической критики.

В контексте вышеуказанных проблем первоочередной задачей выдвигается проведение анализа региональных и этнических особенностей процесса мусульманского возрождения в Казахстане как геополитического фрагмента в Центральной Азии. Одна из особенностей ислама, характерная на региональном и этническом уровнях, как известно, связана с влиянием локальных этнокультурных центров, выступающих в системе как элемент «целостности» местной культурной идентичности. Само это обстоятельство на современном этапе предусматривает неразделимость этнического и конфессионального начал в многоконфессиональном и полиэтническом регионе, что таит в себе глубокий конфликтогенный потенциал.

Казахстан, как известно из страниц истории прошлого, во все времена являлся как бы религиозной «провинцией» в силу удаленности от центра традиционного распространения ислама. Таков он и сейчас. На современном этапе создание ДУМК позволило иметь свое «управление», но духовные центры ислама по-прежнему расположены за границей. Поэтому сама эта ситуация предполагает прежде всего проведение ана-

лиза традиционных региональных центров на внутривосточную обстановку в Казахстане. Например, традиционные исламские центры Узбекистана, наверное, в ближайшем будущем поведут дело к тому, чтобы усилить свое идеологическое влияние на юге региона. Такую тенденцию развития можно увидеть на примере Ходжентской области в Таджикистане и на юге Кыргызстана. Ситуация в этих республиках сложилась так, что эти регионы, качественно отличающиеся от центра, больше тяготеют к традиционным центрам Узбекистана. При этом общая политическая ситуация в самом Кыргызстане характеризуется своей непредсказуемостью и в этом случае спрогнозировать основные тенденции и общую ситуацию очень сложно, преимущественно этот фактор выявляется при анализе особенностей распространения панисламистского течения «Хизб-ут-Тахрир». В этом моменте одной из важных проблем является исследование как исторического прошлого, так и современных особенностей ордена Накшбандия, официально декларируемого государством в качестве духовного наследия народа.

Анализ региональных особенностей ислама исторически связан с особенностями процесса распространения ислама в Казахстане (традиционное, просуфийское, реформистское крыло учения). Так, изучая прошлое истории Казахстана, можно выявить противостояние между кадамитами и джадидистами в конце XIX — в начале XX вв.

На современном этапе эта специфика ислама в немного видоизмененной форме сохранила свою противоречивость, которую можно проследить на юге Казахстана. Так, например, новый муфтий Абсатар-кажи Дербисалиев в этом регионе особой поддержкой среди населения не пользуется. Данное положение можно обусловить историческими корнями этого процесса, а именно противостоянием северного реформистского ислама и южного традиционного с элементами влияния просуфийских традиций.

В историческом ракурсе в результате постепенного вхождения территории Казахстана в систему мусульманского мира выделилось два основных культурных центра воздействия, которые можно сопоставить по хронологии:

1. XV–XVIII вв. — образование Кокандского и Хивинского ханств привели к сосредоточению центральноазиатских мусульман-

ских культурных традиций, где проникновение ислама в среду кочевников шло с их территории по линии миссионерской деятельности суфийских шейхов.

2. С середины XIX в. — выделился еще один центр мусульманского влияния, сосредоточением которого были города Казань и Уфа, отразившие в своей основе специфику и особенности ислама в этом регионе.

В то же время оба центра исламского влияния по характеру функционирования в корне отличались друг от друга в следующих моментах:

- 1) ролью политического слоя духовенства в общественно-политических процессах;
- 2) различием критериев процесса обучения;
- 3) степенью влияния суфийского фактора;
- 4) традиционным или реформистским характером учения.

В исследовании ислама в Казахстане следует учитывать региональные особенности ислама, выделяя в ней отдельные зоны:

- 1) Южный Казахстан;
- 2) Северо-Восточный Казахстан;
- 3) Западный Казахстан.

При этом нужно учитывать то, что анализ основных тенденций и специфики ислама в Казахстане требуют к себе дифференцированного подхода. Данный метод особенно важен в определении категорий влияния на специфику ислама учений суфийской школы и литературы и учений официальных общепринятых канонов ислама, обусловленных влиянием различных школ (мазхабов), в основном ханафитской и шафийтской религиозно-юридических школ.

Сама специфическая особенность ислама в Казахстане требует выделить три уровня изучения:

а) регионально-исторический, связанный с особенностями распространения ислама в Казахстане (Южный, Северо-Восточный и Западный регионы);

б) регионально-этнокультурный, связанный с географическим расселением этнических групп на территории Казахстана;

в) регионально-внешний фактор, связанный с влиянием региональных исламских центров на внутривосточную обстановку в Республике (Ферганская долина, север Узбекистана, СУАР, Татарстан, Кавказ).

Вторым немаловажным фактором является присутствие в регионе внешних интересов, которые реализуются на двух уровнях: первое — на уровне системного влия-

ния, например, турецкие лица и университеты осуществляют влияние на систему образования, при этом сама образовательная система осуществляется в неразрывной связи с воспитанием через религиозную систему и обладает специфическими особенностями в системе, а также общей идентичностью тюркскому началу. Второе влияние — на уровне обыденного сознания, проводится через различные социальные группы (различные религиозные течения и движения), которые в своей основе ориентированы на внешнюю среду, на внешние этнокультурные ценности. Этот фактор в системе национальной безопасности имеет дестабилизирующий характер. Например, исламский и этнический факторы в афганском конфликте не могут считаться самостоятельными движущими силами, а, скорее, являются лишь средствами политической борьбы, которая определяется корпоративными интересами отдельных группировок со значительным элементом внешнего вмешательства. В этой ситуации вполне закономерным становится тот факт, что одним из отрицательных моментов во внутренних социально-политических процессах в системе национальной безопасности является присутствие внешних интересов с доминированием в системе иных культурных установок и ценностей, что ведет к дальнейшей поляризации и бесконтрольности общества.

Основными императивами внешнеполитической деятельности Турции являются три направления: первое — укрепление трансатлантических коопераций, связей с США и НАТО; второе — интеграция в Европейский Совет; третье — развитие отношений со странами Центральноазиатского региона и Кавказа. На первый взгляд казавшиеся неопределенными внешнеполитические параметры могут быть взаимосвязанными, т.е., например, быть проводником интересов внешних сил в исторически сложившемся этнокультурном регионе с использованием различных рычагов и т.д. Вследствие этого нам нужно особо учитывать присутствие элемента суфийского фактора в турецком обществе, будучи интегрированным в систему ханифитского мазхаба, являющегося в обществе дезинтеграционным фактором. В этом случае проблема влияния различных тарикатов, группировок на политическую ситуацию в Казахстане может иметь этноконфессиональный и трайбалистский (кланово-племенной) характер. Такая тен-

денция (разделение по региональным, национальным интересам) может привести к тому, что представители отдельных этнических групп могут создавать самостоятельные религиозные объединения. Например, в Казахстане действуют направления и секты просуфийского толка, такие, как «Нурчилар», секта последователей Фейтуллах Гюлена, Сулейменчилар и т.д.

В ходе анализа ситуации, сложившейся в современной Турции, нужно обратить внимание на три сильные одинаковые тенденции, порожденные тремя стадиями развития: османской, ранней республиканской и послевоенной. И при этом все эти стадии, с их полностью противоположной оценкой роли ислама в обществе, присутствуют в сегодняшней Турции одновременно. Также сильным элементом дезинтеграции общества является суфийский фактор. Так, суммарный электорат суфийских орденов в Турции насчитывает, по оценке Ф.Бадерхана, не менее 5 млн человек.

В такой же противоречивой позиции представляется присутствие и других исламских стран в Казахстане. Например, консерватизм ханбалитского мазхаба, который официально декларируется как религиозно-юридическая система в КСА, на практике входит в определенные противоречия с ханафитской системой. При этом сама ханафитская система также характеризуется неопределенностью своих позиций. Например, через Пакистан наблюдается проникновение суннитско-ханафитской пуританской школы Деобанди, практикуемой в «Таблиги джамаат», «Джамаат-улема-ислам», по сути, являющихся ортодоксальными системами, тогда как среднеазиатская ханафитская система является более лояльной системой с элементами влияния суфийских традиций, особенно ордена Накшбандия. Поэтому, наверное, официальная Ташкент взял на вооружение именно этот фактор. Здесь также будет интересно заметить, что в широком диапазоне арабское влияние на востоке осуществляется в основном через Пакистан во внутренние районы Азии.

В индо-мусульманский ареал, к которому принадлежит и Пакистан, а отчасти и Афганистан, обнаруживаются, естественно, и которые отличительные специфические черты в системе, например, противостояние между школами улемов-деобанди и улемов-барелви. Такие противоречия и особенности наблюдаются и в тюркско-мусульманском регионе. В свою очередь эти особенности

не нарушая главных закономерностей, придают мусульманскому радикализму в регионе конкретные специфические формы. Например, ханифитская система, функционирующая в Центральноазиатском регионе, в отличие от ханифитской системы в Индо-пакистанском регионе, является более лояльной и гибкой системой. В целом регион Центральной Азии представляет собой клубок неразрешенных проблем, ситуация еще больше усугубляется тем, что на современном этапе еще не до конца изученным остается сам терминологический научно-понятийный аппарат, мало ведутся научно-методологические разработки данных проблем.

В целом данная проблема усугубляется тем, что присутствие внешних интересов в регионе ведет к расхождению их позиций на мировоззренческом и этнокультурном уровнях, например, противостояние между различными течениями и направлениями: пакистанское течение «Таблиги-джамагат» соперничает с суфийским течением последователей Сматулы, практикующим громкий зикр и в принципе стоящим очень близко к ордену Кадария, также турецкие течения «Нурчилар» и «Сулейменчилар» ведут соперничество между собой и т.д.

Третьим фактором, влияющим на социально-политические процессы в регионе, является общая международная обстановка. Особенностью данного фактора является то, что основные вопросы уже решаются в рамках системы международных отношений и геополитического расположения государства. В этих условиях первоочередной задачей выдвигается выявление и нейтрализация негативных факторов воздействия внешней среды на республику.

На современном этапе идет трансформация религиозных представлений и положений. С одной стороны, наблюдается их модификация и модернизация, с другой — своеобразное возрожденчество, оживление отдельных институтов и представлений прошлого на территории Казахстана. В этом случае до сих пор еще неопределенными остаются базовые основы таких понятий, как «возрожденчество», «реформизм», «суфийская практика», «консерватизм, входящий в противоречие с экстремистскими тенденциями» и т.д., что создает определенные сложности в целостном видении данной ситуации. Также неопределенной остается роль исламских реформистских движений, которые привлекают к себе внимание своей по-

вышенной политической и пропагандирующей активностью, а также роль целого ряда исламистов, чьи воззрения сформировались в рамках тарикатизма, и которые являются оппонентами фундаментализма. В какой-то мере это обстоятельство привело в геополитических соображениях к искусственному разделению ислама российскими политологами на два пояса, «северного» и «южного».

Северный ислам, или как его еще называют российские исламоведы и политологи «Евразийский ислам», формирующий: первое, в рамках просуфийских традиций и второе, в результате усиления роли местных норм и обычаев в практике мусульман, в своей основе направлен на создание мировоззренческих основ как оппонент «южному» варианту ислама. При этом «южный ислам» разделен на два взаимодействующих лагеря: первое — это суннитско-пуританское направление, проникающее с территории Пакистана; второе — это арабское направление (КСА, Египет, страны Персидского залива). Российский политолог Дугин замечает, что за южным вариантом ислама, являющегося схожей с ортодоксальной протестантской системой, стоят европейские протестантские страны и США и в своей основе направлено в основном против России. Далее Дугин пишет, что по своей природе обе протестантские системы: «южный ислам» и «протестантизм» близки друг другу, как близки между собой православие и евразийский ислам. Это обстоятельство способствовало тому, что российское руководство делает основной упор на развитие, по их определению, «евразийского ислама». Так, по утверждению организаторов Международной конференции «Угроза ислама или угроза исламу», евразийский ислам по аналогии схож с православием и поэтому является более лояльной системой, так как несет в себе принцип многополярности.

На первый взгляд, понятное противостояние между бинарными системами, классическими ортодоксальными и неортодоксальными течениями и направлениями, связанными с влиянием различных местных доисламских традиций и обычаев в форме симбиоза или синтеза культур, влиянием различных суфийских традиций и т.д., под собой имеет множество противоположных и разнонаправленных подходов и подсистем, например, внутрисуфийские противостояния по принципу рабиты, силсилы, проповедования

громкого или тихого зикра и т.д. Привести в этом случае такие разнонаправленные схемы в единую систему очень сложно и почти невозможно.

Чтобы понять современное положение дел в области религии, необходимо раскрыть всю сложность религиозной идеологии в конкретно исторических условиях. Немаловажное значение здесь имеет анализ существенно отличающихся друг от друга исламских движений и течений и их роли в отдельных странах и регионах Востока и Центральной Азии. И только на этой осно-

ве можно создать научно обоснованную модель дальнейшего развития исламской религии в Казахстане.

При сложившейся геополитической ситуации использование религии как фактора дестабилизации в регионе в существующей системе все еще не нашло своих четко определенных понятий и в широком спектре политических, идеологических и национальных концепций, в комплексе существующих проблем не обеспечивает равновесия основных приоритетов национальной безопасности.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Нурмухамедов Б.Ж.

Современный терроризм — явление многоплановое и структурно неоднородное. В зависимости от геополитической, региональной, социально-экономической, внутригосударственной, культурной, ментальной особенностей, терроризм или в уже существующих формах, или в тенденциях приобретает широчайший спектр конкретных проявлений.

Среди иных специфических характеристик проявлений экстремизма и терроризма для стран Центральной Азии особую значимость имеют этноконфессиональные аспекты. Это связано прежде всего с тем, что, за редким исключением, мусульманские общины стран региона тяготеют к отождествлению своей религиозной и этнической или даже кланово-родовой принадлежности. Хотя такое положение идет вразрез с интернациональным характером ислама, однако специфика процессов принятия ислама населением Центральной Азии привела к такому варианту отправления веры.

Это вносит дополнительные сложности для деятельности духовных управлений мусульман стран региона, и, что особо важно для нашей темы, порождает специфические противоречия и напряженность в мусульманской среде, связанные с заметным расслоением мусульманской общины по этнородовому признаку. Экстремизм и терроризм получают дополнительную «подпитку» от этих разногласий и противоречий. Причем для стран Центральной Азии этот фактор даже выходит на передний план в сравнении с дру-

гими, если речь идет о собственно исламских факторах экстремизма и терроризма.

Отождествление религиозной и этнической принадлежности может быть той почвой, на которую легко спровоцировать этно-религиозный конфликт; при этом возрастает возможность руководства этого конфликта извне, вне пределов стран региона.

В известной мере, на неоправданное отождествление этнородовой и религиозной принадлежности населения региона оказала влияние внутренняя политика центральноазиатских государств, в которой важным элементом стали процессы этнической самоидентификации. При этом реанимировались или создавались заново все специфические этнические особенности; в отсутствие национально-государственных идеологий, ислам стал определяющим фактором этнической самоидентификации в духовной сфере. Вторым, что основания для этнорелигиозного отождествления были заложены еще в эпоху принятия ислама населением региона, и прошедшие в исторически ничтожные сроки процессы самоидентификации (что не могло не сказаться на содержании и на результатах этих процессов) значительно усилили этот момент, даже легализовав его. Теперь скрытые, но осязаемые противоречия заложены в общины мусульман стран Центральной Азии и могут проявляться в самых разных обстоятельствах.

По кланово-региональному сценарию религиозный экстремизм и терроризм рас-

пространялись на территории ЦА главным образом в Таджикистане. Основной социальной базой для него в Таджикистане стали региональные элиты, которые после обретения республикой независимости не были интегрированы во власть. «Таджикистан был уникальным образованием на территории бывшего Советского Союза. Лишившись в 1991 г. союзного центра, республика стала распадаться на регионы, из которых была составлена после образования СССР в 1922 г. Парад суверенитетов обернулся для нее гражданской войной. Это была необычная война. На первый взгляд, боролись красные (приверженцы советской номенклатуры и старого порядка) с зелеными (сторонниками Исламской партии и установления исламских порядков). Но противников различали в первую очередь не по партийной принадлежности, а по месту рождения» [1]. В силу этого представители противостоящих групп активно искали поддержки у исламского духовенства, которое являлось серьезной политической силой в стране. С первых дней независимого развития Таджикистана в религиозной печати велась открытая пропаганда общественно-политической роли ислама.

Поскольку внутриэтнические различия таджиков совпадают с региональными, кланово-региональная поддержка исламской оппозиции в Таджикистане носила высокоорганизованный и коллективный характер.

Таким образом, исламская пропаганда была использована для продвижения базовых интересов региональных группировок. У исламистов нашлись подходящие авторитетные лидеры, которые смогли обеспечить превращение ислама в серьезную политическую силу.

Попытки использования официальной светской властью мусульманской идеологии только усилили влияние исламской оппозиции. В частности, в 1992 г. бывший тогда Глава государства Набиев выступил с предложением о придании самостоятельности казиту республики и проведении «всенародных выборов» руководителя мусульманской общины Таджикистана.

Указанные факторы во многом объясняют, почему Таджикистан стал единственной из стран СНГ, где официальное духовенство, в большинстве своем одной кланово-региональной принадлежности, активно включившись в политическую борьбу, стало играть самостоятельную роль в политическом про-

цессе. В результате в таджикском обществе возникли острые противоречия, разрешение которых оказалось возможным только ценой многолетней гражданской войны и трудного переговорного процесса при посредничестве внешних сил. В конце концов процесс распространения религиозного экстремизма в этой центральноазиатской стране был приостановлен в результате формирования правительства национального согласия, в которое на легитимных основаниях вошли лидеры ОТО.

Однако официальный Душанбе осознал и продолжает осознавать, что исламский фактор будет всегда занимать особое место на политическом поле, а вероятность активизации в стране религиозного экстремизма всегда присутствует. «Идеология побежденных, как показывают нынешние события в регионе, отнюдь не потеряла поражения. Официально бывшая исламская оппозиция не ставит вопрос о создании исламского государства, однако многочисленные оппозиционные группировки, не лояльные по отношению к властям и бывшим лидерам, открыто говорят о необходимости сместить нынешнее правительство и тех руководителей, которые, по их мнению, обманули своих сторонников. Ситуацию в республике, возникшую после победы «красного» Народного фронта и последовавшего через несколько лет перемирия и возвращения оппозиции домой, нельзя назвать стабильной» [2]. Отчасти это было продемонстрировано в августе-сентябре 2000 г., когда непримиримая часть ОТО оказалась втянутой в боевые действия на территории соседних стран.

Властно-оппозиционный сценарий распространения религиозного экстремизма и терроризма сопряжен с политическими процессами, происходящими в Узбекистане. Распространение религиозного экстремизма и терроризма исламского толка в Узбекистане, происходившее по властно-оппозиционному сценарию, было обусловлено многими факторами. Сохранение глубоких корней мусульманских традиций в узбекском обществе имело причину в том, что советская модернизация охватила лишь прослойку городского населения, практически не затронув жителей сельской местности. Поэтому в узбекском варианте распространения религиозного экстремизма и терроризма присутствует такой традиционный атрибут узбекского общества, как кланово-трайбалистский компонент.

Роль ислама в узбекском обществе возросла в первые годы независимости, когда власти страны стали активно поощрять и проводить политику «возрождения ислама». Это дало импульс активизации религиозной жизни исламской общины, возникновению многочисленных исламских движений и групп, появлению независимого мусульманского духовенства.

Сценарий «вовлечения» в процесс распространения религиозного экстремизма и терроризма в основном присущ тем странам ЦА, в которых отсутствуют достаточно веские внутренние предпосылки этому процессу. Однако в силу непосредственной близости к той или иной «горячей точке» существует реальная опасность использования их территорий для развертывания баз вооруженной исламской оппозиции соседних стран. Среди государств ЦА сценарий «вовлечения» в наиболее полном смысле фактически был осуществлен в Кыргызстане.

Первыми шагами в этом направлении стали культивирование и пропаганда в 1990-е гг. на территории Кыргызстана исламских традиций и идеологии. Так, за десять лет независимости количество мечетей в Кыргызстане достигло почти 2 500. По данным спецслужб КР, уже несколько лет в Кыргызстан ежегодно ввозятся несколько десятков тысяч экземпляров книг мусульманского содержания из арабских стран. Пограничники не владеют арабским языком, и книги, буклеты, ли-

стовки различного толка и направления беспрепятственно распространяются среди местного населения. В результате за последние несколько лет около 300 человек, в основном жителей южного региона – Ошской и Джалал-Абадской областей – были привлечены к ответственности за хранение и распространение экстремистской литературы [3].

Вслед за первыми идеологическими шагами по исламизации населения Кыргызстана в конце 1990-х гг. были предприняты уже практические действия по «вовлечению» этой страны в процесс распространения религиозного экстремизма и терроризма. В этой связи события в Баткентском районе Кыргызстана летом 1999 г. подтвердили закономерность принципа «домино», когда один точечный эпицентр нестабильности в Центральной Азии, вызванный действиями религиозных экстремистов, постепенно начинает экстрополироваться на близлежащие регионы.

В развертывании указанных сценариев распространения религиозного экстремизма и терроризма в Центральноазиатском регионе прослеживается логическая последовательность. Причем тот или иной сценарий реализовывался в той или иной стране ЦА в большей мере не по критерию его «насаждаемости», а по принципу его «приживаемости» к конкретным общественно-политическим условиям.

Литература

1. Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. – 320 с. – С. 210.
2. Там же. С 210–211.
3. Джуматаева В. Проблемы исламизации в Кыргызстане // Веб-сайт АПИ. – Октябрь 2001.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан

www.kisi.kz
e-mail: office@kisi.kz

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

«ВОПРОС О ЗЕМЛЕ» В КИТАЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Галямова В.Ф.

Известно, что традиционный Китай, как и другие страны Востока, шел по иному пути социальноэкономического развития, нежели Западная Европа. Данное обстоятельство объясняет особенности политического устройства и политической жизни в восточных обществах. Чтобы выявить специфику политического процесса в Китае, важно понять, как здесь происходило решение аграрной проблемы – основной в данных условиях. Значительная роль «земельной проблемы» в переходном обществе обусловлена традиционным единством вопросов земли и капитала на Востоке, а также ключевой ролью аграрного сектора в деле общей модернизации страны.

Основные особенности традиционного строя Поднебесной можно заключить в следующие параметры: а) аграрный строй; б) политическое, экономическое и идеологическое господство государства над обществом; в) системы власти-собственности и ренты-налога как экономическая основа государственности; г) хроническое избыточное народонаселение. Вся система социально-экономических отношений в таком обществе могла существовать и существовала без кардинальных перемен в течение тысячелетий. Подобное постоянство обеспечивалось неблагоприятным соотношением между рабочей силой и землей (первого в Китае всегда было сверх необходимости, второго, наоборот, ощущался недостаток) и сложившимся в данных условиях механизмом аграрных отношений. Приниженное обесцененное положение труженика, порожденное существовавшими условиями землепользования, обусловило фактическое отсутствие роста производительных сил и, следовательно, отсутствие необходимости системных изменений в обществе.

Механизм «околоземельных» отношений в Китае на протяжении тысячелетий в самых общих чертах выглядел так. Структура хозяйства напоминала многоступенчатую пирамиду, основание которой – мелкое парцелльное натуральное хозяйство индивидуализированных семей без какого-либо разделения труда внутри них. Эти мельчайшие однородные хозяйственные единицы с патронимической организацией удерживались вместе силой и авторитетом возвышающегося над всем обществом государства. Общество по существу не знало частной собственности на землю: коллективная собственность, выраставшая из родоплеменного быта, приобретала здесь вид всеобщей и «ничейной» собственности, объединенной лишь единым деспотическим управлением государства. Но это было не более чем мифом, поскольку внутри коллективной собственности существовало только частное владение в любом возможном виде. При этом частичный землевладелец коллективного достояния мог распоряжаться лишь правом на владение, которое никогда не переходило в личную частную собственность на землю. Богатство само по себе, отдельно от госвласти, здесь не имело ценности, а крупное землевладение реализовывалось не в ведении хозяйства на больших площадях, а всего лишь в сборе арендной платы с мелких землепользователей – в земельном ростовщичестве, что исключало отношения личной зависимости землепользователя и землевладельца¹.

Описанная система² не была гарантирована от периодических расстройств: поскольку с ростом населения земля бесконечно дробилась и дорожала, человеческий труд обесценивался, а экономическое усиление господствующих слоев сопровождалось захва-

¹ То, что именуют феноменом «власти-собственности».

² Подробнее см. А.А. Стербалова. Традиционный и современный Китай – особенности социального развития // Вопросы философии, 1969. – №8.

том ими огромных земельных площадей, — в условиях аграрного перенаселения начинался массовый голод. В конце концов поднималось крестьянское восстание, которое завершалось, как правило, приходом к власти новой династии. И круг замыкался. Новая власть упорядочивала Поднебесную: восстанавливала справедливый государственно-аграрный строй, перераспределяла на основе уравнилельных принципов землю, уменьшала налоги, таким образом, стимулировала на время крестьянский труд. Но через какое-то время все повторялось вновь, и так — до XIX в., «открытия» страны.

С проникновением в Китай новых рыночных отношений (само по себе денежно-рыночное обращение не было новым для страны, оно существовало здесь с древнейших времен, но в ограниченном, подчиненном состоянии, принципиально новым было появление капитала) произошел подрыв традиционной экономики — было нарушено единство натурального производства внутри деревни.

Однако в результате формирования новых отношений в китайском обществе произошло не разрушение традиционного хозяйства, а лишь его подрыв, поскольку в целом китайская деревня и в XX в. продолжала развиваться в рамках традиционной социально-экономической системы. В стране формировался компрадорско-бюрократический капитал, при этом система собственических отношений нарушена не была: богатство в Китае по-прежнему не имело самостоятельной силы, китайский «буржуа» не чувствовал себя самостоятельным предпринимателем, он был «на службе» государства, которое, как и раньше, являлось единственным правомочным собственником земли, причем на практике ею владели многочисленные распорядители от государства.

Для аграрной структуры Китая потребовался бы очень и очень длительный период времени поэтапных преобразований, чтобы постепенно сложился рыночный механизм, который, с одной стороны, создал бы экономически сильные товарные хозяйства, и, с другой, выбросил бы из сельского хозяйства миллионы свободных рук. Все это — при благоприятных внешних и стабильных внутриполитических условиях, которых, как известно, в политической практике Китая конца XIX — первой половины XX в. не было. Кроме того, только одни такие факторы, как перенаселение и обесцененный ручной труд,

выдвигали почти непреодолимую преграду на пути применения капиталистических методов хозяйствования. Но главным препятствием служила лежащая в основе земельных отношений традиционная система государственности, в которой общество не выделялось из сферы государства, было слито с ним. С дилеммой преобразования китайского социума столкнулся Сунь Ятсен, о ту же стену разбивались попытки Гоминьдана решить аграрную проблему буржуазно-демократическими методами.

Сегодня нет необходимости спорить — могло ли продолжение курса Сунь Ятсена — Чан Кайши на последовательное преобразование китайского общества привести к положительным результатам. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, тем более что опыт хозяйствования Гоминьдана на Тайване под руководством того же Чан Кайши говорит за себя. Но к чему воплощение программы «3-х народных принципов» Сунь Ятсена могло привести в китайской деревне до отделения Тайваня — судить трудно. Ясно одно: теоретические намерения руководства Гоминьдана сводились к установлению уравнилельного землепользования (в соответствии с суньятсеновским «каждому пахарю — поле»). Однако воплотить их на практике националистам мешали новые условия, связанные с проникновением капиталистических отношений и появлением «своей» буржуазии, которая служила основной опорой гоминьдановского режима и вовсе не была заинтересована в подобном решении аграрной проблемы. Вот почему конкретные меры по радикальному переделу земли, так же как и по необходимому реформированию деревни, гоминьдановцы до 1949 г. не предлагали, оставив фактически без изменений существующее сельское хозяйство. Чтобы найти применение демократическим принципам Сунь Ятсена и творчески воплотить их в жизнь, Чан Кайши понадобилось покинуть огромный Китай, но один этот факт уже многое менял. Очевидно, что в континентальном Китае, раздираемом противоречиями, силы, способные осуществлять лояльное новой экономической реальности политическое руководство и в то же время удовлетворить «идеологические» ожидания китайского народа, были чрезвычайно слабы, если не отсутствовали вовсе. Проводить радикальную аграрную реформу в этих условиях Гоминьдану, как мы уже отмечали, мешало многое.

Главное, что получило политическое руководство, обосновавшись на Тайване, — это не привезенные с континента огромные капиталы и не финансовая помощь США, но символический отрыв от государства. Этот отрыв для гоминьдановского правительства прежде всего означал кардинальное изменение общих условий существования государства: из огромной, хотя и переживающей серьезный кризис, империи государство превратилось в небольшую республику, а правительство из фактических наследников администрации Сына Неба — в администрацию, вынужденную подтверждать свою легитимность и т.д. Хотя ими использовались многие из традиционных идеологических установок и тщательно поддерживался стереотип наследования идей и курса Сунь Ятсена, в действительности сложилась новая ситуация, позволившая провести в жизнь радикальную аграрную реформу в короткие сроки и до конца, которая и стала основой будущего экономического чуда.

Китайский народ предпочел пойти за компартией и Мао Цзэдуном, чтобы построить светлое социалистическое будущее своей страны. Безусловно, народным массам импонировал коммунистический лозунг уравнилельного землепользования — в принципе глубоко традиционный, а потому ожидаемый. Однако, по всей видимости, не это сыграло решающую роль в победе КПК.

Для самого Мао Цзэдуна на всем протяжении его политического пути были характерны «идеологические шатания», связанные, в частности, с земельной проблемой, по которой он любил «высказаться». Мао, как известно, вел упорную борьбу за установление своего диктата, и то, как он решал аграрный вопрос, служит одним из самых ярких индикаторов этой борьбы и многое объясняет в «шатаниях» его внутренней политики.

Мао Цзэдун во время действия единого фронта с Гоминьданом активно участвовал в мероприятиях, организованных националистами. Так, в конце 1926 — начале 1927 гг. он проводил обследование крестьянского движения в Хунани, где оно приняло особенно большой размах. В крестьянских союзах этой

провинции разрабатывались положения о наказаниях тухао и лешэнь (китайские «помещики»), в соответствии с которыми им, а также контрреволюционным элементам выносились смертные приговоры. Мао поддерживал эти шаги³, считая даже, что до принятия закона об аграрной реформе земельный вопрос должен решаться на основе прямых действий крестьянства. Он говорил: «В настоящее время в Хунани и Хубэе уже наблюдается подъем крестьянского движения. По собственной инициативе крестьяне отказываются уплачивать земельную ренту, захватывают политическую власть. Чтобы решить земельную проблему в Китае, мы прежде всего должны создать им для этого обстановку. Пусть даже юридическое признание этой реальности и запоздает, ничего страшного»⁴. Однако со стороны ЦК КПК последовало осуждение такой позиции Мао Цзэдуна: на ноябрьском пленуме 1927 г., анализируя причины провала данных крестьянских восстаний, ЦК особо указал на его личные ошибки⁵. В решениях пленума подчеркивалось, что Мао несет наибольшую ответственность за ошибки, совершенные хунаньским провинциальным комитетом⁶. Этот пример — не единственный, когда Мао делал установку лишь на военную силу и террор, когда он всячески форсировал проведение аграрной революции в деревне.

Подобные «эксперименты» проводились Мао Цзэдуном затем в советских районах. В Советской Китайской республике в Цзянси в 1931 г., где Мао занимал пост председателя ЦИК, в связи с чем все принимаемые акты промульжировались за его личной подписью, были приняты законы о земле, о труде, практиковались очищение от «контры», «линия масс» и др. В управлении здесь практиковались радикальные методы (в том числе, аграрная реформа) и использовалось советское по большому счету законодательство, что на практике оказалось недейственным: политические институты, введенные в соответствии с новым законодательством, не работали, аграрная реформа, в ходе которой конфисковывалась земля не только помещиков, милитаристов, бюрократов, но и кулаков и середняков, не приводила к ожидаемым резуль-

³ Мао Цзэдун. Доклад об обследовании крестьянского движения... Избр. пр. Т. 1. М., 1952. — С. 44.

⁴ Цит. по Инанко Цунзо. Право и политика современного Китая. М., 1978. — С. 25–26.

⁵ Кроме того, по словам китайских коммунистов, в то время работавших с ним, Мао Цзэдун в середине 20-х годов был выведен из состава ЦК КПК за слишком большую близость к Гоминьдану. Владимирова О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М., 1973. — С. 29.

⁶ Бурлацкий Ф. Мао Цзэдун, «Наш коронный номер — это война, диктатура». М., 1976. — С. 31.

татам. В результате продолжительного «хозяинования» сторонников Мао в Освободенном районе здесь ослабла поддержка Красной армии местным населением⁷. В 1932 г. совещание ЦК КПК вновь осудило левосектантские ошибки Мао, его аграрную политику и террористические методы⁸.

Вероятно, именно благодаря существовавшей возможности «испытывать» свои теоретические выкладки на практике, произошла определенная корректировка политического курса коммунистов. Мао, благодаря полученному опыту, к 1939 г. пришел к своей «новомодемократической» теории, отличающейся известным прагматизмом. Основная масса членов КПК, также почерпнувшая из этой практики богатый опыт, поддержала Мао Цзэдуна с новой теорией, что сделало его самым влиятельным деятелем в партии и позволило, одержав верх над Гоминьданом, стать во главе государства.

Новая социальная политика Мао заключалась главным образом в том, что объявлялось о единстве всех социальных сил китайского общества, на основе которого можно было возродить великий Китай. Он заявлял, что «мы не должны ставить знак равенства между кулаками и помещиками, не должны преждевременно проводить политику ликвидации кулачества», а «китайская буржуазия и китайский пролетариат – два взаимно связанных и вместе с тем антагонистических класса. Это – близнецы, рожденные старым феодальным обществом Китая...»⁹. Похоже, что Мао отказывался от террористических эгалитарных методов в пользу взвешенного прагматизма.

Проведение аграрной реформы все же не являлось центральной задачей для китайской компартии. Непоследовательность в проведении КПК и лично Мао Цзэдуном земельного реформирования – налицо, несмотря на декларируемый лозунг «земля тем, кто ее обрабатывает!», который коммунисты внедрили в крестьянские массы и который был

сформирован под непосредственным влиянием Коминтерна¹⁰. Отказавшись от радикальных мер, когда земля не только крупных помещиков, но и крестьянских кулаков и середняков изымалась террористическими методами и перераспределялась между беднейшими слоями деревни, которые КПК практиковала в первых советских районах и которые не могли не настроить против коммунистов зажиточные деревенские массы, партия в действительности никакие реальные шаги не предпринимала. Лишь после окончания антияпонской войны в аграрной политике компартии произошел ряд изменений: в мае 1946 г. ЦК КПК принял документ, в соответствии с которым террор в деревне фактически запрещался, земли кулаков и середняков должны были оставаться в неприкосновенности, а земли помещиков – распределяться между малоземельными и безземельными крестьянами¹¹.

Анализируя события этого периода, мы приходим к выводу: нельзя утверждать, что именно земельная проблема «погубила» Гоминьдан и что именно вопрос о частной собственности на землю является коренным в противостоянии между Гоминьданом и КПК. В данном противостоянии нельзя сказать также, что именно сфера национальной экономики делается эпицентром борьбы двух основных политических сил в стране. Известно, что гоминьдановские госкапиталистические меры затрагивали лишь промышленность и лишь в крупных городах, деревня же оставалась почти неприкосновенной. Признавая, что меры по разрешению аграрного кризиса, предлагаемые националистами, по большому счету являлись половинчатыми и недостаточными, нельзя утверждать наличие принципиально отличной программы у коммунистов. Видимо, несмотря на имеющийся глубочайший аграрный кризис в стране¹², осуществление земельной реформы не стояло на повестке совершаемого этапа буржуазно-демократической революции – идеи национализма

вполне естественно и закономерно (в силу нерешенности национального вопроса в Китае) доминировали в общественном сознании, оттесняя другие. В обществе сохраняли силу традиционные взгляды на аграрные отношения, но понимание необходимости *справедливого* уравнительного перераспределения земли наталкивалось теперь на осознание невозможности этой меры при новых порядках, когда появились новые незаинтересованные в этой мере группы населения. Так, насущная крестьянская проблема «задвигалась на задворки» внутренней политики, а от власти ожидалось в первую очередь объединение страны и возрождение ее былого величия.

Таким образом, для крестьянского населения страны компартия представляла собой не столько партию марксистов, сколько сильную дисциплинированную военную организацию, которая была в силах восстановить порядок и социальную справедливость в Китае. На фоне творимых гоминьдановскими чиновниками бесчинств, когда кушам-ростовщикам продавалось с торгов управление всеми объединенными налоговыми учреждениями¹³, желательным для населения был приход любой другой власти, центральным являлся вопрос о восстановлении порядка и справедливой власти.

Что касается гоминьдановской политики, то, хотя она развивалась как главное средство преодоления распада китайского общества, хотя главным стимулом поведения гоминьдановского руководства, несомненно, всегда был национализм, политика его не оправдала себя. В результате непрерывного возрастания социально-экономической роли государства произошли качественные преобразования – мутации: бюрократия одержала верх над буржуазией, в постановке задач, в идеологии все большее место уделялось обоснованию политики огосударствления крупной собственности, все меньшее – защите развития частного предпринимательства. Уже к моменту окончания антияпонской войны Гоминьдан оказался на краю своего политического краха в континентальном Китае. Для КПК же, вне зависимости от того, какого курса в проведении своей аграрной политики она будет придерживаться в последующие четыре-пять лет, а лишь благодаря своему военному и стратегическому превосходству, победный исход гражданской войны был почти предрешен.

Как видно, решение аграрного вопроса теми методами, которые использовались компартией, не намного приблизили ее победу в противостоянии с Гоминьданом, так же как и поражение последнего было связано не столько с его неверной аграрной политикой. Если существовало два основных способа (тенденции) объединения и модернизации традиционного общества [1] политическими средствами, т.е. через восстановление государственности в традиционной форме: господствующая бюрократия – мелкие производители; 2) дальнейшее развитие экономических связей общества по мере углубления и расширения капиталистической эволюции], то и КПК и Гоминьдан всегда выбирали первый путь.

Главная особенность социально-экономической жизни Китая в новейшее время и вместе с тем стержень всей его политики – непрерывное возрастание социально-экономической роли государства – обуславливались тем, что мелкое крестьянство в Китае, видимо, не исчерпало свои возможности, так же как вообще традиционный общественный уклад во всех областях жизнедеятельности.

Главные отличия в социально-экономических программах Гоминьдана и КПК заключаются, видимо, в том, что первые не ставили своей задачей уравнивание прав на землю, а лишь ее распределение, также не требовали ограничения капитала. Коммунисты же в этих мерах видели два основных средства реализации принципа народного благосостояния, но отказались от первого, исходя из тактических соображений. Однако после того, как в сентябре 47 г. на Всекитайской земельной конференции КПК были приняты *Основные положения земельного закона Китая*, этот курс резко изменился. Теперь вновь предусматривалось не только упразднение помещичьего землевладения, но и ликвидация всех долговых обязательств, а также уравнительный передел земли, включая земли кулачества, между крестьянами по количеству едоков. Опять же данные положения земельного закона 47-го года проводились в жизнь весьма недолго; ряд директив КПК, принятых в феврале-марте 1948 г., в очередной раз запретив изъятие земли у середняков и кулаков, фактически означал пересмотр этого документа¹⁴. Таким образом,

⁷ Владимир О., Рязанцев В. Указ. соч. – С. 44–45.

⁸ Инако Цунэо. Указ. соч. – С. 30–31.

⁹ Мао Цзэду. Китайская революция и коммунистическая партия (декабрь 1939 г.). Избр. пр. Т. 2. М., 1952. – С. 144, 167.

¹⁰ Так, в октябре 1947 г. принятая Декларация НОАК провозгласила политику НОАК из восьми пунктов, из которых первым был «охрана жизни и имущества всего населения» и лишь седьмым – «разрешение земельной проблемы».

¹¹ Инако Цунэо. Указ. соч. – С. 42–43.

¹² Аграрный кризис в Китае не только усилил концентрацию земельной собственности, а стало быть и процесс обезземеливания крестьян; в гоминьдановском Китае голод в деревнях принял массовый характер. Конан Е.Ф. Аграрный кризис в гоминьдановском Китае. Ученые записки Тихо-Океанского института. Т. 3. М.-Л. 1949. – С. 23–25.

¹³ Далин С.А. Китайские мемуары, 1921–1927 гг. М., 1975. – С. 243.

¹⁴ Там же. С. 44.

в новых освобожденных районах земельная реформа проводилась уже не на его основе, а в соответствии с Законом о земельной реформе 1950 г., содержание которого было гораздо ближе «либеральным» указаниям КПК об урегулировании аграрного кризиса путем снижения арендной платы и ставки ссудного процента.

Закон о земельной реформе, принятый в июне 1950 г., мог произвести коренной переворот в производственных отношениях в китайской деревне: предусмотренное им распределение земли при некоторых условиях могло положить начало существованию системы мелкого семейного землевладения. Этого не произошло, а главные достижения проведенной реформы заключались, видимо, в том, что около 300 млн безземельных и малоземельных крестьян получили 47 млн га обрабатываемой земли и что к 1952 г. продукция сельского хозяйства выросла примерно на 50%. Прорыва в сельскохозяйственном производстве, как видно, не произошло, поскольку в этой фактически разрушенной сфере для восстановления, а тем более для расцвета производства, необходимы были не только перераспределение земли, а планомерные реформы со стороны государства, направленные на модернизацию сельского хозяйства.

Аграрная реформа, являясь по существу буржуазно-демократическим мероприятием и решая вопрос ликвидации феодально-патриархальных отношений, должна была создать возможность развития сельскохозяйственного производства на товарно-рыночной основе, дать возможность мелким собственникам присваивать производимый ими прибавочный продукт. В КНР, на деле, реформа была проведена наполовину: хотя большинство крестьян сразу изменило свой статус — из арендаторов земли стали собственниками, это было лишь номинально, поскольку крестьяне не получили никаких механизмов для выживания своих маленьких хозяйств и никаких гарантий перед лицом государственной власти. Кроме того, одновременно с аграрной реформой по всему Китаю началась работа по восстановлению земельного кадастра и была проведена реформа налоговой системы. В каждой местности были установлены нормы наделов, близкие для нее к средним, а ставки налога были ориентированы на приблизительную норму при-

бавочного продукта или величину, близкую к нему. Заметно повысилось налогообложение доходов от земледелия¹⁵. Иными словами, аграрная реформа, обычно трактуемая как буржуазно-демократическая мера, с точки зрения подавляющей массы китайских крестьян, походила на возрождение системы ренты-налога.

Действительным главным результатом реформы в деревне стало получение руководством КПК возможности использовать эффективные карательные средства в отношении помещиков и отличное воспитательное средство для широких масс крестьян. Такое проведение закона о земле в жизнь позволило КПК весьма наглядно познакомить китайский народ с новыми порядками и новым образом жизни, которые вводились с этих пор в стране, когда военная дисциплина и идеологические кампании, выгодные лишь партийному руководству, становились определяющим фактором общественной жизни, а слепая и безоглядная преданность партии и лично Мао — критерием патриотизма и вообще законности. Таким жестким способом произошло закрепление новой государственности, которая с этих пор получила свой главный элемент — легитимизирующий ее своей «поддержкой» народ, который был согласен с любыми актами власти не потому, что они его удовлетворяли, а из страха вероятной строгой кары.

Несмотря на все положительное значение аграрной реформы, осуществление ее «малыми силами» привело впоследствии к двум, на наш взгляд, серьезным проблемам: во-первых, к субъективным стремлениям осуществить социалистические преобразования деревни без наличия для этого необходимых материальных предпосылок силами кадровых работников партии и государства; во-вторых, к усилению субъективистских устремлений у этой категории лиц, к отрыву от реальности и масс. Именно по причине своей «половинчатости» земельная реформа в скором времени потребовала «углубления» или радикализации: фактическое отсутствие предпосылок для развития мелкого крестьянского хозяйства в сложившихся условиях породило «новую генеральную линию». Дальнейший политический курс КПК и радикализация его в аграрной сфере путем проведения ускоренной коллективизации — это основная часть радикальной программы стро-

ительства социализма, заложенной в генеральной линии 1953 г., которая теоретически определила ход развития страны.

Исходя из вышеприведенного фактического материала мы приходим к выводу, что радикальный путь решения земельного вопроса настойчиво отстаивался и проводился на практике Мао Цзэдуном и его сторонниками, которые представляют основную линию внутри КПК. Их идейными «противниками» являлись те коммунисты, которые находились под влиянием сначала Коминтерна, затем — политики Советского Союза. Но те очень немногочисленные силы коммунистов-интернационалистов, которые во всем следовали советам товарищей из Коминтерна, в действительности не играли никогда решающей роли. Кроме того, что следует пересмотреть роль такого влияния со стороны СССР, представляется необходимым пересмотреть также его содержание. В целом борьбу между названными «линиями», по нашему мнению, нельзя определять как борьбу «двух линий», поскольку реально внутри партии происходила не борьба за определенные идеи, а борьба за власть.

Между тем сельское хозяйство КНР продолжало находиться в глубоком кризисе и никакое распределение земли не могло разрешить его. Без вложений со стороны промышленности невозможно было кардинальным образом изменить ситуацию в аграрной сфере. Вот почему ставка была сделана на сплошную коллективизацию села, поскольку в этом китайскому руководству виделся единственный выход из сложной экономической ситуации, а также, поскольку советский пример, как тогда казалось, давал возможность быстро продемонстрировать преимущества социализма.

Видимо, радикальной программе не было иной альтернативы из-за условий экономической и политической нестабильности в обществе, из-за нарастания разочарования крестьянства и кадровых работников. Главная политическая причина, которая толкала правительство на этот путь — страх перед неизбежным углублением процесса поляризации китайской деревни, что было вполне возможно при сохранении прежнего курса. Это была та ситуация, при которой идеология правящей партии делала своим заложником все общество, определяла

приоритеты и адаптировала экономику в соответствии со своим политическим интересом. Да, еще недавно Мао Цзэдун, написавший труд «О новой демократии», ратовал за «диктатуру союза всех сил», говорил, что «сила крестьянства — главная сила китайской революции»¹⁶, теперь же он начинает воплощать в жизнь эгалитаристскую радикальную программу: опора делается на самые бедные слои деревни, ликвидируются кулацкие и единоличные хозяйства, изолируется и постепенно преобразуется буржуазия, в общем, в деревне «вырываются корни капитализма». Видимо, слабые предпосылки новых капиталистических отношений, вопреки провозглашаемому ранее лозунгам, стали пугать новые китайские власти, которые боялись усиления факторов, «опасных для построения социализма». В действительности подобные отношения могли быть опасными лишь для той «незрелой», слабой идеологически политической элиты, которая была вооружена заимствованной извне «научной теорией», не имея пока собственной «национальной» теории модернизации, как ее не имел и Гоминьдан. В данном случае традиции оказались сильнее прагматизма. «Величие» Китая вновь возрождалось за счет сверхэксплуатации населения.

Начаты были преобразования китайского общества, проникновение новых предпринимательских взаимоотношений, в том числе в сферу сельского хозяйства, были прерваны, восторжествовал традиционный порядок, в котором государство было единственным и абсолютным господином, а любой из людей — лишь средством для поддержания его могущества. Конечно, компартия и лично Мао Цзэдун внесли нечто новое в уклад жизни китайского общества. Так, новым элементом были эгалитарные ценности, даже своеобразный культ бедности. Новым было также то, что сельское хозяйство теперь необоснованно занимало второстепенные позиции. Поскольку только сильная промышленность могла быстро привести к победе социалистического уклада, ей отдавалось предпочтение в экономике страны, а аграрный сектор был поставлен на вспомогательные позиции, должен был обслуживать ее. В общем нельзя отрицать, что многие элементы хозяйственного управления в КНР были сознательно заимствованы из практи-

¹⁵ Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994. — С. 48–49.

¹⁶ Мао Цзэдун. Избр. пр. Харбин, 1948. — С. 244, 259.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Умбеталиева Т.Б.

ки СССР, однако выбор этот, скорее, можно объяснить верностью историческим традициям и революционно-утопическим представлениям об обществе «нового типа».

Конечно, руководству КНР за годы мао-цздуновского диктата не удалось добиться воплощения пресловутой «общественной собственности» на средства производства. Была установлена тотальная собственность государства, каковая в принципе типична для восточного общества. Положение усугублялось «перегибами» социалистического хозяйствования, которое, поддерживая традиционные социально-экономические отношения в обществе, перекрыло многие важные механизмы его саморегуляции. Если бы в Китае еще несколько десятилетий продолжалась коммунизация деревни, то произошло бы ее полное раскрестьянивание. Этот мрачный этап длился до конца 70-х гг., до начала нового этапа реформ, когда вновь всплыла на поверхность проблема выбора модели развития: либо будут сохранены традиционные черты общественного развития, либо реформы кардинально изменят общество, изменят социально-экономические отношения, связанные с собственностью на землю и другие средства производства.

Что было сделано в КНР в ходе нового курса реформ, который, как известно, в первую очередь затронул сельское хозяйство страны? Земля в китайской деревне передавалась в подряд (на контрактной основе) крестьянским дворам, право собственности отделялось от права хозяйствования, был отменен порядок, при котором крестьяне всю свою продукцию сдавали государству, и введена система закупок сельхозпродукции по контрактам (20%). В результате в сельском хозяйстве начал работать рыночный механизм, производство зерновых значительно повысилось, соответственно, повышался доход населения, а широкие массы крестьянства преодолели бедность.

В общем введение подворного подряда напоминает первый этап каждой крупной династии в истории Китая, когда крестьянство в ответ на пересмотр налоговой политики отвечало подъемом сельскохозяйственного производства. Такая практика доказала, что освобождение крестьян от диктата государства, введение семейного хозяйствования, осуществляемого на основе производственной ответственности в форме подряда, для китайской действительности оказались весьма действенными. В целом китайское прави-

тельство оказалось «на высоте», поскольку в необходимый для этого момент оно установило прямую связь с земледельцем. Прозрительно оптимальное соотношение традиционного и современного, в результате чего пришел в движение весь государственный и общественный механизм.

Но основная проблема КНР таким образом не может быть решена. Понятно, что стержень аграрной реформы сегодня – это отделение права собственности на землю, которая остается общественной (государственной), от права хозяйствования, закрепляемого за ее пользователем – отдельным крестьянином, семьей, коллективом (по такому же принципу проводится отделение права собственности на предприятия от права управления ими в рамках системы госсобственности). Дальнейшему прогрессу экономики серьезно препятствуют мелкое землепользование, основанное на ручном труде, сокращение пахотного клина (и без того ограниченного), незаинтересованность крестьян в расходах долгосрочного порядка. При этом резко усилилось социальное расслоение в деревне. Проблемы мелкого хозяйствования всплывают сегодня в Китае. В рамках «допущенной» китайским государством свободы тружеников, достигнутые результаты, видимо, являются предельными. И не случайны следующие факты: если индийский крестьянин производит сегодня продовольствия, достаточного для 5 человек, японский – для 22, а американский – для 67, то китайский не может прокормить более 3.

Принципы социалистического общества, которых придерживается китайское правительство – безусловный отказ от крупной частной собственности на средства производства и необходимость усиления социалистического государства, перекрывают пути дальнейшего развития китайского общества, в особенности китайского крестьянства. Эти принципы не позволяют коренным образом изменить систему социально-экономических отношений в обществе, в результате чего сохраняются все традиционные черты восточного государства, описанные в начале нашей статьи. По-прежнему государство как некая всемогущая сила тормозит развитие общества, по-прежнему, но в несколько измененном виде, господствуют принципы власти собственности и существует бюрократический произвол, но китайское государство подходит к новому решающему этапу своей истории.

После крушения социалистической модели модернизации страны постсоветского пространства присоединились к поздней «третьей» волне модернизации. В этой связи Казахстану только предстоит решить целый набор исторических задач на основе созданного индустриального общества, многонационального мира, социально-культурной инфраструктуры, государственности.

Поэтому в настоящее время проблема модернизации казахстанского общества, экономики в рамках его системной трансформации является актуальной. Казахстан нуждается в самоотожествленном модернизационном проекте, который в сжатые исторические сроки сможет реализовать преобразования.

С процессами трансформации сегодня идет объективный процесс глобализации. Для Казахстана очень важно самоопределиться, выработать собственное видение своего места в происходящей глобализации, выстроить соответствующие геостратегические концепции глобализации.

В противном случае мы будем под руководством современных гегемонов монополярного мира ускоренным маршем выдвигаться на периферию современного мирового экономического порядка.

Исторические модели модернизации

Модернизация представляет собой развитие общества, предполагающее процесс перехода от «традиционного», эволюционного общества к «современному», инновационному.

Современное государство называют техногенным, поскольку в его развитии решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций.

В свою очередь традиционное общество представляет собой общество, воспроизводящее себя на основе традиции и имеющее

источником активности прошлое, традиционный опыт.

Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей:

- доминирование традиции над инновацией;
- наличие религиозного или мифологического оправдания традиции;
- цикличность развития;
- авторитарный характер власти;
- преобладание локального над универсальным;
- коллективистский характер культуры.

Важнейшими аспектами модернизации выступают:

- социально-политический;
- экономический;
- культурный.

Социально-политический аспект модернизации связывался с формированием в развивающихся странах западной модели социального устройства, главными принципами которой являются индивидуализм и рыночная экономика.

Социальная модернизация рассматривалась как замена отношений иерархической подчиненности и вертикальной зависимости отношениями равноправного партнерства, построенного на базе взаимного интереса. Наряду с этим неотъемлемым элементом формирования современного общества становилась модификация политических отношений на основе соблюдения прав человека, установления принципа разделения властей, обеспечения свободы слова и всемерного вовлечения граждан в политический процесс.

В экономической сфере стержнем модернизации считалось ускоренное индустриальное развитие, предполагающее использование новых технологий. Ускоренному развитию подлежали все без исключения отрасли экономики.

Культурный аспект модернизации связывался с рационализацией сознания людей на основе научных знаний и с отказом от поведения, основывающегося на традициях. Фор-

мирование нового культурного стереотипа считалось центральным элементом всего процесса модернизации [1].

Наряду с этим существуют типы циклов модернизации:

- традиционный – характерны повторяющиеся циклы, связанные с воспроизводством одних и тех же связей и институтов;
- современный – характерна волнообразная динамика, часто коррелирующая с электральной циклом;
- переходный – характерны периодические изменения существующих политических, социальных, экономических институтов, которые претерпевают радикальную трансформацию.

* * *

Поскольку модернизация осуществляется на основе рационального знания того, как должны измениться существенные черты традиционного общества, есть определенные модели перехода в новое состояние – модели модернизации.

Историческими моделями модернизации являются:

- вестернизация;
- догоняющая или ускоренная модернизация.

Вестернизация рассматривается как процесс перехода от традиционных обществ к современным путем прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ. Инициатором вестернизации выступал сам Запад, формой ее осуществления была преимущественно колонизация.

Отрицательной стороной является то, что вестернизация как революция в мире несла другим народам коренные изменения в политике, социальной сфере, экономике, культуре, Запад при этом не считался с отсутствием готовности и склонности народов вестернизируемых стран к таким переменам.

Наиболее распространенной реакцией на вестернизацию было сопротивление – Российская империя, Оттоманская империя, Китай, Япония, Мексика, – однако при следовании по западному пути. Ответом на вызовы вестернизации называют первую мировую войну, Октябрьскую революцию, фашизм, сталинизм, маоизм.

Результатом уже пройденной вестернизации являются такие страны, как Латинская Америка, Африка, для которых характерно создание демократических структур преоб-

ладающим значением традиционных укладов.

Догоняющая, или ускоренная, модернизация может быть моделью модернизации либо частью процесса модернизации. Ее суть заключается в индустриализации и создании индустриальной культуры. Форма осуществления – политическая демократия, свобода, тоталитаризм – зависит от уровня развития страны, начального старта, степени осознания массами стоящих перед ними экономических задач. Это такие страны, как Россия, Турция, Мексика. Общими причинами, почему эти страны избрали догоняющую модель, является то, что они:

- достаточно велики;
- достаточно развиты;
- имеют опыт независимости и вместе с тем контактов с Западом.

Отрицательной стороной данной модели модернизации выступают:

- потеря традиционной культуры без обретения новой, современной;
- создание «островов», анклавов современной жизни в целом отсталой стране, например: Бомбей (Индия), Стамбул (Турция), Москва и Санкт-Петербург (Россия);
- нарушение социального баланса, которое в итоге может привести к росту социального недовольства.

Таким образом, выбор той или иной модели модернизации в большей степени зависит от внешних и внутренних факторов, которые можно еще рассматривать как «вызовы» и «ответы».

Современные модели модернизации

На современном этапе в качестве моделей модернизации называют:

1. Глобализацию.
2. Модель устойчивого развития.
3. Евразийство.

Глобализация как модель модернизации предусматривает переход от фазы постиндустриального общества к фазе глобального информационного общества. В этой связи информационные технологии выступают важнейшей частью экономики.

Выделяют две возможности для построения информационного общества:

- выступать в качестве потребителя продукции развитых стран;
- быть активным строителем.

В социально-политическом плане глобализация представляет собой систему ценностных ориентаций, являющуюся референ-

ной для большинства западных стран, в политической системе которых доминируют демократия, гражданское общество и горизонтальные связи.

Экономический аспект заключается в том, что хозяйственные системы носят рыночный характер: развиты институты частной собственности, конкуренции, найма труда и прибыли.

Сущность культурной подсистемы составляют индивидуализм и прагматизм.

Центром модернизации в модели «глобализация» выступают США и Западная Европа, каждая из которых модернизировалась различным образом. США – на проектной основе – на новом месте, новыми людьми, воплощая новые принципы. Западная Европа – болезненно, расставаясь со старыми установлениями и традициями.

Глобализация, в рамках которой предполагается универсализация развития по модели центра, вызывает два встречных тренда – антиглобализацию как ее антипод и локализацию, главная задача которой заключается в противостоянии процессам глобализации, в основном культивируя этнонациональные ценности [2], в то время как евразийство и модель устойчивого развития рассматриваются в качестве альтернативы глобализации.

Антиглобализм как международное движение возникло относительно недавно и четко выстроенной идеологии пока не имеет. Движение представляет собой международный конгломерат различных движений, группировок, партий и общественных объединений. В него входят троцкистские, маоистские, анархистские, радикально-экологические течения.

Антиглобализм предполагает установление контроля над глобальными финансовыми потоками, включая налогообложение и надзор за финансовыми потоками ТНК, МВФ, МБРР и т.д.

Самыми крупными антиглобалистскими движениями, действующими в настоящее время, являются:

1. «Глобальное действие людей» (Англия) имеет около 400 филиалов в различных странах мира. Главная задача – дестабилизация ВТО и МВФ – отрицает мировой рынок как систему, порожденную колониаторским сознанием. Метод – проведение массовых беспорядков.

В ее состав входят: латиноамериканские марксисты, исламские социалисты, индийс-

кие и пакистанские аграрные коммуны, филиппинские партизаны, никарагуанские сандинисты, растаманы из организации «Антивавилонское ополчение».

2. Объединение «Аттак». Его лидер – французский фермер Жозе Бове. Цель – списание долга третьего мира и России.

3. «Я-Баста» – воинственное движение, к ним примыкают «Реджинс» (часть бритоголовых, требующих восстановления классовой справедливости и исповедующих полотовскую версию марксизма).

4. «Антикапиталистический блок» или «черный блок» (США), в составе преобладают анархисты [3].

В целом антиглобалистские движения выступают против продолжающейся глобализации экономики, которая превратилась в очевидный инструмент подчинения всего мира интересам США, транснациональных корпораций, выкачивающих из стран третьего мира природные ресурсы и уничтожающих их экологию. В качестве позитивных лозунгов – оказание помощи развивающимся странам и списание их долгов западным странам.

Локализация представляет умеренное крыло всего антиглобалистского движения, цель которого – реформирование социальной и экономической сфер при сохранении, а во многих случаях консервировании традиционной культуры.

Второй моделью либо альтернативой глобализации называют модель устойчивого развития – предполагает изменение способа взаимодействия человека с окружающей его социальной и природной средой путем реформ социальных, политических институтов, т.е. «осовременивание» рассматривается как способность конкретного общества к инновациям, при помощи которых оно осуществляет адаптацию в непрерывно меняющейся окружающей среде.

Выделяют две формы формирования устойчивого развития:

- развитие происходит стихийно, устойчивость которого достигается за счет внутренних резервов;

- развитие проходит планомерно на национальном уровне с использованием политических возможностей, предоставляемых современным национальным государством, и путем реформ, контролируемое, поддерживаемое извне.

Главным принципом в политической модернизации выступают ослабление системы

(государства) и усиление среды (гражданского общества).

Вместе с тем политическая модернизация в рамках модели устойчивого развития также предполагает:

- переход от иерархических к сетевым структурам управления и информационным системам;
- изменение модели политического участия в данной стране – вытеснение политики партий и элит новейшими практиками политического участия;
- внедрение практик гражданского участия на местах;
- государство должно выступать от имени и в интересах общества как целого, не вовлекаясь напрямую в процесс осуществления политики, распределения ресурсов, а лишь поддерживая определенные правила игры между основными участниками;
- реформа демократии – превращение государства в государство национальных гражданских сообществ;
- изменение роли государства в политической системе, значимые позиции должно занять гражданское общество;
- повышение организованности, упорядоченности жизни за счет самоорганизации, а не роста централизации.

В реформировании экономической и социальной сфер предусматривается создание экономической и социальной среды, которая бы обеспечивала доступ к возможностям и ресурсам цивилизации, расширение стабильного участия каждого гражданина в развитии общества, как для нынешних, так и для будущих поколений [4].

Евразийство как альтернатива глобализации пока является теорией, в которой евразийское месторазвитие наряду с естественным фактором – этническим разнообразием населения (включающим европейские и азиатские народы как своеобразный суперэтнос) рассматриваются как особенность. Такое государство, согласно концепции, держится на силе идеи, объединяющей все сферы общества.

Мировой опыт модернизации

Начало модернизационным процессам положил крах феодализма в Европе, послуживший строительству индустриального общества. В одних странах она началась в XVII-XVIII вв. (Англия), в других – с конца XIX в. (Россия).

В первой волне модернизации Запад оказывал двойное влияние:

- предлагал свои идеалы незападным государствам;
- навязывал свои представления как заведомо более высокие.

После первой мировой войны началась «вторая волна» модернизационных процессов – в СССР и колониях европейских государств.

Модернизируемые общества пошли двумя социально-экономическими путями. Первый путь – капиталистический с опорой на механизм рынка, частной собственности. Он стал исторически первым и по нему пошло большинство стран.

Второй путь – социалистический, этим путем с 1917 г. пошла Россия, ставшая Советским Союзом, а затем Восточная Европа, Китай и ряд других стран Азии. Социализм также рассматривался как движение к современному обществу, но осуществленное особым образом – в условиях изоляции.

Но успех модернизационных процессов в странах третьего мира вызвал резкую критику, что послужило причиной появления постмодернизационных процессов.

Основная сущность постмодернизационных процессов заключалась в том, что переход от традиционного общества к современному назывался преобразующим, не требующим отказа от функционирующих институтов и ценностей. В связи с этим постмодернизация рассматривалась как развитие общества на базе собственных культурных оснований.

Постмодернизационные процессы характерны странам Юго-Восточной Азии. До появления среди не западных государств собственных образцов и центров развития, не имитирующих Запад, западная модель развития рассматривалась как путь для других «традиционных» обществ. Модернизация воспринималась как имитация Запада, это была одна из аксиом развития. Однако имитации политических структур в Латинской Америке, Африке не приводили к успешным преобразованиям. Эти общества оказались заполнены люмпенизированными элементами, воспринявшими худшие черты массовых обществ Запада.

Высокие результаты Японии, затем Тайланда, которые были основаны на применении западных технологий и собственной инновационной деятельности при сохранении своих социокультурных основ, способствовали появлению новых центров модернизации в Азии.

В связи с этим модернизационные процессы в Юго-Восточной Азии рассматриваются как «вторую» модель «капиталистического пути».

Отдельные успехи азиатских стран дают некоторые уроки:

1. Успех может быть достигнут при отказе от разрушения собственных особенностей, прежде казавшихся исключительно препятствием развитию, вхождению в современность, обновлению в сторону конкурентоспособности с западными странами.

2. Сближение черт традиционного и современного общества, их взаимодополняемость, включающая в себя ориентацию на новое, но с учетом традиции.

3. Отсутствие предзаданной модели, что позволяет использовать уникальные особенности своих стран.

4. Осуществляемые трансформации закрепили культурные особенности региона и внесли быстрые изменения в экономику и технологии, но социальные преобразования идут более медленными темпами. В частности, формирование гражданского общества, осуществляемое в ходе модернизации, в Японии не решено полностью, но не отброшено [5].

Таким образом, можно построить следующую типологию модернизационных процессов.

1. Страны «первой» волны капитализма – Западная Европа и США.

2. Страны «второй» волны капитализма – Юго-Восточная и Южная Азия.

3. Страны «второй» Европы – Турция, Восточная Европа, Россия, бывшие европейские республики СССР.

Для стран «первой волны модернизации» – Западная Европа и США – характерны следующие тенденции:

- переход к развитию современного типа (Европа), США – на основе опыта Европы, но не путем копирования;

- инновационные механизмы развития;

- быстрый темп и самостоятельный характер развития;

- отсутствие образа будущего как цели.

Основными характерными чертами для стран Юго-Восточной и Южной Азии («тигры») являются:

- источником развития выступают внешние (вызов Запада) и внутренние (экономические проблемы, перенаселенность на малой территории);

- с одной стороны, активно используют инновации, с другой – мобилизующая сила традиции, коллектива, семьи;

- быстрый темп развития, который осуществляется на основе собственной идентичности;

- есть стремление к экономической экспансии в мире, но нет цивилизационного «вызова» в силу внутренней замкнутости.

Особый интерес вызывает опыт модернизации в странах «второй» Европы, получивших такое название в связи с тем, что основные усилия направлены на то, чтобы догнать «первую» Европу. В эту группу входят не западные европейские и евразийские государства (находящиеся на стыке Европы и Азии) – Турция, Россия, бывшие европейские республики СССР и Восточная Европа.

Общим для всех этих стран выступают:

- незавершенность процессов национального строительства;

- наличие наследия авторитарных и тоталитарных режимов;

- во многих из этих стран религия является источником легитимации деятельности и гарантом единства нации;

- существуют противоречия между западными элитами – проводниками западных ценностей – и большинством населения, желающим сохранить традиционный или имеющийся на сегодняшний день уклад жизни;

- ориентированы на Запад, воспринимают контакты с Востоком как вынужденные;

- существуют противоречия, определяемые преувеличенным представлением о собственном уровне развития;

- модернизация осуществляется с преобладанием мобилизационных, а не инновационных усилий;

- замедленные темпы развития;

- собственные потребности развития в этих странах складываются в результате сравнения себя с США и Западной Европой.

Таким образом, анализ истории модернизации в странах Западной Европы, Юго-Восточной Азии и стран «второй» Европы позволяет построить схему преобразований.

Как известно, в истории модернизации самого Запада решающую роль сыграли культурные сдвиги – Ренессанс, Реформация и Просвещение. Институты стали продуктом новых ценностей, но, будучи построенными, они стали способствовать воспроизводству новых ценностей.

В этой связи процесс модернизации на Западе можно представить в виде следующей

схемы: влияние культуры, ценностей – институционализация – воспроизводство ценностей – интерес к утраченным в ходе модернизации базовым ценностям – возможно, создание новых институтов.

Странам Юго-Восточной Азии соответствует следующая схема: старые ценности – институты современности. В то время как

для государств «второй» Европы возможны два варианта развития:

1. Институты современности – синтез старых и новых ценностей.
2. Институты современности – новые ценности.

Продолжение следует

Литература

1. Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Эволюция парадигмы социальной модернизации // http://www.prof.msu.ru/PC/personsk_system.htm; Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: РАН Институт философии, 1993. – 354 с.
2. Забирова А.Т. Глобальные и локальные характеристики казахстанского общества // Саясат, 2001. – №12. – С. 26–30(26).
3. Тастенов А.Ж. Антиглобалисты: мировая оппозиция или новые террористы // Саясат, 2001. – №12. – С. 48–49.
4. Глушенкова Е.И. Проблема формирования политической модели устойчивого развития России // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки, 2002. – №2. – С. 63–76(67–70).
5. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы // http://www.philosophy.ru/iphras/library/fedot_mod.html

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см. со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (Word, Excel).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку. Автор (ФИО), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [...] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

МИРОВОЙ ОПЫТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СУБЪЕКТ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(Окончание, начало статьи в №2)

Искаков Н.А.

Верной представляется позиция ученых, считающих, что в республике необходимо формирование смешанного общества на базе континентальной модели распределения доходов, которая исходит из ведущей роли государства. Она разрешает противоречия между рынком и социальной справедливостью осуществлением принципа социальной политики: «сильное предпринимательство определяет размер и качество национального пирога, а государство – уровень жизни и справедливость распределения материальных благ» [8].

Пенсионное обеспечение занимает в социальной политике любого государства важное место. Оно является вторым (после заработной платы) источником дохода, систему которого регулирует государство.

В западноевропейских странах пенсионное обеспечение делится на три уровня (трехуровневая система) [9]. В рамках первого уровня (государственного пенсионного обеспечения) выделяются основная и дополнительная пенсии. Право на основную пенсию в размере около 20% от прежнего заработка или в виде фиксированной суммы предоставляется всем гражданам, независимо от стажа работы. Для получения дополнительной пенсии требуется длительный трудовой стаж (30–40 лет), который обеспечивал бы так называемый «пенсионный фонд» за счет взносов работодателей. Основная и дополнительная пенсии достигают примерно 70% доходов работника до выхода на пенсию [10].

Второй уровень призван обеспечить достойную старость. Этим уровнем пенсионного обеспечения считаются негосударственные, частные пенсионные фонды, которые создаются в основном в рамках профсоюзов или крупных компаний и организаций и формируются в основном за счет взносов работодателей. Государственная поддержка этих фондов сводится, как правило, к льготному налогообложению взносов. При широком

развитии государственного обеспечения, как, например, в скандинавских странах, роль негосударственных и частных пенсионных фондов невелика.

Третьим уровнем выступает индивидуальное пенсионное страхование как один из видов личного страхования.

Применяются две системы финансирования расходов по пенсионному обеспечению. Первая система – это выплата пенсий за счет текущих взносов по пенсионному страхованию (солидарная система). Эта система является наиболее распространенной. Так, из 58 членов Международной организации труда ее применяют 44 страны.

Пенсионные системы, применяющие покрытие текущих расходов из текущих поступлений, относятся к группе нефондируемых, в отечественной практике их обычно называют распределительными. В такого рода системах финансовое обеспечение целиком зависит от того, удастся ли аккумулировать средства в объеме, требуемом в данный момент времени. Вместе с тем эти системы отличает относительная простота управления, поскольку нет необходимости систематически работать с крупными инвесторами. В них реализуется принцип солидарности поколений: работоспособное, более молодое поколение несет на себе бремя поддержки старшего поколения, которое в основном уже не может трудиться. Однако из-за старения населения и увеличения удельного веса пенсионеров финансирование пенсионных расходов за счет текущих пенсионных взносов в развитых странах становится все труднее. Чтобы обеспечить сохранение высокого уровня поступлений средств в пенсионные фонды, приходится увеличивать взносы со стороны работодателей. В этой связи во многих западных странах доля работников, участвующих в формировании пенсионных фондов, значительно снизилась, так, например, во Франции – до 13%, в Австрии – до 14%.

Вторая система финансирования – это создание специальных фондов (резерва), обеспечивающего все пенсионные выплаты в настоящем и будущем.

В государственной пенсионной системе все чаще применяется практика, типичная для частных пенсионных фондов, – государственный пенсионный фонд превращается в финансовый институт, осуществляющий инвестиционные и другие виды финансовых операций и использующий доход для выплаты пенсий. Например, в Швейцарии, доходы от инвестиций формируют примерно 25% текущих поступлений в пенсионные фонды. Подобные фонды постепенно превращаются в основных игроков финансового рынка. Так, на пенсионный фонд Швеции вплоть до недавнего времени приходилось около 40% предложения кредитных ресурсов на финансовом рынке страны.

Второй способ финансирования реализован в фондируемой или накопительной системе. Она основана на выплате пенсий из накопленного в этих целях денежного фонда. Именно такие пенсионные системы с полным правом можно назвать пенсионным фондом.

Распределительная и накопительная системы представляют собой два полюса в многообразии пенсионных систем и могут действовать параллельно, независимо друг от друга или взаимодополняя друг друга.

Обратимся теперь к чилийскому опыту пенсионного обеспечения [11]. Старая пенсионная система в Чили в 1981 г. была приватизирована. Основные черты новой чилийской системы:

1) финансирование производится путем вычета 10% заработной платы в качестве пенсионного взноса (саму заработную плату при этом должны были повысить на 18%);

2) деньги каждого участника системы зачисляются на индивидуальный счет, открытый в одной из пенсионных компаний, и три раза в год он получает отчет о его состоянии (взносы, проценты, выплата пенсий);

3) в системе отсутствуют элементы социального обеспечения, наличие только само-страхование.

Необходимо отметить, что в западноевропейских странах осуществляется перестройка пенсионной системы, направленная на то, чтобы заинтересовать работника в более продуктивном труде и более продолжительной трудовой деятельности ради достойной пенсии в будущем. Во Франции и Италии, например, они в значительной мере

фрагментарны и дифференцированы: организационные структуры специализированы по отдельным направлениям системы социального обеспечения и защиты (кроме служб по выплате пособий безработным). Во Франции действуют четыре национальных кассы (медицинского страхования, семейных пособий, пенсионного страхования и банковского обеспечения всей системы), в Италии, соответственно, – национальные институты социального страхования, пенсионного обеспечения, социальной безопасности и др. В Италии имеются и такие структуры, аналогов которым в других странах нет. Это, в частности, Институт для менеджеров промышленных предприятий – фактически «общак» для крупных менеджеров, страхующий их от возможных превратностей судьбы при утрате своего социального статуса. Это также Касса солидарности, предназначенная социально поддерживать предприятия, осуществляющие реконструкцию производства: через нее выплачиваются пособия (до 80% заработной платы) лицам, не имеющим в реконструкционный период работы, выделяются средства для оплаты частично занятых, для переподготовки кадров и увеличения пенсий потерявшим работоспособность до достижения пенсионного возраста. ЕС критикует данную систему как нерыночную, однако в Италии отказываться от нее не собираются.

Налицо и существенные страновые различия в механизме финансирования социальных выплат. Так, во Франции сбором социальных отчислений занимается государственный орган – Национальная касса банковского обеспечения системы и государство имеет два бюджета (общий и социального обеспечения и защиты), управляемые отдельно. В 1991 г. для покрытия накопившегося дефицита по социальной сфере был введен специальный социальный налог – отчисления со всех доходов (первоначально он составлял 1%, а затем был увеличен до 3,5–10%, что позволило снизить отчисления с заработной платы с 20% до 15%). На социальные нужды идет и фиксированная часть налогов на спиртные и табачные изделия, рекламу фармацевтических изделий, а также часть стоимости страховки автомобилей.

Из всех западноевропейских стран только в Италии принято (1995 г.) решение о рекомандуемом ЕС переводе пенсионного обеспечения на индивидуальную накопительную систему, причем завершить данный переход предполагается через 40 лет. В Ав-

стрии и Германии, несмотря на традиционное сходство социально-экономического развития, социальные модели существенно различаются. Так, в Австрии, где в области страхования от несчастных случаев действовал дифференцированный по группам предприятий тариф, в 50-х годах дифференциация была отменена и был введен единый тариф.

Еще одной составляющей политики социальной защиты населения является государственная поддержка беднейших слоев населения. Во многих странах эта система строится на основе адресных денежных и натуральных пособий, которые служат амортизатором многих негативных последствий рыночного развития.

Для адресного определения категорий населения, которым необходима государственная поддержка, используют пороговые показатели, определяющие уровень бедности. Сама бедность измеряется величиной прожиточного минимума. Во многих странах организация поддержки беднейших слоев населения сопровождается различными процедурами проверки лиц, нуждающихся в такой помощи. Критериями проверки выступают уровень дохода, размеры личного имущества, состояние здоровья, семейное положение и т.д.

Политика занятости и регулирование рынка труда – еще одна многоплановая область социальной экономики. Анализ практики трудовых отношений в различных странах позволяет выделить три основные модели функционирования рынка труда: европейскую (континентальную), англосаксонскую и китайскую.

Для первой характерен высокий уровень правовой защищенности работника, жесткие нормы трудового права, ориентированные на сохранение рабочих мест, отраслевое (регионально-отраслевое) тарифное регулирование, относительно высокий законодательный уровень оплаты труда и сравнительно небольшая ее дифференциация. Эта модель воспринимается экспертами Международной организации труда как некий идеал. Более того, в политике западноевропейских стран на рынке труда можно выделить макроэкономический компонент и собственно политику занятости. Макроэкономический компонент предполагает регулирование рынка труда как часть антициклического и структурного регулирования в целом. Политика занятости включает активные и пассивные мероприятия экономического, правового и административного характера, направленные

на создание новых рабочих мест и трудоустройство отдельных категорий работников, например, переобучение, квотирование рабочих мест для молодежи, трудовая реабилитация инвалидов и т.д.

В большинстве западных стран на активные мероприятия, главным образом, на создание новых рабочих мест и переквалификацию приходится 25–30% всех расходов, осуществляемых в рамках политики на рынке труда; в Швеции, например, в начале 90-х годов эта цифра приближалась к 70% [12]. Остальные средства расходуются на выплату пособий по безработице. Грань между пособиями по безработице и бедности в западных странах весьма размыта. Так, через 1–2 года проживания на пособие по безработице многие работники переходят в категорию малообеспеченных и начинают получать новое пособие, неограниченное по сроку.

Англосаксонская модель характеризуется сходством трудового и гражданского права и свободой работодателя в вопросах найма и увольнения; преобладанием индивидуалистско-договорных отношений на уровне предприятия, фирмы, а не отрасли или региона; повышенной мобильностью рабочей силы; более высокой дифференциацией оплаты труда при существующих ограничениях на применение законодательно устанавливаемого минимума его оплаты (в США такой минимум необязателен для предприятий с годовым доходом менее 500 тыс. долл., в Великобритании минимум оплаты труда был установлен лишь с приходом к власти лейбористского правительства в 1997 г.). Эта модель способствует созданию новых рабочих мест, уменьшению безработицы, более высоким темпам экономического роста. Но при этом в ней существует значительный слой «работающих бедняков», трудовой доход которых не обеспечивает минимального потребительского стандарта и нередко он меньше социального пособия.

Китайская модель является двухсекторной и сочетает жесткое регулирование трудовых отношений «государственно-социалистического» типа (формально сходное с европейской моделью, но отличающееся от нее отсутствием в Китае свободных профсоюзов) в государственном секторе, с полным отсутствием правового регулирования в частном и концессионном секторах, где господствуют отношения, напоминающие раннекапиталистические. Такая модель устойчива в начальной стадии индустриализации, при ав-

торитарном политическом режиме, исключаящем развитие рабочего движения и при избытке трудовых ресурсов.

Для японской модели рынка труда, полярно противоположной американской, присущи: жесткое государственное регулирование, особенно во внешнеэкономической деятельности (профессиональная дискриминация для иностранных граждан и др.), развитые внутренние рынки труда, для которых характерны высокий уровень внутрифирменных инвестиций в человеческий капитал, коллективизм («управление на основе сотрудничества», система пожизненного найма для значительной части работников), хорошая социальная защита (забота фирм, корпораций о своих работниках, пожизненная опека). При этом в стране поддерживается низкий уровень безработицы в пределах 2–3%. Трудовые отношения регулируются на уровне предприятий, где имеются развитые профсоюзные организации. В Японии часовая стоимость труда рабочих намного выше, чем в других странах. Высокая производительность труда и конкурентоспособность продукции на мировом рынке обусловлены не дешевой рабочей силой, а растущей квалификацией и организованностью, что хорошо оплачивается японскими фирмами. Многие другие страны, в том числе США, достигают этих результатов за счет дешевой рабочей силы и добиваются значительно меньших успехов, чем Япония.

Таким образом, рынок труда, подчиняясь в целом законам спроса и предложения, основными регуляторами имеет как макроэкономические, так и микроэкономические, социальные и социально-психологические факторы, которые не всегда отражаются в заработной плате. Необходимо учитывать, что главным фактором спроса, влияющим на динамику занятости, является состояние экономической конъюнктуры, фаза экономического цикла.

На основании вышеизложенного можно предложить базовые принципы проведения политики преобразования социальной сферы в субъект рыночных отношений. Это:

- **системность** — многоукладность, многоуровневость, вариативность социальной сферы;

- **преимущество** — между различными уровнями (ступенями) отраслей социальной сферы, при этом каждая из них должна быть оконченной и обладать своей системой критериев (индикаторов) оценки;

- **доступность** — обеспечение равенства возможностей для всех граждан на получение услуг со стороны учреждений социальной сферы независимо от социального происхождения, уровня доходов, пола, возраста, этнической принадлежности;

- **эффективность** — для ее оценки разрабатывается шкала критериев, включающая: оценку качества предоставляемых социальных услуг; чуткость к конъюнктуре рынка, реалиям времени; степень технической оснащенности; соблюдение национальных стандартов, соответствующих в основных параметрах международным стандартам; конкурентоспособность; оптимизацию управления отраслями социальной сферы; повышение эффективности системы финансирования; рассмотрение возможности введения системы подушевого финансирования в образовании, здравоохранении; создание единой институционализированной системы контроля со стороны общества и государства за качеством предоставляемых социальных услуг; механизм аудита качества социальных услуг;

- **относительная самостоятельность**, включающая автономию учреждений социальной сферы в административных, организационно-финансовых, методических вопросах в рамках своей компетенции посредством создания соответствующей нормативно-правовой базы; внедрения института выборности в системе образования (ректоров вузов); создание советов и попечительских фондов в отраслях образования, здравоохранения, культуры;

- **инновационность** — открытость новшества, передовым технологиям и методикам; динамичность, чуткое реагирование и восприимчивость к изменениям на рынке социальных услуг и запросам общества; креативность и стремление к совершенствованию;

- **интегрированность в мировое пространство**, включающая расширение практики обучения казахстанцев за рубежом по наиболее передовым направлениям отраслей социальной сферы; участие в совместных международных научно-исследовательских проектах.

В числе основных закономерностей процесса адаптации социальной сферы рыночным отношениям следует обозначить:

Во-первых, проведение реструктуризации экономики отраслей социальной сферы. Здесь основными стратегиями могут быть:

- переход к многоканальной альтернативной системе финансирования социальной

сферы, предполагающей участие как государства, так и работодателей (государственный заказ, заказы фирм, учреждений, отраслей, советы попечителей, конкурсные проекты и т.п.). Например, путем введения социальных налогов, допустим, на «ученичество» на предприятиях базовых отраслей экономики в виде 0,5% от фонда заработной платы, на которые они объявляют конкурс на стипендии и обучают студентов по специальностям, в которых нуждаются, и отбирают на них путем прямого открытого конкурса, гарантируя трудоустройство;

- введение бюджетного подушевого нормативного финансирования отраслей образования, здравоохранения, культуры в объеме минимальных требований государственного стандарта. Дополнительные социальные услуги оплачиваются из альтернативных источников;

- стимулирование негосударственных инвестиций в социальную сферу, в том числе путем предоставления установленных законодательством налоговых и иных льгот для юридических и физических лиц, участвующих в развитии учреждений социальной сферы;

- обеспечение прозрачности финансирования государственных и негосударственных учреждений социальной сферы. Формирование механизма транспарентности и контроля эффективности расхода средств;

- развитие предпринимательской деятельности учреждений социальной сферы.

Во-вторых, формирование рыночной конкурентной системы на всех уровнях социальной сферы, что предполагается достичь за счет:

- создания единого правового пространства функционирования и развития учреждений социальной сферы различных форм собственности;

- формирования учебно-производственных комплексов на основе долгосрочных контрактов предприятий и организаций с учебными заведениями на подготовку и переподготовку кадров;

- финансовой самостоятельности государственных и негосударственных учреждений социальной сферы, установление для них единого правового статуса и режима;

- достижения равенства государственных и негосударственных учреждений социальной сферы по отношению к государственному заказу и финансированию на основе конкурентного распределения данных ресурсов;

- повышения качества социальных услуг в негосударственных учреждениях социальной сферы путем приведения их деятельности в соответствие с требованиями государственных стандартов;

- разработка системы мер и механизма государственного регулирования рынка социальных услуг.

В-третьих, проведение реструктуризации и оптимизация размещения учреждений социальной сферы.

Как известно, в административной экономике они размещались в соответствии с логикой плановой централизованной системы. Поэтому, на наш взгляд, при формировании политики адаптации социальной сферы требованиям рыночной экономики необходимо учитывать следующие возможные стратегии:

- приведение территориальной структуры и размещения учреждений социальной сферы в соответствие с общегосударственными и региональными потребностями рынков труда, социальных услуг;

- разработка программ дифференциации учреждений социальной сферы в соответствии с потребностями на общереспубликанские, отраслевые, региональные.

В-четвертых, реформа системы управления, создание механизма стратегического планирования и контроля.

Здесь стратегиями могут быть:

1. На общегосударственном уровне:

- формирование новой правовой базы регулирования и развития социальной сферы в целом;

- создание системы мониторинга и прогнозирования государственных потребностей на рынке социальных услуг, информационно-управленческой и научно-методической баз данных, системы информационного обеспечения учреждений социальной сферы.

Это требует внедрения:

- маркетинговых технологий в целях согласованных действий и взаимоотношений субъектов рынка социальных услуг — учреждений социальной сферы, организаций-потребителей, общественности, органов государственного управления;

- практики периодического пересмотра государственных стандартов в ряде отраслей социальной сферы (образование, здравоохранение) в соответствии с результатами мониторинга;

- разработка и внедрение системы оценки и контроля качества социальных услуг, его соответствия государственным стандартам

на всех ступенях и уровнях в масштабах страны и регионов;

- формирование государственного заказа в социальной сфере в рамках государственных грантов и кредитов;

- перераспределение полномочий управления социальной сферой между центральными государственными органами, отраслевыми министерствами, регионами, местными государственными органами и органами самоуправления.

2. На уровне учреждений социальной сферы:

- введение маркетинга социальных услуг;
- разработка и реализация пакета мер, способствующих самостоятельной деятельности и привлечению финансовых ресурсов из различных источников.

В-пятых, проведение сильной социальной политики в социальной сфере, что предполагает повышение заинтересованности работников социальной сферы в проведении реформ, способствующих ее адаптации рыночным отношениям (как известно, результаты реформ в социальной сфере не имеют быстрой отдачи, они сказываются через длительное время, поэтому многие могут не осознавать их необходимости). В этом направлении можно использовать следующие стратегии:

- разработка механизмов поэтапного повышения оплаты труда работников социальной сферы за счет реформы расчетов тарифной сетки, системы надбавок и доплат, в том числе педагогическим работникам, постоянно повышающим квалификацию, а также исчисления заработной платы за счет непрерывного стажа работы в социальных учреждениях;

- разработка и реализация комплекса мер по социальной защите и поддержке работников учреждений социальной сферы в сельской местности;

- создание и реализация условий для получения социальных услуг детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей, детьми-инвалидами и детьми из малообеспеченных семей;

- придание параметрам социального обеспечения адресного характера и гарантий возможности получения социальных услуг для малообеспеченных категорий населения, например, малообеспеченных семей;

- усиление ответственности центральных и местных государственных органов за своевременное перечисление бюджетных средств в социальную сферу, в том числе за счет создания механизма возмещения работникам этой сферы ущерба в случае задержек выплаты заработной платы.

Литература

8. Кошанов А.К., Рамазанов А.А., Шевченко В.В. и др. Смешанная экономика: трансформационная модель развития Казахстана. Алматы, 1997. — С. 42.
9. Четыркин Е., Кабалкин С. Мировой опыт реформирования пенсионных систем: уроки для России. — 2000. — №8.
10. Здесь и далее статистические данные по западноевропейским странам см.: Нестеренко А. Социальная рыночная экономика: концептуальные основы, исторический опыт, уроки для России // Вопросы экономики, 1998. — №8. — С. 78–79.
11. Бекишева А. Использование положительного опыта чилийской модели в реформировании пенсионной системы Казахстана // Аль Пари, 2000. — №5.
12. Нестеренко А. Социальная рыночная экономика: концептуальные основы, исторический опыт, уроки для России // Вопросы экономики, 1998. — №8. — С. 78.

ТРАНЗИТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОСТОЯНИЕ, ВОЗМОЖНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

(Окончание, начало статьи в №2)

Гусева Л.Ю., Смирнов С.Л.

Воздушный транспорт

В распоряжении гражданской авиации Казахстана имеется около 50 тыс. км авиалиний и работают 52 авиакомпании, включая международные. Причем только 38 авиакомпаний имеют собственный парк воздушных судов, остальные компании осуществляют свою деятельность на арендуемой технике. В республике действует 21 аэропорт (к международным авиалиниям по временной схеме допущены 15 аэропортов). Однако техническое оснащение большинства из них находится на низком уровне и не отвечает международным требованиям. Действующие основные фонды в целом изношены. Недостаточен объем капиталовложений в развитие материально-технической базы вследствие нехватки средств.

Одним из стабильно работающих предприятий отрасли гражданской авиации остается РГП «Казэронавигация». Объем полетов через воздушное пространство Казахстана в настоящее время составляет около 100 тысяч воздушных судов в год, из них более половины приходится на транзит. Доходы от аэронавигационного обслуживания в 2000 году увеличились почти на 20,8% относительно предшествующего года и составили 7,3 млрд тенге. Расходы составили 4,2 млрд тенге. Соответственно был получен положительный финансовый результат в размере 3,1 млрд тенге [11]. Отмеченный прирост обусловлен обслуживанием преимущественно иностранных авиакомпаний.

Состояние активов авиапарка. Анализ текущего состояния летного парка страны показывает, что он состоит из изношенных (средний возраст воздушных судов 20,5 лет, средний ресурс — 25 лет) [12] и морально устаревших самолетов, 60% которых простаивает в ожидании ремонта из-за отсутствия двигателей и необходимости продления межремонтных ресурсов. Общее количество воздушных судов составляет 603 единицы, в том числе 526 самолетов (из них 343 — самолеты типа Ан-2) и 77 вертолетов. В

настоящее время из общего количества воздушных судов исправных самолетов — 37%, вертолетов — 59% [13]. При ресурсе планов, равном 25 годам (назначается заводскими-изготовителями), износ парка воздушных судов в Казахстане составляет более 90%.

В эксплуатации находятся в основном неконкурентоспособные на международных воздушных линиях воздушные суда советского производства. Наблюдается дефицит воздушных судов, соответствующих по своим технико-экономическим параметрам современным требованиям. Обновление парка воздушных судов фактически не происходит. В целом, по экспертным оценкам, технический ресурс самолетов советского производства приближается к критическому и начинает остро ощущаться дефицит провозной мощности авиапарка. По всей видимости, он будет заполняться компаниями США и Западной Европы.

Что касается национального авиаперевозчика, то его техническая и экономическая деятельность в рамках переоснащения летного парка, обусловленная низким уровнем финансового и практическим отсутствием технического менеджмента (сопровождавшаяся увольнением большого количества квалифицированных кадров), вступает в противоречие с интересами пассажиров. Затянувшееся преобразование в гражданской авиации Казахстана ввели всю отрасль в глубокое пике [14].

Рынок авиационных перевозок постоянно сужается. Основная причина спада — снижение платежеспособного спроса потенциальных юридических и физических потребителей, рост цен на услуги воздушного транспорта в связи с постоянным увеличением стоимости потребляемых материально-технических ресурсов. Многочисленные источники указывают на то, что от 20 до 30% падения объема работ произошло в связи с дезинтеграцией в авиатранспортном комплексе. Одной из причин снижения перевозок явилось также решение о

перевозе всех рейсов между бывшими республиками в разряд международных, что повлекло за собой их массовое сокращение. Между столицами республик полеты уменьшились в 3–5 раз, а между отдельными городами и вовсе прервались. Сейчас государства СНГ не могут оперативно вводить рейсы между собой, как это было раньше, а только по двусторонним межправительственным соглашениям, процесс подписания и реализации которых носит длительный характер.

Транзитные воздушные маршруты

Над территорией Казахстана пролегают наиболее выгодные по протяженности маршруты между Европой и Юго-Восточной Азией. Республика Казахстан имеет 71 воздушную трассу со странами СНГ, из них:

- Россия – 26 воздушных трасс;
- Узбекистан – 32 воздушные трассы;
- Кыргызстан – 8 воздушных трасс;
- Туркменистан – 2 воздушные трассы;
- Азербайджан – 3 воздушные трассы.

Загруженность воздушных коридоров со странами СНГ неравномерна. Одним из самых загруженных является коридор на границе Республики Казахстан с Российской Федерацией в районе Уральска, где в сутки проходит до 70–74 воздушных судов. С другими странами СНГ загруженность воздушных коридоров оставляет от 10 до 25 воздушных судов в сутки. Основной поток приходится на полеты из Европы в страны Юго-Восточной Азии и обратно.

Транзитные воздушные маршруты Казахстана являются выгодными для иностранных авиакомпаний, выполняющих полеты между Европой и Юго-Восточной Азией, так как позволяют значительно сократить протяженность маршрутов. Основными транзитными маршрутами иностранных авиакомпаний через воздушное пространство Республики Казахстан (по которым проходит до 2/3 всего транзитного авиапотока) являются следующие:

- «АРИСА-САРИН» (запад-восток через Уральск на Китай);
- «АРИСА-ОДИВА» (запад-юг через Уральск на Узбекистан);
- «АЗАБИ-ТИРОМ» (запад-юг через Атырау на Туркменистан).

Из Казахстана в страны СНГ выполняет 3 484 рейса в год, из них доля казахстанских авиакомпаний составляет 39% (1 352 рей-

сов). Сорок пять процентов рейсов выполняется (1 568 рейсов) авиакомпаниями России и 16% авиакомпаниями Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Азербайджана и Кыргызстана. По странам дальнего зарубежья выполняются 2 548 рейсов в год, в том числе 1 612 рейсов или 63% приходится на долю авиакомпаний Казахстана, 18% приходится на долю авиакомпаний Германии и 29% – на авиакомпании Ирана, Турции, Нидерландов и Китая.

Открыты дополнительные воздушные коридоры на границе Казахстана и сопредельных государств (Китай, Азербайджан, Узбекистан). Общее количество воздушных коридоров, обеспечивающих международное транзитное и межгосударственное воздушное сообщение, увеличилось с 56 в 1998 г. до 73 в 2000 г. Протяженность международных воздушных трасс составляет 45 000 км. Это позволило получить дополнительно доходов на сумму более \$3 млн.

Вместе с тем транзитные возможности воздушного пространства республики в настоящее время используются менее чем на 20%. В целом транзитный потенциал воздушного пространства страны, по данным экспертов, оценивается в \$200 млн в год (сейчас удается получить лишь около 33 млн) [15].

Учитывая тот факт, что маршруты с использованием Транссибирского воздушного коридора России длиннее и дороже в сравнении с возможными новыми маршрутами, проходящими с максимальным использованием воздушного пространства Казахстана и других центральноазиатских государств, а трассы, проходящие южнее Центральноазиатского региона, имеют существенный недостаток из-за неполного радиолокационного контроля, при выполнении ряда мероприятий по привлечению перевозчиков достаточно реально рассчитывать на значительное увеличение транзита через воздушное пространство Казахстана.

* * *

В целом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в среднесрочном периоде, при сохранении сложившейся ситуации, развитие транзитных авиаперевозок отечественными компаниями будет незначительно, что обусловлено, в первую очередь, неудовлетворительным техническим состоянием авиапарка республики. Вместе с тем на рынке авиауслуг вполне воз-

можно ожидать еще большее возрастание доли иностранных авиаперевозчиков, что в целом не позволит в полном объеме реализовать транзитный авиапотенциал.

Водный транспорт

Водный транспорт Казахстана представлен предприятиями речного и морского транспорта, осуществляющими перевозки грузов и пассажиров, переработку грузов в речных и морских портах. По объему грузооборота водный транспорт занимает третье место. Внутренним водным транспортом Казахстана в 2000 г. перевезено грузов в 1,9 раза больше, чем в предыдущем.

Морской транспорт

Поскольку Республика Казахстан – внутриконтинентальная страна, то в общем объеме ее перевозок участие морского транспорта составляет доли процента. Однако исследования потенциальных грузопотоков показывают, что к направлению на страны Прикаспия, Персидского залива, Юго-Восточной Азии тяготеет от 20 до 40 млн тонн груза. В водном транспорте Казахстана основной транзитный грузопоток идет через порт Актау – важный ключевой пункт для смешанных железнодорожно-водных перевозок на Иран и Закавказье, а через систему рек и каналов – на европейские страны.

Порт Актау обеспечивает экспортно-импортные связи Казахстана с Россией, Закавказьем (около 80%), Ираном, а через Иран со странами Ближнего и Среднего Востока. С развитием экономических связей между Прикаспийскими странами – Казахстаном, Закавказьем, Средней Азией, Ираном и Россией – увеличивается значение порта как основного узла транспортного коридора ТРАСЕКА.

В настоящее время порт Актау имеет следующую инфраструктуру:

- 12 причалов: 4 нефтеналивных, 4 сухогрузных, паромный (пассажирский и 2 вспомогательных). Общая длина причального фронта составляет 1 570 метров;

- мощность порта по нефтеналивным грузам увеличена до 8 млн тонн в год, по сухим грузам – до 1,5 млн тонн в год, в том числе по насыпным – до 300 тыс. тонн в год и контейнерам – до 24 тыс. тонн в год;

- завершается реконструкция паромного комплекса, с его вводом в эксплуатацию ожидается рост перевалки за счет перевозки грузов на пароме железнодорожными составами;

• со второй половины августа 2001 г. открыта еще одна линия паромов типа РО-РО на Иран.

Специалисты Актауского порта отмечают, что с введением регулярных паромных линий у Казахстана появится возможность привлечения значительной части транзитных грузопотоков из стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, ориентированных на Европу и в настоящее время проходящих по южным маршрутам через Суэцкий канал.

Открытие паромного терминала в Актау позволяет Казахстану также создать серьезную альтернативу так называемому южному коридору международной транспортной системы ТРАСЕКА, проходящему по территории Туркменистана.

Устойчивое паромное сообщение с портами Нушахр, Астрахань и Баку, а также развитие контейнерного терминала в Актау в обозримой перспективе открывает обширные возможности для привлечения новых транзитных грузопотоков, которые движутся через Туркменистан между Юго-Восточной Азией, Китаем, Ираном, арабскими странами и Европой.

Чтобы увеличить насыщенность новых линий, в Актау планируют переориентировать транспортные потоки с порта Туркменбаши (где в основном идет перевалка контейнерных, крупных негабаритных грузов, стройматериалов и ТНП) на северное направление, используя механизмы благоприятного тарифного режима при железнодорожной доставке и перевалке в казахстанском порту.

Наряду с тарифными факторами, у альтернативного туркменскому северному маршрута ТРАСЕКА, проходящего по Казахстану, с открытием новых транскаспийских коридоров через Актау появляется ряд преимуществ.

Во-первых, открытие железнодорожного паромного комплекса Актау–Баку–Актау расширяет список перевозимых по этому направлению грузов.

Во-вторых, политический климат и таможенный режим в Казахстане значительно либеральнее по сравнению с Туркменистаном.

Росту грузопотока через Актау с юга, очевидно, будет способствовать также завершение строящейся в Узбекистане железнодорожной ветки Учкудук–Нукус, что позволит привлечь в казахстанский порт дополнительные грузы из республик Центральной Азии. Участие порта Актау в транзите этих транспор-

тных потоков позволит полноценно задействовать транспортную инфраструктуру западных областей страны, где после распада Советского Союза значительно упала активность всех видов перевозок.

По состоянию на начало 2001 г. основной объем экспортоориентированных грузов, проходящих через порт, транспортируется в направлении Ирана.

За шесть месяцев 2001 года объем перевалки грузов РГП «АМТП» составил 2 831,9 тыс. тонн, что на 45,6% больше соответствующего периода предыдущего года. В результате роста объема перевалки грузов доходы порта составили 1 595,7 млн тенге, что в 2,0 раза больше доходов, полученных за аналогичный период прошлого года. Расходы предприятия увеличились на 35,5% и составили 812,7 млн тенге. В итоге в 1 полугодии 2001 года получена балансовая прибыль в сумме 783,0 млн тенге, что на 566 млн тенге больше результатов соответствующего периода 2000 года [16].

Значительную конкуренцию Актау составляет Астрахань (в перспективе и строящийся российский порт Оля, который позволит ежегодно перерабатывать еще 8 млн тонн груза). Развитие порта Оля должно обеспечить скорейшее вхождение Астраханской области в международный транспортный коридор «Север-Юг». В настоящее время на этот маршрут переориентируются грузопотоки с традиционных путей вокруг Европы, а также транспортного коридора ТРАСЕКА. Следует иметь в виду, что развитие Астраханского транспортного узла как южных ворот коридора «Север-Юг» определяется Россией как одна из главных стратегических задач — становление его как центра на самых коротких и экономически выгодных европейско-азиатских маршрутах. В частности, этим объясняется стремление России восстановить транспортно-экономические связи с Ираном: если в 1994 г. перерабатывалось 186 тыс. тонн груза, то уже через пять лет этот объем был доведен до 1 100 тысяч.

В настоящее время практически весь поток грузов через Актау осуществляется судами, принадлежащими парокорствам России и Азербайджана. Развитие морских транзитных перевозок требует создания собственного морского флота.

Создание собственного казахстанского морского флота является не только чисто экономической задачей, но имеет также большое политическое и стратегическое значе-

ние. Приобретение и дальнейшее использование судов смешанного плавания выдвигает Казахстан на более выгодные позиции как в Каспийском регионе, так и в регионах Черноморского и Средиземноморского бассейнов. В перспективе предполагается осуществление перевозок казахстанских грузов по внутренним водным путям России через каналы:

- Волго-Донской с выходом в Черное и Средиземное моря по направлениям:
 - на коротком плече — с расчетом на Турцию; с аналогичными показателями могут осуществляться перевозки на порты Болгарии, Румынии, Греции;
 - на длинном плече — с расчетом на Италию (порты Равенна, Маргера), с аналогичными или близкими показателями могут осуществляться перевозки на Геную и другие порты Средиземноморья;
 - Волго-Донской и Волго-Балтийский с выходом в Балтийское море по направлениям:

- на коротком плече — с расчетом на Прибалтийские порты; с аналогичными показателями могут осуществляться перевозки на порты Польши, Финляндии;
- на длинном плече — с расчетом на Германию; с аналогичными или близкими показателями могут осуществляться перевозки в Великобританию и Голландию.

Речной транспорт представляет определенный интерес по реализации задачи развития транзита по территории республики. Главной судоходной рекой республики, по которой осуществляется основной грузопоток речным транспортом внутри Казахстана (строительные материалы, лес и уголь), является Иртыш, имеющий в силу своего географического расположения большой транзитный потенциал. До начала 70-х годов по Иртышу осуществлялись перевозки грузов из Китая в Казахстан и далее в направлении Российской Федерации. Существовал и обратный грузопоток. Для возобновления судоходства на указанном транзитном маршруте необходимо решение ряда проблем. Так, по причине незавершения строительства Шульбинского шлюза, нарушено сквозное судоходство на Иртыше. Ограничиваются предусмотренные правилами компенсационные и природоохранные весенние пуски воды в пойму Иртыша.

Не в полной мере востребованы и транзитные возможности реки Урал, которая является судоходной до г. Оренбурга (Россия). Это дает возможность организации маршру-

та по отправке грузов водным транспортом, обеспечивая значительную экономию средств при осуществлении прямой отправки грузов водным транспортом.

Устойчивое финансирование позволит упрочить тенденцию возрождения водного транспорта Казахстана, его транзитных сухоходных маршрутов.

* * *

В целом водный транспорт в общей структуре транзитных перевозок в настоящее время составляет крайне незначительную долю. Основные перевозки носят экспортно-импортный характер, что обусловлено неэффективностью работы международного коридора ТРАСЕКА (обслуживание экспортно-импортных операций только узкого числа участников), составной частью которого является порт Актау.

В этом контексте стимулирование транзитных перевозок через порт Актау будет способствовать участию Казахстана в реализации проекта коридора «Север-Юг».

Оценка альтернативных транспортных направлений

Важнейшими политическими задачами при решении вопроса организации транзитных перевозок являются: выбор стратегических партнеров, анализ деятельности возможных конкурентов и выработка правильной стратегической линии во взаимоотношениях с ближайшими странами с точки зрения реализации транзитных преимуществ Казахстана.

В этом контексте целесообразно рассмотреть позиции таких стран, как Россия, Узбекистан и Китай.

Российская Федерация. Прежде всего, Россия выступает в качестве стратегического партнера в организации транзитных перевозок.

Во-первых, РФ является основной грузоформирующей и грузополучающей страной в рамках регионального транзита (традиционно торговые связи большинства центральноазиатских стран с Россией в транспортном отношении проходили именно через Казахстан). На ее долю приходится 26% формирования и 19% назначения транзитных грузов, проходящих через территорию Казахстана.

Общий объем регионального транзита РФ и стран ЦАР (который вследствие экономиче-

ческого кризиса сократился в 10 раз) в настоящее время сохраняется на уровне 4–5 млн тонн. По мере дальнейшей стабилизации экономики России и центральноазиатских стран в ближайшем будущем, по оценкам экспертов, возможен рост перевозок как минимум в 1,5–2,0 раза по сравнению с современным уровнем [17].

Во-вторых, Россия обеспечивает работу единых транзитных коридоров в рамках трансконтинентального транзита для всех транспортных потоков из Европы в Японию, Юго-Восточную Азию и наоборот.

В целом транзитные потоки в направлениях Юго-Восточная и Восточная Азия — Европа оцениваются примерно в \$330–400 млрд. При этом до 20% этих потоков могут проходить через территорию России и Казахстана.

Для Казахстана в этом направлении деятельности имеет первостепенное значение углубление сотрудничества с Россией для организации устойчивого притока грузов на Северный коридор Трансазиатской железнодорожной магистрали по маршруту «Китай—Казахстан—Россия—Беларусь—Польша—Германия». При этом расширение сотрудничества в сфере транспорта можно вести как по линии двусторонних отношений, так и в рамках интеграционного объединения ЕвразЭС.

Для привлечения грузов на этот маршрут необходимо совместно решить целый комплекс технических, организационных и финансовых проблем с целью обеспечения его конкурентоспособности как по уровню транспортного сервиса, так и по стоимости перевозок.

По оценкам экспертов, при успешном решении этих вопросов в ближайшей перспективе реально можно рассчитывать на увеличение объема транзитных перевозок в евроазиатском сообщении через Казахстан с 0,5 млн тонн (2000 г.) минимум до 1,5–2,0 млн тонн в год.

Вместе с тем, участвуя, с одной стороны, в организации работы единых транзитных коридоров, Россия в то же время является основным конкурентом в осуществлении трансконтинентальных перевозок, поскольку имеет свой национальный интерес в привлечении транзитных грузопотоков на Транссибирскую магистраль, минуя территорию Казахстана.

С целью создания привлекательных условий транзита по Транссибу, МПС России разработало Концепцию государственной

политики по поддержке транзитных перевозок по Транссибирской магистрали. В соответствии с ней снижены тарифы, упрощены таможенные и пограничные процедуры, обеспечивается слежение за продвижением контейнеров. Ведется работа по созданию единого оператора Транссиба, который сможет предоставить грузоотправителям сквозную ставку тарифа, контролируя расходы на морском, портовом и железнодорожном участках этого транспортного коридора, что нацелено на обеспечение еще более благоприятных условий транзита по российской территории.

В настоящее время, несмотря на те преимущества, которые обеспечивает более короткий по сравнению с Транссибирской магистралью казахстанский маршрут (порядка 2–3 тысячи километров), низкая загруженность Транссибирской железнодорожной магистрали транзитными грузами (по данным МПС России, перевозки транзитных контейнеров по Транссибирской магистрали в 2001 г. возросли на 15% и составили 45 000 контейнеров, однако это меньше трети от потенциала магистрали) позволяет увеличить скорость прохождения на перегонах грузов по территории Казахстана скорость, как правило, не превышающую 60 км/ч, то выигрыш от сокращения расстояния при транзите через казахстанскую территорию практически исчезает.

Несмотря на то, что на сегодняшний день каждая из этих магистралей имеет тяготеющий к ней груз (так, по Транссибирской магистрали производится перевозка грузов Северо-Восточного Китая, Японии, Кореи и северной части АТР, а к транспортным коридорам, проходящим по территории Казахстана с выходом на Россию и Узбекистан, тяготеют грузы из центрального и северо-западного регионов Китая, Юго-Восточной Азии, следующие на запад), есть и грузопотоки, которые при определенных условиях могут быть переориентированы с одного направления на другое, что в значительной степени скажется на интересах того или иного государства.

Поскольку основной потенциал развития трансконтинентальных транзитных перевозок Казахстана связан с развитием возможностей Транскаспийской железнодорожной магистрали, непроведение мероприятий по форсированию развития этого коридора уже в краткосрочной перспективе, в условиях

активного развития двух крупных альтернативных направлений – морской путь и Транссиб, будет способствовать не только утрате потенциальных объемов транзита, но и возможно снижению уже имеющихся показателей.

Китай. Позиции КНР представляют интерес для рассмотрения с точки зрения того, что Китай, как один из крупнейших грузополучателей и одновременно одна из основных грузоформирующих стран, объективно заинтересован в максимальном задействовании своих ресурсов возможностей в развитии сектора трансконтинентальных перевозок.

Зависимость только от Казахстана для Китая неприемлема. У КНР уже есть выход на Казахстан через железнодорожную станцию «Дружба» и автомобильную дорогу через Хоргос, а также имеются планы провести железную дорогу протяженностью 296 км от станции Цзиньхэ Северо-Синьцзян-ской железнодорожной магистрали до города Кульджи и далее до КПП «Хоргос» [18]. Поэтому в настоящее время этим государством разрабатываются возможности строительства транспортных путей для расширения доступа к рынкам Центральной Азии, Кавказа и Европы, минуя территорию Казахстана.

В этом контексте Китаем рассматриваются проекты железнодорожного сообщения через Кыргызстан по Ошской долине на Фергану (Узбекистан), далее на Каспийское море (Китайско-кыргызская железная дорога – ККЖД) и через Иран на юг, либо на Кавказ (это второй вариант Шелкового пути).

При строительстве ККЖД из транзитного маршрута Центрального коридора Транскаспийской железнодорожной магистрали выпадает казахстанский участок – Дружба–Ченгельды. Указанный путь в целом будет на 1000–1500 км короче пути через Казахстан. Создание транспортного пути, в котором пересекаются интересы Кыргызстана и Китая, может лишить Казахстан определенных дивидендов экономического и политического характера:

- вероятность некоторого снижения объема китайского транзита, идущего через территорию Казахстана;
- возможно, будет переориентирована часть грузопотоков стран Юго-Восточной Азии, идущих транзитом через Китай в центральнoазиатские республики, Кавказ и Европу;

• ККЖД означает определенное влияние в регионе, посредством этой дороги Узбекистан сможет в значительной степени снизить зависимость от транзитных услуг Казахстана.

Кроме того, иранские перевозчики предлагают развитие маршрута Теджен (Узбекистан) – Серахс (Туркменистан) – Мешхед (Иран), с последующим выходом на Армению, Грузию или Турцию и далее в Европу. Для привлечения грузов к южному коридору ИРИ в настоящее время проводит ряд крупномасштабных работ по модернизации своих шоссейных дорог. Таким образом, в настоящее время для Казахстана важно найти способы, чтобы перекрыть преимущества ККЖД за счет скорости, качества перевозок, строительства более короткого широтного хода, использования водных путей и создания имиджа надежной транзитной территории.

Узбекистан. Важное значение в контексте развития транзитных перевозок для Казахстана имеет Узбекистан. На его долю приходится 26% формирования и 27% назначения грузов.

Однако, если в первые годы после обретения независимости экспортные грузы Узбекистана, в основном хлопковое волокно, продолжали доставляться российским и иностранным покупателям, находящимся за пределами СНГ, по традиционным маршрутам – транзитом через Казахстан в направлении Прибалтийских государств, через Беларусь и Украину с выходом на Черное море или в восточном направлении – через Китай и порты Находка, Владивосток, то в 1999–2000 годах отмечено значительное снижение использования традиционных транспортных коридоров.

Так, в конце девяностых годов в результате повышения стоимости перевозки узбекских грузов, следующих в Россию по территории Казахстана через станцию Бейнеу, значительная часть грузопотока была переориентирована на маршрут Каспийское море (Туркменистан)–Баку–Россия. В связи с большими затратами на транспортировку по территории Российской Федерации и Казахстана, узбекские экспортеры отказались от использования дальневосточного порта Находка в пользу иранского порта Бандар-Аббас.

Среди новых маршрутов, активно используемых с 1997 года:

- Ташкент–Фарап (Туркменистан)–Туркменбаши (Туркменистан)–Баку (Азербай-

джан)–Поти–Батуми (Грузия)–Мерсин (Турция);

- маршруты в направлении портов Бандар-Аббас, Бандар-Имам Хомейни (Иран), Джебель-Али (ОАЭ).

В данном случае особенно актуальным является преодоление негативной тенденции переориентации узбекских грузов на альтернативные транспортные маршруты.

В целом на современном этапе важно адекватно оценивать возможности и перспективы развития альтернативных транспортных направлений, обходящих Казахстан как с севера (Транссиб), так и с юга (ККЖД), а также альтернативных маршрутов региональному казахстанскому транзиту. Конкурентные преимущества Казахстана в организации транзитных перевозок: наличие широкой транспортной сети, сокращение расстояния при использовании его территории и, соответственно, сроков доставки, возможность осуществления транспортировки сразу по нескольким направлениям важных международных железнодорожных маршрутов без четкой концепции действий по привлечению и удержанию грузопотоков могут оказаться мало востребова-

Основные направления повышения эффективности реализации транзитного потенциала РК

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать выводы о том, что преимущества Казахстана как выгодной транзитной территории, вытекающие из удобного географического расположения, пока полностью не реализуются. В настоящее время реально республика получает только около \$270–300 млн, в то время как потенциал транзита оценивается в \$1,5–2 млрд.

В этой связи целесообразно обратить внимание на следующие направления развития транзитного потенциала республики:

1. Разработка среднесрочной Программы развития транзитных перевозок

В настоящее время существует необходимость разработки среднесрочной Программы развития транзитных перевозок. В концептуальных положениях формирования стратегии управления направленным развитием транспортной отрасли в условиях перехода

к рыночной экономике необходимо включить, в частности, следующее:

Во-первых, внимание государства должно быть направлено на более рациональное использование существующих пространственных и временных ресурсов пропускной способности государственной транспортной сети для организации транзитных перевозок.

Во-вторых, совершенствование организационной структуры транспортной отрасли и улучшение механизмов взаимодействия со смежными отраслями.

В-третьих, следует больше использовать прикладную науку и новые информационные технологии для поиска более эффективных решений в транспортных процессах.

Программа должна предусматривать развитие всех видов транспорта.

В частности, для того чтобы транспортный комплекс сохранил свою долю на международном рынке и сумел реализовать свой транзитный потенциал, целесообразно провести работу по следующим направлениям:

в железнодорожном транспорте:

- создание тарифных союзов железных дорог с согласованной тарифной политикой, в первую очередь, стран ЕвразЭС;
- развитие технологии интермодальных перевозок с соответствующим формированием железнодорожных тарифов на эти перевозки и выделением их в отдельную категорию;

• модернизация железнодорожных линий на главных направлениях;

• внедрение в эксплуатацию использования мини-дизель-поездов на малогабаритных участках;

• производство подвижного состава на предприятиях машиностроительного комплекса республики;

• организация фирменного транспортного обслуживания;

• сокращение времени на пересечение государственных границ;

• создание более эффективной системы обеспечения безопасности пассажиров и сохранности грузов;

• создание АСУ перевозками и организации скоростного движения.

в автомобильном транспорте:

- унификация процедур транспортировки с использованием грузового автотранспорта, включая принятие единой системы таможенной документации;

• улучшение технического состояния существующих и строительство новых автодорог;

• организация собственного производства запасных частей с использованием простаивающих производственных мощностей машиностроительных предприятий республики;

• развитие сети ремонтных мастерских, особенно на ключевых направлениях перевозок;

• строительство новых и дооснащение действующих международных переходов, что позволит сократить затраты времени на пересечение госграниц;

• создание логистических центров и информатизация процессов управления и контроля передвижения транспортных средств и грузов;

• развитие разрешительной системы на основе паритетного обмена (разрешения из/или в третьи страны, получаемые путем паритетного обмена с другими странами), соответствующей основным международным нормам. Такая система позволит расширить рынок автоуслуг казахстанских перевозчиков, контролировать загрузку иностранных перевозчиков из Казахстана в обратном направлении, а также перевозки грузов из Казахстана в третьи страны. Это будет реальным шагом по защите экономических интересов государства и обеспечит поддержку казахстанских перевозчиков;

• дальнейшее расширение процесса заключения двусторонних соглашений (регламентирующих деятельность хозяйствующих субъектов автомобильного транспорта при выходе их на международную арену и устанавливающих стандарты и требования к автотранспортным средствам) со всеми сопредельными, а также европейскими странами по основному грузообороту;

• оптимизация сборов как с казахстанских, так и с иностранных перевозчиков различными контролирующими и инспектирующими службами путем организации единовременной уплаты всех сборов и налогов с автоперевозчиков непосредственно при въезде на территорию Республики Казахстан после выполнения таможенных процедур;

• подключение автомобильного транспорта к выполнению транзитных перевозок грузов между Европой и азиатскими странами совместно с морским и железнодорожным транспортом. Например, в Пакистан и Индию через Китай, а также в Японию и Ко-

рею. Перевозка европейских грузов в прямом автомобильном сообщении транзитом через Казахстан и Китай, например, до Исламабада, по оценкам экспертов, может осуществляться не только быстрее, но и дешевле, чем в смешанном железнодорожно-морском сообщении.

в авиатранспорте:

• реализация комплекса мер по сохранению конкурентоспособности национального авиаперевозчика;

• выделение как бюджетных, так и внебюджетных ассигнований на приобретение авиационной техники;

• эффективное использование новых воздушных судов при оптимальной и стабильной численности авиационного персонала;

• государственное регулирование естественных монополий (аэронавигационное и аэропортовое обслуживание), что приведет к снижению авиационных тарифов;

• последовательная государственная политика, направленная на обеспечение безопасности полетов, сохранение устойчивости авиаперевозок и оказание помощи в минимизации издержек авиакомпаний;

• завершение работ по совершенствованию и унификации нормативно-правовой базы в области авиации и использования воздушного пространства и максимальная ее гармонизация с международными правилами;

• государственная поддержка авиационного сектора, включающая льготное налогообложение, снятие таможенных пошлин, применение заниженных ставок по кредитам банков, прямое инвестирование или установление расходных статей в бюджетах для работающих на наиболее приоритетных для государств направлениях;

• государственная поддержка совместной интеграционной деятельности в вопросах производства, лизинга и эксплуатации воздушных судов и их финансово-организационного обеспечения на основе формирования государственных и межгосударственных кредитов.

в водном транспорте:

• разработка специальной программы финансирования приобретения судов различного типа (в частности, судов типа «река-море»);

• активное содействие развитию транспортных коридоров, проходящих через морской порт Актау;

• заключение межправительственных со-

глашений с Китайской Народной Республикой и Россией о наиболее полном использовании транзитных возможностей трансграничных рек Или и Иртыш.

2. Совершенствование нормативно-правовых документов

Целесообразно подготовить и принять адаптированные к современным условиям правовые документы по Воздушному кодексу Казахстана, Кодексу водного транспорта, по системе автомобильных дорог. Целесообразно также разработать законодательные и нормативные документы:

• по вопросам ответственности при коммерческих операциях и экспедировании грузов во внутреннем и международном режимах;

• по обеспечению казахстанских торговых и транспортных предприятий доступом к адекватному страхованию для защиты своих интересов;

• по обучению персонала и подготовке кадров для всех видов транспорта;

• по упрощению существующих процедур таможенной системы и интеграции ее с системами мировой торговли.

3. Учет современных тенденций развития грузоперевозок

В мире сейчас ценится качество. Его гарантию дает только перевозка грузов в контейнерах. Транспортировка гуманитарных грузов в Афганистан требует новых подходов при решении вопросов рациональной организации контейнеропотоков. В связи с этим существующая, в частности в Казахстане, система смешанных и контейнерных перевозок потребует коренной модернизации в соответствии с действующими международными стандартами и нормами. Создание грузовых терминалов и оснащение их подъемно-транспортным оборудованием, приобретение специализированного подвижного состава автотранспорта, предназначенных для перевозки 20- и 40-футовых контейнеров, становятся первоочередными задачами, в связи с чем решение проблем мультимодальных перевозок в регионе приобретает крайне важное значение.

4. Проведение сравнительного мониторинга развития казахстанских и альтернативных транзитных коридоров, принятие мер по повышению конкурентоспособности транзитных коридоров, проходящих через территорию Казахстана

Необходимо учитывать, что транзитные грузопотоки – это предмет жесткого международного соперничества. В мировой прак-

тике конкурентную борьбу за транзитные грузы ведут как государства, так и международные альянсы. Эта же тенденция относительно трансконтинентальных перевозок уже начинает развиваться как в регионе Центральной Азии, так и на всем Евразийском континенте.

Для того чтобы адекватно и в полном объеме оценивать эффективность использования транзитного потенциала республики, необходима разработка системы мониторинга и анализа существующих транзитных грузопотоков по всем видам транспорта, как проходящих по территории Казахстана, так и по альтернативным транспортным коридорам.

Отставание по срокам модернизации коммуникаций может привести к перераспределению этих потоков и в значительной мере утрате Казахстаном преимуществ своего геополитического положения.

В этой связи для Казахстана в настоящее время крайне важно форсировать развитие транспортных коридоров, проходящих непосредственно по его территории по следующим направлениям:

♦ улучшение условий транзита по казахстанской территории Северного коридора Транскаспийской железнодорожной магистрали;

♦ активизация действий на уровне международных отношений в первую очередь с государствами, обеспечивающими транзит по Северному коридору ТАСЖД в области совершенствования и гармонизации нормативно-правовой базы, тарифной политики и т.д.;

♦ проведение работы по формированию на международном уровне имиджа Транскаспийской железнодорожной магистрали как наиболее привлекательного транзитного направления, путем постоянного информирования и представления возможностей коридора в первую очередь для государств, в силу своего расположения тяготеющих к транзиту по Транскаспийской железнодорожной магистрали;

♦ объективная оценка перспектив ККЖД составить конкуренцию железнодорожным маршрутам, проходящим по территории Казахстана, и разработка мероприятий по минимизации возможных негативных последствий для казахстанского транзита. В этом контексте необходимо разработать концептуальный план действий под задачу обеспечения и поддержания устойчивого притока грузов на казахстанские железные дороги к тому

времени, когда ККЖД будет построена. В частности, ввести в строй на полную мощность казахстанский участок коридора ТРАСЕКА по направлению Дружба-Актау. Это создаст более благоприятные условия транзита для стран, заинтересованных в перевозках через Каспий, поскольку казахстанский участок по протяженности покрывает территории Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана и избавит от необходимости пересечения трех государственных границ;

♦ создание условий для поддержания регионального транзита центральноазиатских государств в традиционном северном направлении на Россию.

5. Создание имиджа РК как надежной транзитной территории

В целом, кроме соответствующих мероприятий технического характера, в плане развития и модернизации транспортной инфраструктуры, строительства новых железнодорожных участков и автомобильных дорог, согласования транзитных тарифов с другими государствами, обеспечивающих работу того или иного транспортного коридора, необходима разработка и реализация серьезных PR-кампаний, демонстрирующих возможности Казахстана в сфере транзитных перевозок и привлекательность маршрутов, проходящих по его территории.

С целью преодоления существующей проблемы определенного негативного восприятия страны (коррупция, взяточничество, бюрократия, воровство) необходимо постоянно поддерживать тесное сотрудничество, прежде всего, со странами, тяготеющими в силу геополитического положения к казахстанскому варианту транзита, посредством проведения тематических научно-практических конференций, встреч экспертов, публикаций «статей-презентаций» в международных СМИ и т.д.

* * *

Нарастающие в последние годы процессы глобализации экономики сопровождаются небывалыми ранее темпами роста мировой торговли. В этих условиях максимально возрастает значение мировой транспортной сети, составной частью которой является транспортная система Казахстана.

С обретением независимости Казахстан получил возможность выступать в качестве самостоятельного участника на мировом рынке транспортных услуг. Однако в настоящее время республика с ее выгодным гео-

политическим положением и огромным потенциалом пока не использует в полном объеме имеющиеся возможности в качестве транзитной территории. Реалии сегодняшнего дня объективно требуют реализации ряда мероприятий по развитию национального транспортно-коммуникационного комплекса для полномасштабного использования транзит-

ного потенциала республики и равноправного вхождения в мировой рынок транспортных услуг. Это позволит Казахстану занять достойное место в международной торговой системе и одновременно станет мощным катализатором экономического развития страны.

Литература

11. Оперативные данные Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан.
12. Деловая неделя, 26 января 2001 г.
13. Оперативные данные Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан.
14. Волошин В., Соло не по правилам // Континент, 2000. – №№ 21–22.
15. Новое поколение, 26 января 2001 г.
16. Оперативные данные Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан.
17. Бекмагамбетов М., К проблеме развития транзитного потенциала Казахстана // Транзитная экономика, 2001. – №4. – С. 17.
18. Ибрагимов А., Чужое транзитное счастье // Континент. – 2001. – № 20 (58).

Казахстанский институт стратегических исследований предлагает Вашему вниманию серию книг, выпущенных в 2002 году при содействии ОБСЕ и Фонда имени Ф.Эберта.

- + **Политика и интересы мировых держав в Казахстане.** Коллектив авторов: Б.К.Султанов, Л.М.Музапарова, А.Е.Абишев, В.Ф.Галлямова, Л.Г.Ерекешева, А.Г.Кожихов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- + **Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий.** Сборник научных статей. Астана: Елорда, 2001.
- + **Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии.** Коллектив авторов: А.Г.Косиченко, М.С.Ашимбаев и другие. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- + **М.С.Ашимбаев. Безопасность Казахстана на современном этапе.** Алматы: КИСИ, 2002.
- + **Центральная Азия в системе глобальных отношений.** Сборник материалов конференции. Алматы: ФинЭк, 2002.
- + **Г.А.Курганбаева, А.К.Кажмуратова, Г.А.Куанова. Сравнительный анализ макроэкономических показателей транзитных государств и прогноза экономического развития (на примере Казахстана, Узбекистана, России, Польши, Венгрии).** Алматы: КИСИ, 2002.

По вопросам приобретения книг обращаться в редакцию журнала по телефонам: 646-667, 645-571.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Донаков Т.С.

Для уяснения некоторых проблем правовой природы и организации исполнительной власти на местном уровне вначале остановимся на вопросах, связанных с унитарным устройством государств.

Термин «унитарное» означает целостное, единое. Для государства с унитарным устройством, как известно, присущи единые территория, гражданство, законодательство, система государственной власти, налоговая, бюджетно-финансовая системы и т.д.

Мировая история знает пять типов государственного устройства, а именно:

- 1) конфедерация;
- 2) национально-территориальная федерация;
- 3) территориальная федерация;
- 4) унитарное государство с автономными образованиями;
- 5) унитарное государство без автономных образований.

Казахстан относится к унитарному типу государства, не имеющему в своем составе автономных образований. В Конституции Республики прямо установлено, что наша страна является унитарным государством.

В мире существуют различные модели организации местной государственной власти. Казахстан избрал централизованную модель местного государственного управления, нашедшую отражение в Конституции Республики, которая определила основанные на унитаризме подходы к регламентации правового положения административно-территориальных единиц и местных государственных органов, отражающие необходимость однозначно определить управленческое предназначение первых и исполнительную роль вторых в условиях унитарного устройства государства.

Казахстанский и зарубежный опыт свидетельствуют – чем больше масштабы государства, его пространственные пределы, тем

больше оно нуждается в дееспособной и сильной государственной власти, которая возможна в условиях унитарного государства, тем более для страны со сравнительно небольшой численностью населения.

Именно унитаризм в условиях Казахстана обеспечивает единство управленческой, правовой, социально-экономической систем, а следовательно, бесконфликтность, целеустремленность и успешность проводимых реформ, является гарантией стабильности и прочности государства.

Благодаря унитарному устройству обеспечивается согласованность действий всех органов и институтов государства в условиях исторически длительного транзитного периода, создаются организационные и правовые условия для формирования и бесперебойного функционирования единого экономического пространства, свободного перемещения капитала, трудовых ресурсов и технологий в пределах страны.

В условиях унитарного государства, каким является Казахстан, для местных представительных и исполнительных органов общей является обязанность недопущения принятия решений, препятствующих свободному передвижению лиц и имущества между регионами страны либо ограничивающих право граждан на осуществление в любой части территории Республики избранной профессии или рода занятий.

Требования государства в этом направлении нашли и законодательное закрепление. Речь идет о статье 4 Закона «О местном государственном управлении в Республике Казахстан», которая так и называется: «Основные требования и ограничения, устанавливаемые для маслихатов и акиматов».

Унитарность государства определяет и особенности обеспечения компетенции органов государственного управления разных уровней финансовыми ресурсами как обяза-

тельного условия выполнения возложенных на органы управления функциональных задач. Речь идет о межбюджетных отношениях административно-территориальных единиц и государства в целом, выражающихся в наличии разветвленной сети самостоятельных, прямых каналов отчислений налогов и других обязательных платежей в республиканский бюджет, минуя местные бюджеты.

Унитарная природа нашего государства во внешнеполитическом плане означает также то, что местные органы власти не вправе вступать в договорные отношения с административно-территориальными единицами сопредельных государств вне и помимо решений центральных органов государства.

В то же время унитаризм вполне совместим с принципом местного самоуправления, некоторой социально-экономической самостоятельностью регионов и ответственностью органов местного управления за решение вопросов местного значения.

Правовой основой определения перечня и территориальной структуры местных исполнительных органов является Закон «Об административно-территориальном устройстве Республики Казахстан».

Из него вытекает, что в Казахстане в целом сохраняется ранее сложившееся административно-территориальное деление, состоящее из области, района, города, района в городе, поселка, аула (села). Вместе с тем Законом в целях повышения уровня управляемости предусмотрена такая административно-территориальная единица, как аульский (сельский) округ, промежуточная между аулом (селом), поселком и сельским районом единица. Такие округа, созданные решениями акимов областей и некоторых городов, существуют в Казахстане с 1993 года.

Закон об административно-территориальном устройстве устанавливает двухуровневый подход к административно-территориальным единицам, один из которых предназначен для целей государственного управления, а другие – как для целей государственного управления, так и, с нашей точки зрения, местного самоуправления.

Подобный вывод вытекает из Закона, устанавливающего, в частности, что для осуществления государственного управления на началах оптимального сочетания общегосударственных и местных интересов территория Казахстана подразделяется на две основные категории – регионы и населенные пункты.

Истекшее десятилетие в целом продемонстрировало оправданность подхода, направленного на стабильность административно-территориального устройства государства, в рамках которого проводились отдельные мероприятия по его известной оптимизации.

Итак, административно-территориальное устройство, созданное в Казахстане для целей государственного управления, должно быть достаточно консервативным, поскольку его стабильность обеспечивает стабильность и устойчивость самих властных структур.

Прежде всего управленческое предназначение административно-территориальных единиц позволяет не допустить государственного, управленческого плюрализма, благодаря чему исполнительная власть беспрепятственно реализует общегосударственную политику.

Таким образом, истекшие первые 10 лет развития Казахстана в условиях государственной независимости со всей очевидностью подтвердили правильность стратегического курса на построение и функционирование достаточно жесткой и централизованной системы исполнительной власти сверху донизу, отвечающей потребностям унитарного государства с президентской формой правления.

Вместе с тем, провозглашая тезис о крепкой государственной власти, обеспечении ее единства на всех уровнях управления, недопустимости сепаратизма в любой его форме, нельзя увлекаться и чрезмерным сужением полномочий местных органов и материально-финансовой базы их деятельности. Необходимо разумное сочетание централизации и децентрализации управления.

Именно в этой связи в конце 90-х годов стали приниматься меры к постепенному расширению самостоятельности местных органов и прежде всего в финансово-экономических вопросах. В рамках бюджетного планирования несколько выросла доля местных налогов, а в регулируемых налогах стали больше учитываться интересы регионов. Данная работа проводилась в рамках реализации концепции так называемого «бюджетного разделизма», которая, однако, до конца не была доведена.

Поэтому сейчас принимаются меры по дальнейшему разграничению функций между разными уровнями государственного управления. При этом будут разграничены не

только функции между центром и регионами, но и, что особенно важно, между разными уровнями местного государственного управления, вплоть до самого низшего – аульного (сельского). Важнейшим условием успеха этой работы является определение объективных критериев выделения функций органов управления на разных его уровнях.

В условиях унитарного государства система взаимоотношений между центральными и местными органами управления, между различными уровнями местного государственного управления не может быть построена на системе договорных отношений, при исключении административно-властного подчинения. Управленческие (административные) договоры могут быть допустимы только между органами управления одного уровня. В этой связи предусмотренное Законом «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» право акима области (города республиканского значения и столицы), района (города областного значения) делегировать осуществляющим акимам своих полномочий нижестоящим акимам может быть реализовано только в рамках односторонне властного решения вышестоящего акима.

В условиях унитарной организации местные органы власти не вправе приостанавливать, а тем более аннулировать действие актов центральных органов. Отношения местных исполнительных органов с центральными строятся на основе соблюдения и исполнения местными органами общеобязательных актов министерств, агентств и ведомств, принятых в пределах их компетенции. В свою очередь центральные исполнительные органы не вправе издавать адресованные местным исполнительным органам акты по вопросам, отнесенным законодательством к ведению последних.

Таким образом, в условиях унитарной организации государства нет условий для коллизий и конкуренции компетенции центральных и местных исполнительных органов, имеющих место в федеративных государствах, что благотворно сказывается на состоянии законности и управляемости в стране.

Пределом децентрализации управления для регионов и внутри самих регионов выступает критерий обеспечения безусловной управляемости из центра, предотвращение региональной замкнутости и автаркии.

Конституция Республики Казахстан однозначно устанавливает управленческое предназначение как местных исполнительных, так и местных представительных органов. Поэтому говоря о системе местного государственного управления, можно ее рассматривать в широком и в узком смыслах. В широком смысле она охватывает, собственно, местные исполнительные органы (акиматы и т.д.) и местные представительные органы (маслихаты). А в узком смысле – только местные исполнительные органы.

В системе местного управления представительные органы не обладают полнотой государственной власти, их нельзя отнести к числу законодательных органов, поскольку наша страна, как отмечалось, есть унитарное государство.

Поэтому местные представительные органы можно рассматривать как особые звенья исполнительной ветви власти, призванные решать круг вопросов местного значения, характерных для представительных органов и отнесенных законодательством к их ведению, обеспечивать исполнение Конституции, законов, актов Президента и Правительства. Наличие во взаимоотношениях между маслихатом и акимом (акиматом) системы сдержек и противовесов не может служить основанием для вывода о признании на местном уровне власти принципа разделения властей.

Итак, унитарный характер нашего государства и вхождение маслихатов в систему местного государственного управления означают, что на местном уровне власти неприемлема модель разделения властей, реализованная на центральном государственном уровне.

Наличие в Казахстане президентской формы правления определяет значительное влияние Главы государства на процесс формирования и деятельности местных исполнительных органов. Это влияние, в статутном плане, состоит в следующем.

Во-первых, Президент Республики по представлению Премьер-Министра назначает руководителей местных исполнительных органов – акимов областей, столицы и городов республиканского значения, а также определяет порядок назначения или избрания акимов нижестоящих административно-территориальных единиц. При этом заместители акимов областей, столицы и городов республиканского значения, акимы городов и районов назначаются и освобождаются вы-

шестоящими акимами по согласованию с Президентом Республики или по его уполномочию с Руководителем его Администрации, что вытекает из полномочия Главы государства определять порядок их освобождения от должности и прекращения их полномочий. К тому же, согласно Конституции, Глава государства вправе по своему собственному усмотрению освободить от должности любого акима, вплоть до акима аула (села, поселка).

Во-вторых, акимы областей, городов Астаны (столицы) и Алматы (города республиканского значения) являются, по Конституции, не только представителями Правительства, но, прежде всего, представителями Главы государства и несут перед ним персональную ответственность за состояние дел во вверенных регионах.

В-третьих, Президент страны вправе приостанавливать действие актов акимов областей, городов Астаны и Алматы, причем любых актов, как индивидуального характера, так и нормативно-правового. А приостанавливаться их действие может не только по мотивам законности, но и целесообразности.

В-четвертых, в рамках единой системы финансирования и оплаты труда работников для всех органов, содержащихся за счет государственного бюджета, Президент Республики определяет размеры должностных окладов государственных служащих местных исполнительных органов, включая акимов всех уровней.

В-пятых, акимы областей, городов Астаны и Алматы слагают свои полномочия перед вновь избранным Главой государства. Однако в условиях, когда, согласно Конституции, Президент Республики не является главой исполнительной власти и дистанцирован от осуществления функций государственного управления, местные исполнительные органы в своей повседневной деятельности замыкаются на Правительство.

Для этого есть прежде всего конституционные основы. В статутном плане, согласно статье 64 Конституции, Правительство возглавляет систему исполнительных органов, куда входят и местные исполнительные органы, и, более того, Правительство руководит их деятельностью.

Во-вторых, Премьер-Министр как глава Правительства вносит Президенту Республики предложения по кандидатурам акимов областей, городов Астаны и Алматы.

В-третьих, аким области (города республиканского значения и столицы) как руководитель местного исполнительного органа, наряду с ответственностью перед Президентом, несет ответственность и перед Правительством.

В-четвертых, Правительство вправе приостанавливать действие актов акимов областей, городов Астаны и Алматы.

Таковы вкратце статутные взаимоотношения Правительства и местных исполнительных органов, установленные нашей Конституцией.

Но по неизмеримо большему числу детальных параметров, в зависимости от их отраслевой и функциональной принадлежности, можно определять и классифицировать отношения «власти и подчинения» между Правительством и местными исполнительными органами, опираясь на действующее законодательство. К примеру, согласно Закону «О местном государственном управлении в Республике Казахстан», Правительство, определяя основные начала организации работы местных исполнительных органов, устанавливает лимиты штатной численности аппаратов акимов, утверждает типовой регламент акимата, определяет предельное число заместителей акимов.

В Конституции Казахстана определяют лишь самые общие контуры статуса, компетенции и организации деятельности местных исполнительных органов, отсутствует их детальное описание. Это вызвано необходимостью предоставления законодательно определенного простора при конструировании правовых моделей организации местной власти, что обеспечивает необходимую вариативность и гибкость подходов при совершенствовании системы местного государственного управления.

Правовые основы организации и деятельности местной государственной власти определяются уже упоминавшимся Законом «О местном государственном управлении в Республике Казахстан», принятым в январе 2001 года. Данный Закон, наличие которого предусмотрено Конституцией, пришел на смену действовавшему с 1993 года Закону «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан». Следует отметить, что в целом соблюдается преемственность в вопросах организации и деятельности системы местного государственного управления. Вновь принятый Закон сохраняет действующую идеологию системы

местной власти и с учетом накопленного опыта правоприменения устанавливает ее более совершенную систему.

Итак, местные исполнительные органы – составная часть единой системы исполнительной власти. На сегодняшний день в Казахстане сложилась следующая система исполнительных органов на местах. Это – акимат, аппарат акима и собственно исполнительные органы, финансируемые из местного бюджета.

При этом акимат – это коллегиальный местный исполнительный орган, не являющийся юридическим лицом, возглавляемый акимом и им образуемый в составе заместителей акима, руководителя аппарата акима, первых руководителей исполнительных органов, финансируемых из местного бюджета, предназначенный для осуществления функций местного государственного управления в пределах установленной для акимата компетенции. Отметим, что наличие акиматов не предусмотрено на уровне районов в городе республиканского значения (столице), городах районного значения, аульных (сельских) округах. При этом персональный состав акимата согласовывается с соответствующим маслихатом по представлению акима. Такое согласование следует рассматривать как один из элементов системы сдержек и противовесов между местным представительным и исполнительным органами. Тем самым в определенной мере ограничивается возможность акима всецело решать кадровые вопросы местных исполнительных органов.

Акимат представляет собой, условно говоря, мини-правительство на местном уровне. Это сравнение корректно лишь в организационно-структурном плане, а не в функциональном и тем более не в институциональном.

В работе акимата с правом совещательного органа вправе участвовать руководители территориальных подразделений центральных исполнительных органов. Это имеет большое значение, поскольку через участие в работе акимата территориальные подразделения центральных органов в пределах своей компетенции участвуют в решении вопросов местного значения. Это, с одной стороны. С другой – за счет этого акимат как местный исполнительный орган имеет возможность оказывать информационно-ориентирующее воздействие на деятельность указанных территориальных подразделений с целью обеспечения согласованности и ком-

плексности при решении задач местного значения.

Ранее, до принятия Закона «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» понятие акиматов не было предусмотрено законодательством и сложилось в качестве административного обычая в практике местного государственного управления. Хотя прежний Закон «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан» и предусматривал понятие местной администрации, схожее с понятием акимата, однако местная администрация, являясь размытым институтом, не представляла собой государственный орган с четко очерченной компетенцией и правом издавать акты. Причем, в отличие от акимата, местная администрация структурно включала в себя не только должностных лиц, но и структурные подразделения (отделы, управления, департаменты и т.д.), то есть отраслевые местные исполнительные органы.

Вспомним, что из Конституции Казахстана 1993 года вытекало, что глава местной администрации (сейчас аким) не является единоличным органом управления, как это ранее было установлено в Законе «О местном самоуправлении и местных Советах народных депутатов Казахской ССР».

Местным исполнительным органом, по Конституции 1993 года, выступала местная администрация (ныне акимат). Однако в прежней Конституции было заложено противоречие, поскольку учреждался местный исполнительный орган, имеющий руководителя, который, в свою очередь, был наделен правом осуществлять функции государственного управления на подведомственной территории. Данное противоречие не было снято и Законом «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан» от 1993 года, в статье 1 которого было прямо сказано, что глава местной администрации является исполнительным органом на соответствующей территории.

Данные противоречия были сняты с принятием Конституции Республики 1995 года, в которой акцент ставится прежде всего на местном исполнительном органе, который аким возглавляет. Окончательно эти противоречия снялись лишь с принятием Закона «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» от 2001 года, в котором акимат как коллегиальный местный исполнительный орган был легитимирован.

Отныне законодательно определен круг полномочий, которые аким осуществляет в порядке единоличного распорядительства, и круг вопросов, принятие решений по которым осуществляется в порядке коллегиального рассмотрения акиматом.

Отметим также, что ранее при акимах имелись коллеги со статусом консультативно-совещательного органа, поскольку акимы выступали в качестве единоличного органа управления, а не как руководители местного исполнительного органа. С принятием Закона «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» и образованием акиматов коллеги при акимах были упразднены.

В контексте появления такого института, как акимат, следует сказать о следующем. В 90-х годах становление новой системы власти на местном уровне в Казахстане сопровождалось отказом от коллегиальной (исполнительные комитеты местных Советов) формы управления и переходом к единоначальной (главы администраций, затем – акимы), что стало логическим продолжением осуществляемой в нашей стране административной реформы. Однако учреждение акиматов свидетельствует о тенденции возрождения в системе местного государственного управления коллегиальных начал, однако не в прежнем объеме, а лишь отдельных элементов коллегиальности.

Законом «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» определена компетенция акимата в сфере местного государственного управления. Анализ этой компетенции позволяет сделать вывод, что акимат является органом управления общей компетенции, не осуществляющим функции непосредственного управления отраслями и сферами, находящимися в ведении местной власти.

Акимат наделен правом издавать постановления, подписываемые акимом. Отметим, что ранее, до принятия рассматриваемого закона, все вопросы, находившиеся в компетенции местного исполнительного органа, оформлялись актами акима. Ныне их компетенция четко разграничена. При этом за акимом сохранено право издавать акты, в том числе нормативно-правовые, по вопросам своей компетенции.

Аппарат акима – это государственное учреждение, обеспечивающее деятельность акимата и самого акима. Ранее аппарат акима формально играл более весомую роль,

поскольку законодательно был призван обеспечивать деятельность всей местной администрации, в том числе всех ее органов. Фактически именно аким вместе с его аппаратом ассоциировался в массовом сознании с местным исполнительным органом, то есть акиматом.

Сегодня же аппарату акима также отводится обеспечительная роль, но в более узких масштабах. Это правильно, поскольку обеспечивать деятельность всех местных исполнительных органов, как это фактически вытекало из прежнего Закона, не соответствовало ни возможностям аппарата, ни реальной практике местного государственного управления.

Изучение структуры аппаратов акимов областей свидетельствует, что она по ряду своих параметров воспроизводит структуру Администрации Президента и Канцелярии Премьер-Министра, что объясняется сложившимися традициями государственного управления, которые в науке административного права называются административными обычаями.

Интересно, что Закон не определяет для аппарата акима статус государственного органа, а только государственного учреждения, хотя работники этого аппарата являются государственными служащими. Данное обстоятельство, а также то, что аппарат акима обладает полномочиями контролировать выполнение отраслевыми местными исполнительными органами решений акима и акимата, свидетельствуют о наличии у аппарата акима отдельных признаков государственного органа.

Что же касается исполнительных органов, финансируемых из местного бюджета, то это образуемые, реорганизуемые и упраздняемые акимом области (городов Астаны и Алматы) государственные учреждения, уполномоченные на осуществление отдельных функций местного государственного управления. Компетенцию и организацию их деятельности также определяет аким с соблюдением требований действующего законодательства.

Обращает на себя внимание только к акимату оперирует термином «местный исполнительный орган». Остальные исполнительные органы на местном уровне именуется в Законе исполнительными органами, финансируемыми из местного бюджета. Однако, по сути, они тоже являются местными исполнительными органами. И в этой связи

правомерна трактовка понимания местных исполнительных органов как в широком, так и в узком смыслах. В широком — это акимат и отраслевые местные исполнительные органы, в узком — только акимат. Хотя не все исполнительные органы, финансируемые из местного бюджета, относятся к системе местного государственного управления. Законодатель не зря употребил термин «исполнительный орган, финансируемый из местного бюджета», поскольку имеются случаи, правда, редкие, когда законодательством предусмотрено частичное финансирование за счет средств местных бюджетов территориальных подразделений центральных исполнительных органов. Типичный пример — это территориальные органы внутренних дел.

Итак, применительно к исполнительным органам, финансируемым из местного бюджета, речь, как правило, идет об отраслевых органах управления, непосредственно ведающих отраслями и сферами, находящимися в ведении регионов.

Ныне акимы областей (гг. Астаны и Алматы) приобрели большую самостоятельность в вопросах создания и организации деятельности местных исполнительных органов, по сравнению с 90-ми годами, когда Правительство утверждало примерный перечень структурных подразделений местных исполнительных органов. По мере расширения компетенции органов местного государственного управления расширяется и перечень местных исполнительных органов. Хотя следует отметить, что в условиях унитарного устройства нашего государства на местном уровне сложилась практика, когда система местных исполнительных органов во многом копирует структуру центральных органов.

Закон определяет, что система или перечень исполнительных органов, финансируемых из местного бюджета, определяется схемой управления административно-территориальной единицей, которая утверждается маслихатом по представлению акима. Схема управления утверждается на уровне областей, городов Астаны и Алматы, сельских районов и городов областного значения. Практика определения системы местных исполнительных органов в рамках указанной схемы берет начало еще в 90-х годах, когда прежним Законом «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан» было предусмотрено наличие такой схемы. Если в рамках акимата решает-

ся вопрос о должностном составе местного исполнительного органа, то в рамках схемы управления решается вопрос о структуре местного исполнительного органа. Если проводить функциональное сравнение, то схема управления административно-территориальной единицей представляет собой аналог такого документа, как структура Правительства, только на местном уровне.

С точки зрения взаимоотношений местных представительных и исполнительных органов утверждение схемы управления административно-территориальной единицей по представлению акима является очередным элементом системы сдержек и противовесов между ними.

Рассмотрение организационно-правовых вопросов местных исполнительных органов было бы неполным, если мы не остановимся на «фигуре» акима.

Хотя уже выше фрагментарно давались отдельные характеристики акима как руководителя местного исполнительного органа, необходимо отметить следующее.

Аким — прежде всего государственный служащий, причем обладающий статусом политического служащего.

В статусе акима заложено двуединое начало — возглавлять местный исполнительный орган, тем самым решать вопросы местного значения, и в то же время быть представителем центральной власти — Президента и Правительства Республики. В связи с чем аким области обладает полномочиями с целью координации деятельности находящихся на территории соответствующей административно-территориальной единицы территориальных подразделений центральных исполнительных органов.

Для целого ряда зарубежных стран как с унитарным, так и с федеративным устройством обычной практикой является наличие института назначаемых представителей центральной власти в лице комиссаров или префектов, которые в большинстве случаев присутствуют на уровне высших административно-территориальных единиц либо округов и обеспечивают выполнение общегосударственных программ на местах, соблюдение конституционности и законности решений местных органов. Интересно, что в первой половине 90-х годов имела место практика назначения таких представителей и у нас в Казахстане (были представители Президента Республики в каждой области). Однако просуществовала подобная практи-

ка недолго и с принятием Конституции 1995 года сошла на нет.

В связи с этим полномочия акима области можно классифицировать на полномочия его как руководителя местного исполнительного органа и как представителя центральной власти (Президента и Правительства). Например, как руководитель местного исполнительного органа аким координирует работу нижестоящих акиматов и акимов. Как представитель центральной власти он может вносить руководителям центральных исполнительных органов представления о деятельности территориального подразделения центрального исполнительного органа в части исполнения им законов, актов Президента и

Правительства Республики. Также ранее действовавшим до 2001 года Законом «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан» было предусмотрено право акимов областей давать согласие на назначение руководителей территориальных подразделений центральных исполнительных органов. Однако такая практика ставила проводимую центральными органами управления общегосударственную политику в зависимость от региональных интересов. В связи с этим, а также в связи с тем, что аким обладает указанным двуединым статусом, Законом «О местном государственном управлении в Республике Казахстан» дача подобного согласия была исключена.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Байдельдинов Л.А.

Вопросы формирования этнокультурной структуры личности имеют фундаментальное социальное значение, так как структура личности проецируется во все аспекты жизнедеятельности человека и создает то, что можно назвать реальной поливариантностью человеческого поведения и поступков. Этнокультурная структура формирует первичный, глубокий, интимный мир человека, является базовой основой его самобытности, субъектности. Именно на ней осуществляется становление, развертывание личности и освоение индивидом всего богатства социокультурной программы в течение жизненного цикла.

В начальной форме социокультурная программа имеет преимущественно этнокультурное содержание, которое по существу является социогенетическим основанием личности. Как ребенок в утробе матери своей пуповиной генетически связан с лоном матери, так и становящаяся личность получает первоначальную подпитку в этнической культуре, являющейся ее специфически окрашенным, содержательным миром. И именно последний вводит индивида непосредственно в систему человеческих ценностей, придавая им этнокультурный колорит.

Этнокультурный пласт личности, заложенный в ее фундаменте, дает эмоциональный заряд, участвует в формировании чувства этнической принадлежности, определяет особенности ментальности, оказывает в известной степени влияние на выработку ценност-

ных ориентиров, является духовным основанием этнической самоидентификации личности, формирует достаточно устойчивый психологический феномен — этническую солидарность. Последняя проявляет себя как заметный фактор политической жизни, влияет на участие или неучастие граждан в политических процессах, на их политические оценки и пристрастия, на электоральное или иное политическое поведение. И как бы в жизни судьба не распорядилась человеком, в каких бы этнокультурных условиях он не находился, в нем сохраняется первичное этническое чувство. Оно эмоционально окрашивает жизнь человека, придает этнической солидарности устойчивость, психологическую ценность.

Первоначальное освоение мира человеком воображением — его номинирование, т.е. обозначение мира вещей словами, смысл которых открывает человеку двери в реальность, происходит интериоризация внешнего и формирование внутренних структур психики. При этом в воображении возникает духовный потенциал, необходимый для осуществления мыслительного процесса, и формой развития индивидуального мышления на его исходной ступени является родной язык. Не случайно С.И.Ожегов определяет его как «язык своей родины, на котором говорят с детства», а в казахской лексике родной язык обозначается терминами «Ана тілі», т.е. язык матери. Интимно окра-

шенное материнское слово и детский лепет — формы первоначального, почти инстинктивного контакта. Но и родное материнское слово, и детский лепет имеют эмоциональную и смысловую нагрузки и являются фактом сознания. Психологическая особенность этого межличностного контакта (мать и дитя) заключается в том, что (по мнению Ю.Пиаже), переходя внутрь психики, формирует структуру бессознательного как раннюю форму познания ребенком действительности, влияющую впоследствии на развитие сознания. Отсюда инстинктивность, глубинность, устойчивость любви матери к ребенку и привязанности ребенка к матери. По мере своего развития это чувство приобретает социальное содержание, окультуривается, становясь фактором воспитания, введения индивида в мир человеческих ценностей. И его формой является материнское слово, родной язык. Поэтому именно материнское слово закладывает исходную этническую первооснову в духовной структуре личности ребенка. Слово является не просто звуком, оно, как отмечал Гегель, — отлетающая в звуке душа человека. Поэтому благодаря слову мать вкладывает в ребенка свою этническую душу.

В дальнейшем семья (родители, родные и близкие), ближайшее окружение семьи передают ребенку содержание социальной программы большей частью также в этнической препарируемой форме, т.е. пропускают и трансформируя его через этнокультурное восприятие. Это обстоятельство отмечает известный психолог А.Н.Леонтьев: «Индивид, ребенок не просто брошен в человеческий мир, а вводится в этот мир окружающими людьми, и они руководят им в этом мире» [1]. Они формируют вольно и невольно себе подобное «существо», т.е. проецируют в ребенка свою этнокультурную структуру.

В современной казахской лексике семья принято обозначать словами «Жан уйя», буквальный смысловой перевод этих слов «гнездо души». И стержнем этого «гнезда души» являются взрослые, имеющие сложившуюся этнокультурную структуру. Последняя и создает этнокультурную основу семьи: язык межличностного общения в семье, образ жизни семьи, ее бытовые особенности, ценностные ориентиры, обряды, традиции и т.д., то есть все то, что можно обозначить словами «этнический колорит». Да и в ближайшем окружении семьи тоже функционирует этнический фон, так как в формировании этого

окружения определенную роль играет этническая солидарность.

Но современная этнодемографическая ситуация такова, что социумы большей частью полиэтничны. В полиэтническом сообществе реально существует этнокультурный полифонизм, что определяет в обществе обстановку взаимодействия, сотрудничества и соперничества этнических культур. И эти процессы проецируются в жизнь семьи и в структуру личности. На их базе возникают проблемы этнокультурного влияния на семью и на личность. Сотрудничество содействует взаимообогащению культур и наращиванию творческого потенциала личности, способствует духовной полиэтнизации личности, повышает ее культурно-адаптационные возможности. Этнокультурная основа личности как нечто глубинное, психологически устойчивое, уходящее в структуру бессознательного, являющееся духовным аспектом ее этнической самоидентификации, не теряется. Этнокультурный полифонизм обогащает творческий потенциал личности, формирует инструментальный, необходимый для того, чтобы она могла вписаться в этот современный полиэтнизированный мир в качестве деятельного субъекта.

Соперничество формирует приоритетные этнокультурные ценности, вынуждает индивида адаптироваться к ним. Но сотрудничество и соперничество не взаимоисключают друг друга, т.е. в любом сотрудничестве есть момент соперничества и наоборот. В условиях демократизации межэтнических отношений, признания равноправия этносов, равенства их языков, культур и других этнических ценностей, безусловно, в этническом взаимодействии преобладает аспект сотрудничества, что делает социально комфортными межэтнические отношения и гармонизирует их влияние на семью и личность.

В жизни семьи и в структуре личности вопросы этнокультурного сотрудничества и преобладание той или иной этнической культуры решаются на основе консенсуса, исходя из этнокультурной структуры, опорных фигур семьи, а также социальной потребности адаптации к полиэтнизированной культурной среде.

Живя в условиях этнокультурного полифонизма, в обстановке соперничества и сотрудничества этнических культур, семья и личность испытывают на себе разнообразное этнокультурное давление. Взрослые члены семьи, обладая сформировавшейся этнокуль-

турной структурой, могут устоять и сохранить свою этническую самобытность. Но и они духовно полиэтнизизируются, обогащают свой творческий потенциал, адаптируясь к особенностям культурно-полиэтнизированной среды обитания. Дети же с возрастом выходят из-под непосредственной родительской опеки и в становлении их личности все более значительную роль начинают играть детские воспитательные учреждения, школа и детско-юношеская среда со своими ценностями. И здесь возникает вопрос об этнокультурной обстановке в этих детских воспитательных учреждениях, школах и детско-юношеской субкультуре.

При всей полиэтничности духовной обстановки в ней всегда имеется господствующая, более глобальная этническая культура, которая берет на себя решающие функции по формированию этнокультурной среды. В городах, крупных поселениях, где межличностные контакты людей достаточно спрессованы, происходит интенсивный обмен этнокультурными ценностями и при этом задает тон та этническая культура, которую использует демографически преобладающая этническая масса. В СССР этой массой были русские, имевшие практически во всех уголках огромной страны приоритетность в производстве, управлении, образовании, культуре, досуге и так далее. Поэтому в бывшем многонациональном государстве СССР русский язык и русская культура были глобальной духовной силой, господствовавшей во всех регионах. Освоение их повышало адаптационные возможности личности. В любом этническом регионе человек, владеющий русским языком, достаточно легко входил в среду обитания. Поэтому русский человек не тратил особенных усилий для освоения других национальных культур и языков, бытующих в СССР. А не русская масса населения интенсивно осваивала русский язык и русскую культуру, жизненно необходимые для них. В силу этого полиэтнизация личности в СССР содержала в себе русификаторский аспект, и советский народ был полиэтническим сообществом, в формировании и жизнедеятельности которого приоритетное значение имела русская культура, то есть русифицированным народом. Видимо, поэтому известный руководитель СССР на международных переговорах во время второй мировой войны с заметным грузинским акцентом произносил слова «мы русские». И личность этнически нерусского советского

человека также претерпела соответствующую трансформацию. Этому способствовала в первую очередь практически вездесущая русская среда обитания.

За годы советской власти в СССР произошла весьма значительная урбанизация. Выросло городское население, были построены новые города и поселения. Они возникли во всех регионах как полиэтническая общность, но в них, естественно, формировалась русская среда обитания.

Демографическое преобладание русскоязычного массива населения и наличие русской среды обитания фиксировались в образовательном процессе. Наиболее распространенным образовательным учреждением стала русская средняя школа.

Следует отметить, что средняя школа занимает особое место в этнокультурном развитии индивида. Можно считать, что она в известной степени более и менее завершает этнокультурное строительство структуры личности. И к моменту окончания средней школы индивид входит в гражданский возраст и получает соответствующий социальный статус.

Средняя школа, где образовательный процесс осуществляется на национальном языке, должна быть национальной не только по языку, но по содержанию и культурно-этнической осмысленности усваиваемых гуманитарных ценностей. Весь гуманитарный цикл учебных дисциплин не только методически, но и содержательно препарируется в учебниках, в учебных программах на основе конкретного этнокультурного видения их проблем. Именно на этой базе, как на дрожжах, формируется и развивается национально-патриотическое чувство индивида, рационально осознается его приверженность к определенной этнической культуре, закрепляются чувства родства и солидарности, возникающие на основе культурно-этнического единства. И человек уже осознанно считает себя русским, казахом и т.д.

К примеру, возьмем историю как учебную дисциплину средней школы. Известная сентенция о том, что история является политической, опрокинутой в прошлое, безусловно, имеет основание. Дело в том, что в исторических событиях происходит столкновение этнических образований, вступающих тем самым в качестве субъектов исторических процессов. У них есть различие, даже антагонизм интересов, они обуреваемы страстью, которая формирует их идеологические оцен-

ки. Поэтому одно и то же историческое событие может рассматриваться с разных позиций, подвергаться различной, порой противоположной, этнокультурной интерпретации, а, следовательно, иметь разный социально-исторический смысл для различных этносов. Кроме того, люди черпают из истории свои идеологемы, заряжающие их чувством патриотизма. Человеческая страсть — постоянно ворошить это историческое отжившее социальное поле, стремясь найти в нем опору и объяснение настоящего. Видимо, поэтому корейцы протестуют против японских учебников по истории, эстонцы отказываются от соответствующих российских учебников. И здесь возникает вполне естественный вопрос, а по каким учебникам истории осуществляется обучение будущих граждан Республики Казахстан в наших русских средних школах, каково этнокультурное освещение исторических событий в них?

Ядром этнокультурного развития личности в средней школе является освоение таких гуманитарных дисциплин, как история своей страны, родной язык, родная литература. В них наиболее полно и непосредственно зафиксирована жизнь данного этнокультурного сообщества, его субъектность. Изучение и освоение их не только ориентирует индивида в прошлом своего народа, но способствует формированию особого этнокультурного восприятия мира. Средняя школа корректирует результаты семейного воспитания. Авторитарная система школьного образования закрепляет в сознании подрастающего поколения рационализированную систему знаний, для которой характерен вполне конкретный духовный фон национальной школы.

Но задача среднего образования заключается не только в формировании этнической основы личности. Школа готовит молодое поколение к жизни, к освоению современной социокультурной программы, дающей ей возможность адаптироваться к условиям культурно полиэтнизированной социальной среды, с ее действительными, определяющими культурными ценностями.

Поэтому в старших классах средней школы для молодого поколения открывается более широкий мир культуры. Научные знания, иностранные языки, всемирная история нового и новейшего времени, литература и культура других народов и т.д.

В целом среднее образование создает необходимые предпосылки для саморазвития личности. В дальнейшем, не теряя свою пер-

вичную этнокультурную базу, личность наращивает свой духовный потенциал путем самообразования или получения системного высшего образования, проходя повышение квалификации, поднимаясь тем самым на интеллектуально более высокий уровень. Сквозь этот потенциал всегда проглядывается этнокультурная первооснова личности, позволяющая ее этнически идентифицировать. Но жизнь и деятельность в процессе глобализации, в полиэтнической культурной среде, в условиях господства глобальных этнических культур постоянно актуализирует и наращивает именно тот творческий потенциал, который имеет креативный выход в социальную действительность. И весь процесс жизнедеятельности индивида в процессе глобализации в значительной степени определяется стандартизацией жизни, нивелировкой быта, урбанизацией, в которых этнический фактор уже не столь существен. И реальный мир, в котором живет современная личность, можно считать уже выплеснувшимся за этнокультурные и государственные рамки, ставшие для него тесными. В свое время российский интеллектуал Николай Бердяев, прозорливо предвидя процесс глобализации, писал: «Будет преодолена социально-политический провинциализм. Перед социальным и политическим сознанием станет мировая ширь, проблема овладения и управления всей поверхностью земного шара, проблема сближения Востока и Запада, встреч всех типов и культур, объединения человечества через борьбу, взаимодействие и общение всех рас. Жизненная постановка всех этих проблем делает политику более космической, менее замкнутой, напоминает о космической шире самого исторического процесса» [2].

Но тем не менее в современном мире сохраняется базовая этнокультурная основа личности, которая позволяет ей осуществлять свою этническую самоидентификацию и этническую идентификацию других людей, воспринимать мир и его глобальные и частные проблемы в известной степени через свои этнокультурные очки.

Процесс глобализации не ведет к ликвидации этнокультурной палитры человечества, но глубоко вторгается в жизнь этнических образований, создает достаточно серьезные социальные проблемы. Неравномерность развития регионов, наличие зон социальных бедствий ведут к тому, что люди становятся мигрантами, беженцами, покидают насиженные места, даже свою историческую

родину. Происходит перемещение больших этнических масс, в которых общность судеб объединяет людей на основе этнической солидарности. Поэтому в нашем современном глобализованном мире возникает проблема этнического противостояния. И в этом противостоянии есть достаточно серьезный иррациональный аспект, так как порой движет людьми глубинное этническое чувство,

обостренное бедой и безысходностью, и вызывание к разуму не дает должных результатов. И поэтому современный терроризм, безусловно, имеет этническую закваску, он иррационален по своему содержанию, в его актах и действиях разум покидает человека. И это независимо от того, кто совершает террор: отдельный человек, группа людей или государство в целом.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981. — 196 с.
2. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. — 147 с.

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (КИСИ)

КИСИ создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года. За эти годы Институт приобрел общественное признание, зарекомендовал себя в качестве одного из ведущих научно-исследовательских и аналитических центров страны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- мониторинг внутривнутриполитического и социально-экономического развития сопредельных стран;
- анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС и СНГ;
- исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- исследование проблем экономической безопасности;
- изучение тенденций развития мировой экономики и анализ их влияния на экономику Казахстана;
- исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогностно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает два периодических издания: ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр» и информационно-аналитический журнал «Analytic», в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан, а также размещает материалы на собственном сайте.

Институт проводит семинары, конференции, круглые столы, международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.

Арыстанбекова А.Х. Объединенные Нации и Казахстан. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 432 с. + вкл. 24 с.

Книга «Объединенные Нации и Казахстан» чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан Акмарал Арыстанбекова посвящена 10-летию вступления Казахстана в ООН.

Автору довелось лично участвовать в подготовке этого исторического акта и в течение восьми лет работать первым Постоянным Представителем Республики Казахстан при ООН.

Поэтому предлагаемая читателю книга — это яркий рассказ не просто очевидца, но непосредственного участника событий, опирающегося на ней, и этим она отличается от многих других книг, посвященных деятельности ООН. В то же время через личное участие и восприятие явлений автор пытается раскрыть роль и место ООН в международной жизни, показать сложный механизм работы основных органов этой главной международной организации, ознакомить читателя с ее богатой историей. Книга читается с большим интересом благодаря хорошему литературному языку и последовательному изложению происходящих событий, что позволяет читателю представить цельную картину вхождения Казахстана в мировое сообщество Наций.

В книге подробно описано рассмотрение заявления Казахстана о вступлении в ООН в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее, показана деятельность Постоянного Представительства Республики Казахстан по защите интересов своей страны и созданию через сотрудничество с ООН благоприятных условий для ее прогрессивного развития. При этом через всю книгу красной нитью проходит чувство гордости автора за свою страну, обретшую независимость на историческом переломе 90-х годов двадцатого столетия.

С особым интересом читаются главы книги, в которых рассказывается об историческом добровольном отказе Казахстана от ядерного потенциала, четвертого по величине в мире, об инициативе Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на 47-й сессии ГА ООН по созову Совещания по взаимодружеству и мерам доверия в Азии (СВМДА),

первых шагах по продвижению этой инициативы на международной арене.

Как видно из книги, автор большое значение придавала формированию позиции молодой страны в отношении многочисленных вопросов, стоящих в обширной повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН. В этой связи представляет интерес личный опыт автора в работе на одном из важнейших и сложнейших направлений деятельности ООН — поддержке мира и международной безопасности, которым занимается Первый Комитет. Становление дипломата вместе со становлением и утверждением авторитета своей страны в главной международной организации способствовало признанию ее профессиональных качеств на посту заместителя Председателя Генеральной Ассамблеи и других важных органов ООН.

А.Х. Арыстанбековой была проведена огромная работа по продвижению в системе ООН предложений Главы Республики Казахстан о привлечении активной международной помощи в решении проблем бывшего ядерного полигона в районе Семипалатинска. Ее результатом стало принятие специальной резолюции ООН по Семипалатинскому региону, призывающей государства — членов ООН оказать помощь Казахстану в преодолении последствий ядерных испытаний.

В книге использовано много фактических документов и материалов об истории ООН, начиная с конференции в Сан-Франциско и заканчивая празднованием 50-летия Организации, которые помогают читателю лучше узнать о роли ООН в решении конфликтных ситуаций и поддержке мира и безопасности, содействии экономическому и социальному прогрессу во всем мире.

Используя обширную зарубежную литературу на английском языке, автор рассказывает об отдельных, порой недостаточно известных, страницах истории создания этой уникальной организации, таких, как, например, конференция в Думбартон-Оксе. С интересом читаются личные впечатления автора от знакомства с Уставом ООН, историческими местами в Сан-Франциско и Вашингтоне.

не, где проходили знаменитые международные конференции в 1944 и 1945 годах.

Разделы книги написаны с чувством глубокого знания дела, пониманием сути происходящих в мире политических событий, как и подobaют опытному дипломату. На внешнеполитической арене Республики Казахстан А.Х. Арыстанбекова появилась не случайно. Она освоила народную дипломатию, работая в 1983–1989 годах в качестве заместителя Председателя, а затем Председателя Президиума Казахстанского Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. В 1989–1991 годах она — Министр иностранных дел Казахской ССР, с 1992 по 1999 год — Постоянный Представитель Республики Казахстан при ООН.

Мне довелось впервые познакомиться с ней в 1990 году, когда она была Министром иностранных дел Казахстана, кстати, единственной женщиной среди союзных министров.

Книга подкупает своей искренностью, верой автора в идеалы Организации Объединенных Наций. Она считает, что альтернативы этой организации нет, что ООН была и будет необходимым инструментом в решении международных проблем, и особенно сейчас, в эпоху глобализации.

С особой теплотой автор пишет о женщинах — посла в ООН, о своей дружбе с постоянными представителями государств

Книга не относится в строгом смысле к разряду монографий или учебников для высших учебных заведений, но тем не менее начинающие дипломатические работники, преподаватели и студенты факультетов международных отношений, прочитав книгу, могут получить самые широкие представления об ООН и ее специализированных учреждениях, узнать много других фактов, приведенных из жизни дипломатов-профессионалов.

Ценность книги заключается в том, что автор впервые делает анализ и исследование отношений между Республикой Казахстан и ООН. А.Х. Арыстанбекова сама стояла у истоков этих отношений, она активно способствовала развитию многостороннего сотрудничества своей страны с ООН, вхождению Республики Казахстан в мировое сообщество. Поэтому книга Акмарал Арыстанбековой весьма полезна для тех, кто изучает международные отношения Республики Казахстан, и для самого широкого круга читателей.

Б.Д. Пядышев,
главный редактор журнала
«Международная жизнь»

Н.Р. Жотабаев Н.Р. О демократии и парламентаризме. — Алматы: Арыс, 2000. — 322 с.

В 2000 г. в издательстве «Арыс» вышла книга известного государственного и общественного деятеля, заместителя председателя Федерации профсоюзов Казахстана Нигмета Рахматовича Жотабаева «О демократии и парламентаризме». В ней синтезированы жанры мемуаров, публицистики и научно-исследовательской монографии, что делает ознакомление с ее содержанием чрезвычайно интересным занятием. Серьезные политологические рассуждения чередуются с живым описанием тех событий, очевидцем которых довелось быть автору.

В. Маяковский сказал: «Большое видится на расстоянии». В прошлом году Казахстан праздновал 10-летие своей государственной независимости. Конечно, с исторической точ-

ки зрения это небольшой срок. Тем не менее данное десятилетие вместило в себя очень многое: создание основных институтов независимого государства, рыночные реформы, переход к другой политической и экономической системе. Нельзя забывать, что история независимого Казахстана делалась живыми людьми. Безусловно, главная роль в осуществлении преобразований принадлежит первому Президенту страны Н.А. Назарбаеву. Анализ его деятельности нашел отражение в ряде публицистических и научных работ.

Однако рядом с ним трудились и другие люди, внесшие свой посильный вклад в становление новой страны, но волею обстоятельств обделенные вниманием историков и

политологов. Целая галерея портретов соотечественников, стоявших у истоков молодой казахстанской демократии, в какой-то мере восполняет указанный пробел.

Книга состоит из четырех разделов, логически связанных между собой задачей раскрытия заявленной в названии темы. В первой главе — «Некоторые штрихи парламентской деятельности. Взгляд из Кремля» — рассматривается деятельность последнего Верховного Совета СССР, депутатом которого был автор монографии. Живым, доступным языком Н.Р.Жотабаев передает тот накал страстей, который сопровождал работу верхней палаты союзного парламента — Совета Республики в период «войны суверенитетов», олицетворением которой стали отношения М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина. Разительные перемены в психологических портретах инициатора перестройки, первого и последнего Президента СССР, которые даются автором по итогам двух аудиенций у главы Советского Союза. Разница во времени между двумя встречами небольшая, но перед нами словно предстают два совершенно разных человека. В первом случае — уверенный в себе харизматический лидер супердержавы, во втором — вытеснивший из своих рук бразды правления неудачник, проигравший борьбу за власть первому российскому Президенту, чей рекламный Жак Сегела образно назвал «человек-танк».

Автор поднимает вопрос легитимности беловежских соглашений, юридически зафиксировавших распад СССР, а также нравственную проблему этики новой, демократической власти. Выдворение из своего кабинета Президента Советского Союза, унижение человека, являвшегося определенным символом страны, скоростный роспуск союзного парламента и хамское отношение к бывшим народным избранникам затем закономерно, по мнению Н.Р.Жотабаева, находят свое продолжение в расстреле мятежного российского парламента осенью 1993 г.

Для Казахстана последний советский парламента был знаменателен тем, что впервые в его истории верхнюю палату возглавил наш соотечественник, известный писатель и общественный деятель А.Т.Алимжанов, а заместителем председателя Совета Республики стал видный ученый-экономист, академик У.Б.Баймуратов. С некоторой горечью автор описывает процесс агонии супердержавы, но все же обретение государственной независи-

мости Казахстаном, реализация вековой мечты казахского народа перевешивают те отрицательные моменты, которые сопровождали распад союзного государства.

Второй раздел — «Демократия: миф и реальность (размышления после поездки в США)» написан по материалам визита парламентской делегации Казахстана в Капитолий, в составе которой находился Н.Р.Жотабаев осенью 1993 г. В главе дается сравнительный анализ деятельности парламента РК и США, детально исследуется политическая система классической президентской республики. Данный раздел ценен тем, что автор пытается найти применение американскому опыту в Казахстане, предлагает пути усовершенствования деятельности правительств и парламента, взаимоотношений исполнительской и законодательной властей, демократизации избирательной и партийной систем.

Поскольку данные заметки были сделаны в 1993 г., для людей, профессионально занимающихся аналитикой, представляют интерес следующие выводы: «Заслуживает серьезного внимания исследовательская служба Конгресса. По существу, это информационный и аналитический центр, который с помощью новейшей вычислительной техники в считанные минуты выдает самые необходимые данные. Конгрессмены обеспечены полной информацией по многим вопросам политики, экономики и других сфер человеческой деятельности... Да, занять такую исследовательскую службу не помешает и нашему парламенту. Необходимость информационно-аналитического центра Верховного Совета, в будущем профессионального, — это уже веление времени». Надо отметить, что ИАЦ был создан еще в структуре Верховного Совета XIII созыва (директор — М.М.Аренов), а сейчас он входит в аппарат Мажлиса Парламента и успешно выполняет функцию информационно-аналитического сопровождения законодательской деятельности депутатов (директор — С.Т.Сейдуманов).

Название третьего раздела говорит само за себя — «Начало парламентаризма в Казахстане (О Верховном Совете двенадцатого созыва)». Здесь анализируется романтический период казахстанской демократии на конкретном примере работы, пожалуй, самого сильного по персональному составу отчетственного парламента, формировавшего законодательную базу развития независимого государства.

Символично, что первым законопроектом, обсуждавшимся и принятым Верховным Советом XII созыва, стал «Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР». Автор книги красочно описывает перипетии обсуждения этого и других законов, процедуру первых выборов парламента, Президента республики, избрание спикером после ухода Н.А.Назарбаева с поста Председателя Верховного Совета Е.М.Асанбаева, затем, после назначения последнего вице-президентом страны — С.А.Абдылда, незапланированное победившего в острой конкурентной борьбе своего основного соперника.

Политические портреты многих депутатов, по сей день играющих видную роль в общественно-политической жизни страны, представляют бесценный материал для исследователей. Внимательный читатель найдёт в этой главе некоторые подробности, которые вряд ли можно встретить в других источниках, что придает особую ценность монографии.

Завершает книгу раздел «Общество всего благоденствия (датская действительность)», посвященный анализу концепции социального государства, успешно реализованной в скандинавских странах. Здесь автор больше выступает в качестве профсоюзного деятеля, что вполне объяснимо. В странах Северной Европы политическая систе-

ма построена на принципе социального партнерства, основным механизмом реализации которого является так называемый трипартизм — консенсусные отношения государства, объединений работодателей и профсоюзов. В Казахстане эта практика только складывается, поэтому большой интерес представляет датский опыт, особенно в плане его практической применимости в нашей стране. Как говорил один сатирик, хочется работать как у нас, а жить — как у них, в развитых странах.

В заключение необходимо отметить, что казахстанская политология обогатилась еще одной хорошей монографией, которая имеет ценность и как первоисточник (мемуары непосредственного участника многих исторических событий), и как добротный научно-исследовательский материал, с чем можно поздравить читателя. Можно только позавидовать таланту и трудолюбию Н.Р.Жотабаева, который поставил своеобразный рекорд — в 62 года защитил кандидатскую диссертацию по политическим наукам, накануне своего 65-летия находясь в расцвете творческих сил, полон замыслов относительно написания новых книг, и пожелать ему здоровья, долготы и успехов на научном поприще.

М.С.Машин,
директор Аналитического центра
«Стратегия», доктор политических наук

SUMMARY

MATERIALS OF THE CONFERENCE «ISLAM AND NATIONAL SECURITY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES»

The conference «Islam and national security of the Central Asian countries» was devoted to one of the important problems—the problem of the religious terrorism, which according to its scales and organisational depth can compete with such powerful types of terrorism as ideological, nationalistic, state and international terrorism. In the materials of the participants of the conference there is a broad range of different scenarios of development of the social and political situations in the Central Asia, the analysis of the state and reasons of the politicisation of Islam, attempts of the scientific definition of the problem are made.

Article: «THE QUESTION ABOUT THE LAND» IN CHINA IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF THE CHOICE OF THE MODEL OF DEVELOPMENT»

Author: *V. Galyamova, post-graduate of Institute of oriental studies under the name of R. B. Suleimenov of the Ministry of Education and Science of RK*

The article analyses a lot of attempts of solving of the agricultural problem in China, made during the 20th century, on the basis of which the author makes the conclusion — the contemporary state of social and political development is in many ways traditional and it's far from the final. In particular, the author notes that the principles of the socialist society, to which the Chinese government keeps, — refusing from the large private property on the means of production and the necessity to strengthen the socialist state, close the ways of the further development of the Chinese society, particularly of Chinese peasants.

Article: «HISTORICAL AND CONTEMPORARY MODELS OF MODERNISATION»

Author: *Umbetaliyeva T., scientific secretary of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Republic of Kazakhstan, candidate of political sciences.*

The author studies the problem of political transformation and determination of the place of Kazakhstan in the globalisation processes, which have embraced the contemporary society. In this connection the author analyses various models of modernisation and supposes that Kazakhstan will have to solve the whole set of historical tasks on the basis of the created industrial society, multinational world, social and cultural infrastructure, sovereignty.

Article: «WORLD EXPERTISE OF SOCIAL SPHERE TRANSFORMATION IN THE SUBJECT OF MARKET RELATIONS»

Author: *Iskakov N., candidate of economical sciences.*

The writer of the paper, analyzing the given problem, approves, that all world patterns demonstrate a multi-way solution of problems of seizure, of incomes and social security. The emphasis in incomes allocation is made on the principles of solidarity, partnership, equality, the tendency to supply the full or high seizure, decrease of an inequality in the incomes is supervised in the continental and Japanese patterns. In Western Europe the index of the incomes differentiation compound 4-5:1, in Sweden 3:1, and in Japan 4:1.

The wage in the spheres of education, public health services and culture, as a matter of fact, defaults the other reproduction challenging function and its substance is distorted. By the way the expenditures on the hired worker and their major component — wage have an objective ground formed in cost of normal reproduction of the worker and his family, or in the cost of the boons, indispensable for such reproduction, and services. The historical and intellectual factors, i.e. tradition, the cultural level of a country, natural and climatic conditions, worker's claims etc. are influenced, as it is known, by the bulk of vital necessities of the worker. Labour productivity level appears to be an objective limitation device of the workers' claims. A wage should be held out on its worthy level and be paid in time for the development of a reproduction challenging role. At its low level the reproduction of the worker takes place in a harmful aspect and the challenging role, generic in

it is eliminated, it turns in «the grant-in-aid». Therefore, the installation of social warranties is necessary in the field of the incomes to a level supplying normal reproduction of the population.

Article: «A TRANSIT POTENTIAL OF REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: A STATE, POSSIBILITIES AND MECHANICS OF REALIZATION»

Authors: *Gusseva L., high scientific employee of foreign-policy studies department of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK; Smirnov S., high scientific employee of geo-globalistic and economic security department of Kazakhstan Institute for Strategic Studies.*

In the paper the writers give a deep analysis of modern state and possibilities of a transit potential of Kazakhstan. They approve that the development of a transit motor transportation potential of the republic is possible only at supply of system approach to the development of all components of the complex: management systems, normative — legal base, creation of a uniform information field for all market participants of international motor transportation services. At the same time it is difficult to hope for attractiveness of transit tracks without safety control of traffic on the motorways and granting of a minimum set of services on the way. The development of motorways, of an roadside infrastructure, of services is the establishing request of heightening attractiveness of the domestic transit mainlines.

Article: «SOME PROBLEMS OF JUDICIAL NATURE AND ON THE ORGANISATION OF LOCAL EXECUTIVE AUTHORITY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN»

Author: *Donakov T., first deputy of the head of the State-judicial Department of President Administration of RK, candidate of economical sciences.*

The article reviews some problems of judicial nature and on the organisation of local executive authority of the Republic of Kazakhstan.

According to the author, administrative territorial establishment, created in Kazakhstan for the aims of state governing, should be rather conservative, as its stability provides the stability of the authoritative structures themselves.

Also, proclaiming the idea of a strong state authority, providing its unity on all the levels of governing, non-admission of separatism in any form; the author says that we shouldn't extremely limit the powers of local bodies and the financial basis of the activity. It's necessary to create a reasonable combination of centralisation and decentralisation of governing.

Article: «THE FORMATION OF THE ETHNOCULTURAL STRUCTURE OF AN INDIVIDUAL AS A SOCIAL PROBLEM»

Author: *Baideldinov L., doctor of philosophical sciences, professor.*

The article reviews the problem of the formation of the ethnocultural structure of an individual and its influence on the social and political situation of the contemporary society. The author tries to analyse the wide range of the actual problems, which appeared in the sphere of education and culture of Kazakhstan in its historical and political meaning.

Журнал Казахстан-Спектр
№3, 2002

1. Акимбеков С.М. – главный редактор журнала «Континент»
2. Бабаджанов Б.С. – зав. отделом исламоведения, докторант Института востоковедения АН Узбекистана
3. Байдельдинов Л.А. – доктор философских наук, профессор
4. Галимова В.Ф. – аспирант Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова
5. Гусева Л.Ю. – старший научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
6. Донаков Т.С. – первый заместитель заведующего Государственно-правовым отделом Администрации Президента РК, кандидат юридических наук
7. Жихорь Ю. – эксперт Британского Института по освещению войны и мира (IWPR)
8. Избаиров А.К. – научный сотрудник отдела «Научного анализа и прогнозирования» Института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК
9. Исаков Н.А. – кандидат экономических наук
10. Кадыржанов Р.К. – зав. отделом политологии и этносоциологии Института философии и политологии МОН РК, доктор философских наук, профессор
11. Курганская В.Д. – ведущий научный сотрудник отдела философии, политики и права Института философии и политологии МОН РК
12. Нурмухамедов Б.Ж. – кандидат исторических наук, независимый политолог
13. Олимова С. – зав. отделом социологии исследовательского центра «Шарк», редактор журнала «Центральная Азия и Кавказ» в Таджикистане
14. Смирнов С.Л. – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
15. Тукумов Е.В. – заведующий отделом внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
16. Умбеталиева Т.Б. – ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
17. Хамисов В.М. – ученый секретарь МИСИ, председатель РГ УКЦА ПРМ Консорциума
18. Шатц Э. – доцент Университета Южного Иллинойса, политолог
19. Шоманов А.Ж. – первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат философских наук